

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ
КОМПЛЕКСНЫХ СОЦИАЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ
ЛАБОРАТОРИЯ АРХЕОЛОГИИ, ИСТОРИЧЕСКОЙ СОЦИОЛОГИИ
И КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ

А. В.

СБОРНИК НАУЧНЫХ ТРУДОВ
В ЧЕСТЬ 60-ЛЕТИЯ
А. В. ВИНОГРАДОВА

Санкт-Петербург
Культ-Информ-Пресс
2007

А. А. Ковалев

ЧЕМУРЧЕКСКИЙ КУЛЬТУРНЫЙ ФЕНОМЕН (СТАТЬЯ 1999 ГОДА)

Появление и развитие чемурчекского культурного феномена на Рудном и Монгольском Алтае и в Северной Джунгарии, ознаменовавшего собой культурную трансформацию Саяно-Алтая как следствие вторжения мигрантов – носителей традиций коридорных гробниц из Западной Европы (Франции) в середине 3 тысячелетия до н. э., требует фундаментального междисциплинарного исследования силами всех алтайских государств – Китая, России, Монголии, Казахстана, а также европейских ученых.

В связи с этим вызывает глубокое огорчение, что мои статьи (Kovalev 1999; 2000), в которых впервые атрибутирована и датирована эта общность, сделан вывод о ее западноевропейском происхождении и о ее роли в формировании раннескифской статуарной традиции, мало известны российским исследователям. Кроме того, текст германской статьи 2000 г. был переделан без ведома автора: исключена преамбула, заменены подписи к рисункам, искажены либо опущены наименования и нумерация многих памятников (что вызвало еще большую путаницу, чем та, которую устроили китайские исследователи), исключена треть таблиц, а часть рисунков дана в отвергнутом автором первоначальном варианте, в переводе имеются грубые ошибки (типа «афанасьевская культура XIII–XII вв. до н. э.»); по непонятным причинам искажено даже название чемурчека – вместо китайской транскрипции Qiemuerqieke дано “Хетирхек”, что в резюме на русском обратно переведено как «ксемирксекая» культура!

К сожалению, русскоязычный вариант моей статьи, подготовленный зимой 1999 г. и переданный для публикации в Кемеровский госуниверситет, так и не увидел свет, поскольку готовившийся там сборник не был опубликован.

Сегодня представляется целесообразным представить публикацию этого труда с минимальными комментариями, сопроводив ее текстом обзорной статьи по итогам наших исследований чемурчека за прошедшие восемь лет.

Среди исследованных на севере Синьцзяна каменных изваяний есть несколько десятков экземпляров, которые резко отличаются от тюркских каменных баб, оленных камней и имеют характерные черты как раннескифских статуарных памятников, так и энеолитических изваяний Причерноморья и Предкавказья. Множество таких изваяний было открыто в 1961 г. совместной экспедицией музея Синьцзян-Уйгурского автономного района и поискового отряда уезда Алтай во время разведки в юго-западных предгорьях Алтайских гор, между руслом Черного Иртыша и подножием гор от уездного центра Алтай до уездного центра Хабахэ (Habahe) (Каба). Часть этих памятников была описана в статье, опубликованной в 1962 г. (Ли Чжэн 1962; 1983) (ил. 1, 3).

К сожалению, чудовищное качество рисунков, фотографий и неясность описаний этих предметов существенно затрудняли их детальное исследование. В последние годы усилиями сотрудников Синьцзян-Уйгурского музея в Урумчи и музея в окружном центре городе Алтай были проведены масштабные разведки статуарных памятников в предгорьях Алтая, результатом чего явился ряд публикаций качественных фотографий изваяний и описаний связанных с ними погребальных сооружений. В последних китайских публикациях такие изваяния однозначно датируются эпохой поздней бронзы (1200–700 лет до н. э.) (Ван Линьшань, Ван Бо, 1996. С. 92–93; Ван Бо 1996. С. 274–276; Ван Бо, Ци Сяошань 1996. С. 205–215). Однако многими исследователями все изваяния из юго-западных предгорьев Алтая относились к тюркскому (Debaine-Francfort. 1989. P. 197–198), в лучшем случае – отчасти к скифо-сарматскому (Чэнь Гэ 1995. С. 38) времени. В российской литературе «изваяния из Кэрмуци», известные по публикации 1962 г., датировались тюркским временем (Литвинский 1995. С. 299–300). Ю. С. Худяков относит изваяния к тому же периоду; правда, поскольку он располагал несравненно более качественными фотографиями из альбома 1996 г., его внимание привлекло композиционное и стилистическое отличие этих памятников от «других видов каменных изваяний» Центральной Азии (Худяков 1998. С. 218). А. В. Варенов предположил, что одно из иртышских изваяний – из урочища Актубай (волость Чемурчек, уезд Алтай) – является переиспользованной в скифское или древнетюркское время стелой эпохи бронзы. К древнейшему пласту изображений на этом

памятнике он отнес фигуры быков с направленными вперед изогнутыми рогами. В то же время древнетюркская атрибуция остальных стел не вызвала возражений исследователя (Варенов 1998. С. 60, 68).

Основанием для отнесения указанных изваяний к эпохе бронзы для Ван Бо и Ван Линьшаня стала только их планиграфическая связь с погребальными сооружениями – каменными ящиками в прямоугольных оградах. Некоторые из памятников этого вида были раскопаны в волости Кэрмуци (Keermuqi) (ныне Чемурчек (Qiemurqiek)) в 1963 г. и дали ранний материал (см. ниже). Нельзя было считать достаточной такую аргументацию. Ведь ни рисунков, ни фотографий антропоморфных стел, установленных у раскопанных могил эпохи бронзы, опубликовано не было. Для датировки не привлекались стилистические особенности изваяний и типы изображенных на них предметов. Нумерация памятников в различных изданиях не совпадала, точные планиграфические привязки отсутствовали. Для того чтобы прояснить ситуацию, мною была предпринята поездка в округ Алтай, где 3–4 мая 1998 г. мне удалось осмотреть местоположение раскопанных в 1963 г. погребальных сооружений и соседствующих с ними памятников. В те же дни мне посчастливилось ознакомиться с находками из «могильника Кэрмуци», хранящимися в Урумчи и городе Алтай (благодарю Научно-исследовательский институт культурного наследия и археологии Синьцзяна и лично профессора Идриса Абдурусула (Idris Abdurusul) и профессора Люй Эньго (Liu Enguo) за оказанную ими бесценную помощь в этой поездке, а также профессора Ван Бо за любезно предоставленную информацию). Основные итоги предварительного исследования каменных изваяний Черного Иртыша были доложены на Международной конференции, посвященной 100-летию М. И. Артамонова в начале декабря 1998 г. (Ковалев 1998). Ниже приводится краткое изложение сведений о ранних статуарных памятниках юго-западного Алтая (все прорисовки изваяний выполнены Е. Ковалевой).

Приблизительно в одном километре к западу от селения Кайнарл (Kainarl) волости Чемурчек (бывший 2-й отряд коммуны Кэрмуци) уезда Алтай, в долине реки Чемурчек (Кэрмуци), находится прямоугольная каменная ограда, ориентированная длинной осью по линии запад-юго-запад–восток-северо-восток, размерами с севера на юг около 30 м, с запада на восток – около 60 м (ил. 3, 1). Ограда сооружена из каменных плит толщиной до 20 см, длиной 1–1,5 м, установленных на ребро и выступающих над поверхностью земли на 30 см. Внутри ограды по всей площади прослеживается земляная насыпь высотой примерно до 70 см, в центральной части – выступающие на поверхность насыпи края каменного ящика (видимо, впускного), размерами в плане около 2 × 2 м, ориентированного сторонами по сторонам света, сложенного из необработанных плит. С юго-запада от ящика на поверхности насыпи лежит валун размерами примерно до 1 × 1 × 1 м, сплошь покрытый чашевидными углублениями (фото 2).

Форма и размеры сооружения совпадают с описанием ограды, осмотренной во время разведки 1961 г., у которой установлены изваяния Кэрмуци 6–9 (Ли Чжэн 1962. С. 105). По нумерации Ван Бо и Ван Линьшаня (опубликовавшими приведенный план и фотографии сооружения) это могильное сооружение Кайнарл 1 (Ван Бо 1996. С. 275; Ван Линьшань, Ван Бо 1996. С. 34, 46, 82; Ван Бо, Ци Сяошань 1996. С. 52–53). Осмотрено автором настоящей статьи.

Вдоль восточной стенки ограды, примерно в 1 м от нее, в ряд установлены пять каменных изваяний (№ 1–5 с юга на север) лицом на восток (ил. 3, 1; фото 1).

Изваяние 1 представляет полуфигуру обнаженного мужчины. Высота 1,7 м. В сечении овальное, плавно сужается кверху. Туловище подпрямоугольное. Контур головы, плавно расширяясь, переходит в шейную часть и далее к плечам. Лицо рельефно выделено, сверху окаймлено валиком, на щеках высоким рельефом показаны треугольные щитки, сзади, на затылке, выделен край головного убора или прически. Можно сделать предположение о том, что таким образом изображен шлем с башлыком. Брови и нос показаны одной выпуклой биволутой фигурой, зрачки – выпуклыми кружками. Контур глаз не прослеживается. Рельефом показаны серповидные усы. Овальным углублением – рот. Выделен выпуклый подбородок с желобком посередине. На плечах висит плоская гривна с изгибом в центре (изображена только на лицевой стороне). Ниже рельефно моделированы мышцы груди. На спине рельефом показаны лопатки (ил. 4; фото 3). (Мною была проведена фотосъемка изваяния с востока и запада, фотографии (только с лицевой стороны) и описания см. также: Ван Линьшань, Ван Бо 1996. С. 34, 82; Ван Бо, Ци Сяошань 1996. С. 52–53. № 157).

Изваяние 3 имеет в высоту около 1,7 м (наклонено), выполнено в форме плоской скульптуры из камня подквадратного сечения с закругленной верхней частью. На плоской передней грани высоким рельефом изображен тонкий кольцевой валик, окаймляющий лицо. Внутри этого кольца моделировано плоское овальное лицо, поверхность которого несколько углублена. В верхней части лицо смыкается с валиком. Вероятно, таким образом был изображен шлем с башлыком. Нос показан прямоугольным горизонтальным выступом, так же моделированы и глаза. Выпуклым валиком изображены дугообразные усы, ниже – подпрямоугольным углублением рот, от которого к подбородку идут два вертикальных желобка. Верхняя и правая часть головы отбита, что не позволяет установить форму выпуклых бровей, которые, видимо, смыкаются с валиком. На щеках слабо прочитывается кон-

тур рельефных треугольников, как на изваянии 1. Ниже на передней грани показана гривна округлого сечения. С этого уровня начинаются рельефные изображения рук, сложенных на груди и животе, правая под левой. В правой руке зажат стержень, оканчивающийся снизу округлым крючком, показанный высоким рельефом. От кисти правой руки идут две тонкие расходящиеся прочерченные линии, соединенные на другом конце между собой более широкой линией. К углу образовавшегося треугольника примыкает фигура быка с тонкой мордой, дважды изогнутыми рогами, хвостом с кисточкой на конце, выполненная в технике контррельефа. Ухо быка, показанное контуром, имеет спереди прямой обрез, сзади – округлый (ил. 5, 1, 3; фото 4). (Мною были сделаны фотографии лицевой грани изваяния, фотографию и описание см. также: Ван Линьшань, Ван Бо 1996. С. 34, 82; Ван Бо, Ци Сяошань 1996. С. 116, 194. № 298.)

Данную композицию можно интерпретировать как изображение упряжки быков, которой правит субъект, представленный изваянием. Зажатая в кулаке правой руки палочка – не что иное, как «стимул» для управления упряжкой. Аналогичная композиция представлена на петроглифе, обнаруженном буквально в 20 км от селения Кайнарл, в долине реки Кэланьхэ (Kelanhe) (Кран), выше города Алтай (местонахождение Утубулак) (ил. 10, 1) (Чжао Янфэн 1987. С. 91; Су Бэйхай 1994. С. 534; Худяков 1995. С. 121–122).

Изваяние 2 совершенно аналогично описываемому далее изваянию у погребального сооружения 2 могильника Кайнарл 2 (курган Кэрмуци 2 по нумерации И Маньбай). Изваяния 4, 5 также подобны ему, однако контур груди здесь показан в виде двух свисающих треугольников, отсутствуют изображения усов. На лице изваяния 5 показаны выпуклые треугольники на щеках. (Фотографии и описания см.: Ван Линьшань, Ван Бо 1996. С. 34, 82; Ван Бо, Ци Сяошань 1996. С. 53, 163. № 156, 158, 159.)

На северной окраине селения Кайнарл (бывший 2 отряд коммуны Кэрмуци) мною было осмотрено могильное сооружение 2 могильника Кайнарл 2 (по нумерации Ван Бо и Ван Линьшаня (Ван Бо, Ван Линьшань 1996. С. 35, 82). Оно представляет собой прямоугольную ограду, аналогичную вышеописанной, ориентированную длинной осью по линии восток–запад, по моим измерениям размерами около 27 × 18 м, в западной части которой находится раскопанный (видимо, в 1963 г.) каменный ящик размерами около 2 × 2,9 м, глубиной (на сегодняшний день) не менее 1,5 м, каждая из трех стенок которого (четвертая отсутствует) сложена из одной плиты толщиной около 15 см. Плиты подтесаны и выведены заподлицо древней дневной поверхности. Ящик ориентирован длинной осью по линии север–юг. В 2 м к востоку от середины восточной стенки ограды установлено каменное изваяние, нижняя часть которого осталась врытой в землю, а отломленная верхняя часть лежит рядом. Похоже, что средняя часть камня отсутствует. Судя по размерам, ориентации и местоположению ограды, это не что иное, как раскопанное в 1963 г. «могильное сооружение 2 могильника Кэрмуци». В статье, посвященной публикации материалов этих раскопок, говорится о том, что рядом с сооружением 2 находится упавшее каменное изваяние, в таблице приводятся размеры ограды (18,8 × 27,5 м), ящика (2 × 2,9 × 1,78 м), ориентация ящика – северо-северо-восток. Правда, таблица говорит о том, что ограда ориентирована по линии север–юг, однако в приведенном здесь же плане она изображена с ориентацией с запада на восток, с каменным изваянием с восточной стороны (И Маньбай, Ван Минчжэ 1981. С. 23, 26, 28) (см. ил. 2). Идентификация сооружения Кайнарл 2 с курганом 2 могильника Кэрмуци имеет принципиальное значение, поскольку позволяет связать с конкретным каменным изваянием инвентарь раскопанного в 1963 г. погребения (см. ниже).

Сохранившаяся часть изваяния имеет длину около 1,4 м, в разрезе – овальную форму, толщиной около 50 см. Изваяние плавно сужается кверху, имея небольшие уступы на уровне плеч, верхняя грань округлая. На лицевой грани изображен кольцевой валик, окружающий уплощенное лицо. На лице высоким рельефом показаны нос и брови в виде единой биволлютообразной фигуры, зрачки в виде колечек, серповидные усы, а также губы в виде кружка вокруг ямки, изображающей рот. Под лицом, «на шее», на лицевой грани высоким рельефом показана дугообразная линия, от которой отходят треугольные шевроны. Возможно, таким образом изображен шлем с башлыком, передний нижний край которого украшен. На плечах спереди показана выпуклая тонкая гривна округлого сечения, под ней, уступом, – нижний контур грудных мышц. На груди, левой щеке и правом виске изваяния выбиты 13 хорошо заглаженных чашевидных углублений (ил. 5, 2). (Мною был сделан эстампаж лицевой грани изваяния; фотографии и описания см. также: Ван Линьшань, Ван Бо 1996. С. 35, 82; Ван Бо, Ци Сяошань 1996. С. 65, 168. № 183.)

Приблизительно в трехстах метрах к северо-западу от селения Кайнарл находится еще одна осмотренная мною прямоугольная ограда, сложенная из валунов (в один ряд) размерами до 70 × 70 × 70 см, ориентированная сторонами по сторонам света, размерами с запада на восток около 15 м, с юга на север – около 14 м. Насыпь не прослеживается. В двух метрах от середины восточной стенки ограды лицом на восток установлено каменное изваяние высотой 0,75 м. Согласно полевой документации Ван Линьшаня и Ван Бо, это изваяние 1 из могильника 2 у казахского поселка Кайнарл (бывший 2-й отряд коммуны Кэрмуци, см. план на ил. 2) (Ван Линьшань, Ван Бо 1996. С. 35, 82). По нумерации Ли Чжэна это каменное изваяние 2 из Кэрмуци (Ли Чжэн 1962. С. 103. Рис. 6).

Изваяние выполнено в форме плоской скульптуры. Полуфигура. В сечении плавно сужается кверху. Туловище подпрямоугольное, несколько расширяется к плечам. Дисковидная голова утоплена в печи до уровня рта. Лицо плоское. Рот показан округлой выемкой. Прямоугольный контур носа намечен неглубокой выбитой линией, так же показаны сходящиеся над переносицей брови. Зрачки показаны в виде округлых ямок. Лицо окаймлено кольцевым уплощенным валиком, утолщающимся слева и справа. На плечах висит одновитковая гривна округлого сечения, показанная высоким рельефом. Гривна плавно расширяется к середине, где имеет подтреугольный выступ, в сечении вогнутый. Рельефно подчеркнута мускулатура груди. На спине углублением показана линия позвоночного столба и выделен верхний контур лопаток. На груди – три заполированных «чашевидных» углубления. В публикации 1962 г. указывается, что на изваянии имеются также «гравированные изображения», которые при осмотре выявить не удалось (ил. 6, 2). (Мною была проведена фотосъемка и эстампаж изображений; фотографии и описание изваяния см. также: Ли Чжэн 1962. С. 103. Рис. 6; Ван Линьшань, Ван Бо 1996. С. 35, 47, 82; Ван Бо, Ци Сяошань 1996. С. 60, 166. № 172.)

Еще одно погребальное сооружение, частично разрушенное современным кладбищем, было осмотрено мною на правом берегу реки Чемурчек (Кэрмуци), примерно в 1,5 км выше селения Кекешмулаокемчи (Kekeshemulaokemqi) (бывший 1-й отряд коммуны Кэрмуци). Здесь еще прослеживаются остатки сложенной из обломков плитняка крупной прямоугольной ограды, ориентированной сторонами по сторонам света, шириной с севера на юг не менее 10 м, внутри которой находится разграбленный каменный ящик, ориентированный длинной осью по линии север–юг, размерами в плане 1,90 × 1,65 м, глубиной около 1,4 м, сложенного из четырех плит толщиной 15–20 см, которые были подтесаны и плотно пригнаны друг к другу. Ящик находится примерно в шести метрах от восточной стенки ограды, а строго на восток от середины стенки ящика, в трех метрах от ограды лицом на восток установлено каменное изваяние высотой 2,75 м, толщиной около 30 см. Это изваяние было осмотрено экспедицией 1961 г. и описывается под номером Кэрмуци 13 (Ли Чжэн 1962. С. 105).

Изваяние выполнено в форме плоской скульптуры. Сечение камня овальное. Лицевая грань расширяется кверху, голова и шея отделены уступом на уровне плеч. Выступ, изображающий голову, уплощен, шея показана небольшими выемками слева и справа. Углубленную плоскость «лица» окаймляет округлый валик, внутри него прослеживаются контуры каких-то выпуклых изображений (рот, усы, треугольники?). На лицевой части высоким рельефом показана лежащая на плечах гривна округлого сечения. Поверхность изваяния сильно выветрена, однако в нижней части можно проследить следы углубленных изображений. На расстоянии метра к югу от этой фигуры в землю вкопан еще один плоский каменный столб высотой около 70 см (ил. 6, 1). (Мною была проведена фотосъемка изваяния и сооружения; фотографию и описание сооружения см. также: Ли Чжэн 1962. С. 105. Рис. 3, 4.)

Поваленное каменное изваяние того же типа, что и вышеописанные, длиной 3,1 м, выполненное в форме плоской скульптуры, обнаружено в «могильнике» Уцюбулак (Wuqiubulak) в соседнем с уездом Алтай уезде Бурчун (Burqin). О форме связанных с ним погребальных сооружений не сообщается.

Судя по фотографии, приведенной в книге Ван Линьшаня и Ван Бо, лицевая грань изваяния прямоугольная, у плеч образованы небольшие уступы, «шея» сужена, верхняя часть приострена. Уплощенное лицо окружено округлым валиком, нос и брови изображены в виде выпуклой биволутовой фигуры, зрачки – в виде выпуклых дисков, или кружков, губы – в виде овального валика. Можно предположить, что на голове изображен шлем (башлык) с заостренным верхом. На плечах – выпуклая гривна округлого сечения, от которой спускаются вниз треугольные шевроны. Подчеркнут нижний контур выпуклой груди. От плеч спускаются тонкие руки, показанные рельефом. Левая рука положена на «грудь», правая – на «живот», в ней зажат стержень с крючком на конце, который, как мы видели выше, можно интерпретировать как «стимул», «стрекало» для управления бычьей упряжкой (ил. 6, 3). (Фотографию и описание см.: Ван Линьшань, Ван Бо 1996. С. 37, 82; Ван Бо, Ци Сяошань 1996. С. 71, 171. № 196.)

Еще одно сходное по изобразительной манере изваяние высотой 2,15 м было осмотрено мной на западной окраине селения Кекешмулаокемчи (бывший 1-й отряд коммуны Кэрмуци). Это плоская скульптура. Подтрапециевидное туловище сужается плавным уступом в районе плеч, шея не выделена, контур головы, плавно расширяясь, переходит в контур плеч. Лицо окружает овальный выпуклый валик, сверху сливающийся с линией бровей, от которой отходит выпуклый нос. На плечах выпуклая узкая гривна округлого сечения, к ней подвешен крупный дугообразный предмет. Изваяние установлено лицом на восток, а за ним выкопана с запада на восток траншея глубиной около 1 м, шириной около 3 м, длиной около 10 м. Если это следы грабительских раскопок, то они указывают на примерную форму и величину ограды (ил. 7, 4). (Мною была проведена фотосъемка изваяния; фотографию и описание см. также: Ван Линьшань, Ван Бо 1996. С. 35, 82; Ван Бо, Ци Сяошань 1996. С. 63, 168. № 180.)

Ограда из крупных валунов размерами до 1 × 1 × 1 м, ориентированная сторонами по сторонам света, была осмотрена мной в урочище Канатас (Kanatatas), в долине реки Чемурчек, на северной обочине дороги из Алтая в Бурчун (Burqin). Размеры ограды – приблизительно 25 × 25 м, она окружает земляную насыпь высотой примерно

1,3 м. С востока от середины восточной стенки ограды лицом на восток расположены два каменных изваяния, из массивных (толщиной около 70 см) глыб в ряд, с севера на юг. Обработаны только передние грани. На южном изваянии (№ 1 по Ван Линьшаню и Ван Бо) передняя грань уплощена, на ней нанесено изображение округлого лица, поверхность которого углублена. На лице выпуклым выступом показан нос, переходящий в контур бровей, смыкающихся с краем лица. Зрачки показаны дисковидными выпуклостями. Валиком изображены усы, овальным углублением – нос. С левой стороны изображен составной лук, окаймленный хорошо заглаженным широким желобком. С правой стороны на передней грани имеются три чашевидных углубления. Передняя грань северного изваяния (№ 2 по Ван Линьшаню и Ван Бо) не обработана. На ней нанесено изображение уплощенного лица, на котором рельефно выделен нос, переходящий в брови, выпуклинами показаны зрачки, высоким рельефом – губы. Под контуром лица двумя широким желобками показан контур округлой гривны или пекторали (ил. 7, 1, 2; фото 5, 6). (Мною проведена фотофиксация изваяний и могильного сооружения; фотографии и описания см. также: Ван Линьшань, Ван Бо 1996. С. 38, 82; Ван Бо, Ци Сяошань 1996. С. 62, 167. № 177, 178.)

С двумя огромными каменными ящиками размерами 3,5 × 2 м из гранитных и гнейсовых плит, ориентированными, судя по публикации 1962 г., длинной осью по линии север–юг, связано каменное изваяние из урочища Актубай (Aketubay) в волости Чемурчек уезда Алтай (по данным разведки 1961 г. это изваяние Кэрмуци № 1).

Изваяние возвышается над землей на 1,9 м (по Ван Минчжэ) или на 2,3 м (по Ван Линьшаню и Ван Бо). Выполнено в форме плоской скульптуры. Полуфигура. Туловище подтрапециевидное, плавно расширяется к плечам. Голова рельефно выделена, лицо уплощено (подверглось разрушению), в верхней части лица видны глазные впадины или контур бровей. Контур головы, расширяясь плавным изгибом, переходит в шейную часть и далее к плечам, что может говорить об изображении башлыка. На плечах висит одновитковая гривна прямоугольного сечения, выделенная высоким рельефом. Руки, возможно, показаны в плечевой части контуром, рассеченным поперечными линиями. Ниже шеи лицевая поверхность стелы уплощена, в районе живота выбиты два изображения быков с рогами, направленными вперед. Верхнее изображение – контурное, нижнее скорее всего представляет собой горельеф. Передняя грань туловища антропоморфа покрыта округлыми ямками (ил. 8). (Фотографию и описания см.: Ли Чжэн 1961. С. 105. Рис. 5; Ван Минчжэ 1987. С. 122. Рис. 5 (фото); Ван Бо 1995. С. 250. Рис. 9, 4; Ван Линьшань, Ван Бо 1996. С. 43, 82; Ван Бо, Ци Сяошань 1996. С. 64, 168. № 181).

На юго-западной оконечности села Кекешмулаокемчи (бывший 1-й отряд коммуны Кэрмуци) мною был осмотрен могильник, состоящий не менее чем из пяти установленных в ряд с севера на юг каменных ящиков размерами около 2,5 × 1,5 м из грубых необработанных плит, выступающих над поверхностью земли на высоту до 20 см, ориентированных длинной осью по линии восток–запад. В 6 м к западу от ряда этих ящиков на обочине дороги установлено лицом на восток каменное изваяние Кекешмулаокемчи № 2 (по нумерации Ван Линьшаня и Ван Бо). Весьма вероятно, что это изваяние было связано с тем же могильником, будучи установлено у каменного ящика, уничтоженного дорогой.

Изваяние создано из округлого валуна, сужающегося в верхней части. Обработана только передняя грань. Лицо окаймлено округлым валиком. Нос и брови изображены единой выпуклой биволютной фигурой, зрачки – выпуклыми кружками, широким валиком показаны дугобразные усы, дугобразным желобком – рот. Контур головы, плавно расширяясь, переходит в контур туловища. На плечах изображена выпуклая гривна округлого сечения. Рельефно подчеркнут нижний контур мышц груди. Рельефно выделены также руки, держащие составной лук (ил. 9, 3). (Фотографии и описание см. также: Ван Минчжэ 1987. С. 123. Рис. 8; Ван Линьшань, Ван Бо 1996. С. 35, 82; Ван Бо, Ци Сяошань 1996. С. 60, 166. № 173.)

С каменными ящиками из необработанного плитняка, выступающими над поверхностью земли не менее чем на 30 см, размерами, судя по фотографии, до 2 × 3 м, ориентированными в широтном направлении и установленными в один ряд с юга на север, связано изваяние из Актаму (Aktamu) (уезд Алтай), опубликованное Ван Линьшанем и Ван Бо. Изваяние стоит непосредственно у восточной стенки одного из ящиков, лицом на восток. Оно представляет собой каменный столб подквадратного сечения, верхняя часть которого закруглена. На уровне плеч устроен уступ. В верхней части изображен округлый валик, вогнутый сверху, обозначающий слитно линию бровей и контур лица. Зрачки и рот показаны в виде ямок. Контур носа изображен неглубокой выбитой линией, оканчивающейся у зрачков. На щеках – по выпуклому кружку (ил. 9, 2). (Фотографию и описание см.: Ван Линьшань, Ван Бо 1996. С. 40, 83; Ван Бо, Ци Сяошань 1996. С. 64, 168. № 182.)

С округлыми каменными насыпями якобы связаны, по свидетельству Ли Чжэна и Ван Бо (Ли Чжэн 1962. С. 106; Ван Бо, Ци Сяошань 1996. С. 191), изваяния могильника Бошубо (Boshwubo) в уезде Хабахэ (Habahe) (Каба). Судя по обобщенному описанию таких сооружений в статье 1962 г., насыпи имеют диаметр около 4–5 м и окружены каменной оградой. Однако ни описания, ни чертежей конкретных сооружений могильника не приводится, а на фотографиях изображены изваяния, явно перемещенные со своего первоначального местоположения. Известны фотографии двух изваяний. Изваяние Бошубо № 1 (по Ван Линьшаню и Ван Бо) (или Бошубо № 2 по

Ли Чжэну) представляет собой полуфигуру. Высота 2 м, ширина 0,66 м. Выполнено в технике плоской скульптуры. Дисковидная голова утоплена в плечи. В верхней части лица можно проследить изображения глазных впадин. На покатых плечах рельефом показана гривна, по поверхности которой нанесены поперечные насечки. Руки показаны рельефом, причем начинаются они на боковых гранях, а ниже локтей продолжают на передней. Левая рука согнута в локте, ее широко раскрытая ладонь лежит на груди. Правая рука показана ниже левой, ее так же раскрытая ладонь лежит на животе. В целом аналогично приводимому ниже изваянию Бошубо № 2 (по Ван Линьшаню и Ван Бо). (Фотографию и описание см.: Ли Чжэн 1962. С. 106. Рис. 6; Ван Линьшань, Ван Бо 1996. С. 39, 83; Ван Бо, Ци Сяошань 1996. С. 73, 171. № 200.)

Изваяние Бошубо № 2 (по Ван Линьшаню и Ван Бо), судя по фотографии, использовано при современном строительстве. Оно имеет общую длину около 1,4 м, заостренный нижний конец. До уровня плеч изваяние представляет собой четырехгранный столб. Дисковидная голова утоплена в плечи до уровня рта. На лице проработаны глазные впадины, прямоугольный выступ носа, выпуклые подковообразные усы, а также ямка на месте рта. На плечах висит выпуклая гривна округлого сечения, причем в отличие от вышеописанных изваяний она заходит на боковые грани скульптуры и, возможно, на заднюю грань. Руки показаны рельефными выступами, причем плечи – на боковых гранях, а предплечья и кисти – на передней. Кисти широко открыты, лежат на груди, левая выше правой (ил. 9, 1, фото 7). (Фотографии и описания см.: Ван Линьшань, Ван Бо 1996. С. 39, 83; Ван Бо, Ци Сяошань 1996. С. 72, 171. № 198.)

С «прямоугольной каменно-земляной насыпью», по свидетельству Ван Бо (Ван Бо, Ци Сяошань 1996. С. 192–193) связано изваяние, обнаруженное в местности Сентас (Sentas), уезд Хабахэ (Каба). Правда, на приведенной фотографии никакого сооружения за этой статуей не просматривается. Изваяние высотой 2,34 м имеет отчетливо выраженную фаллическую форму. Голова в разрезе сужается кверху. На лице кольцевыми бороздками показаны зрачки, выделены глазные впадины и прямоугольный выступ носа, валиком показаны серповидные усы, небольшим углублением – рот. Шея уступом переходит в столбообразное туловище. На «плечах» – тонкая выпуклая гривна округлого сечения. Под гривной изображены мышцы груди. От плеч отходят тонкие руки, изображенные рельефно. Как и у предыдущего изваяния, они начинаются на боковой грани, а с уровня локтей продолжают на передней. Ладони широко раскрыты, лежат на животе. Ниже изображен пояс с подвешенными к нему предметами и, возможно, гениталии (ил. 9, 4). (Фотографию и описание изваяния см.: Ван Линьшань, Ван Бо 1996. С. 39, 83; Ван Бо, Ци Сяошань 1996. с. 73, 171. № 199.)

Ряд неопубликованных каменных изваяний из этого же района связан с погребальными сооружениями, обследованными во время разведки 1961 г. Эта разведка выявила погребальные сооружения с изваяниями в долине реки Чемурчек (Кэрмуци) в уезде Алтай, а также в могильниках Бошубо и Байшэньмубай (Baishenmubai) в уезде Хабахэ (Каба) (Ли Чжэн 1962; 1983) (ил. 3).

Погребальные сооружения по внешним признакам были разделены Ли Чжэн на три группы.

К первой группе относятся могилы в квадратных каменных ящиках размерами около 0,8 × 0,8 – 1 × 1 м, каждая стенка которых образована одной каменной плитой толщиной 5–10 см. Судя по описанию, ящики ориентированы сторонами по сторонам света. Каменного перекрытия не прослежено. Со всех сторон ящики окружает прямоугольная, реже кольцевая ограда, сложенная из лежащих плашмя камней в один или два ряда, в некоторых случаях – из установленных на ребро плит, выступающих из земли на высоту до 5 см. В одной ограде, по описанию, может быть до 5 ящиков. С востока (от ограды ?) обычно установлена антропоморфная каменная фигура лицевой стороной на восток. Как пример приводится описание и план могильного сооружения 14 в волости Кэрмуци (Чемурчек). Каменный ящик, сложенный из плит толщиной 5 см, выступающих из земли на 2 см, имел размеры в плане 0,5 × 0,5 м, был окружен прямоугольной оградой, размерами с запада на восток 20 м, с севера на юг – 10,8 м, сложенной из мелких камней в два ряда. С восточной стороны от ограды была установлена каменная антропоморфная фигура лицом на восток (ил. 3, 3). Ограда 19 в могильнике Байшэньмубай, судя по описанию, содержала 4 квадратных каменных ящика, из которых наибольший имел сторону 1 м, остальные – по 45–50 см, окруженных каменным кольцом диаметром 20 м, и не сопровождалась изваянием. Судя по чертежу, каменное кольцо может относиться к более раннему времени, чем ящики, поскольку последние с ним не связаны планиграфически (ил. 3, 2). Подобного типа кольцевые выкладки диаметром около 10 м сравнительно часто встречаются в могильниках.

Вторая группа могильных сооружений – большие прямоугольные каменные ящики, из которых большинство имеет длину около 2 м с запада на восток. Эти ящики сложены из плит толщиной около 10 см. Некоторые из них имели перекрытие, сложенное из таких же каменных плит. На приведенной в публикации фотографии каменного ящика 19 из волости Кэрмуци (Чемурчек) видно использованное в качестве перекрытия антропоморфное изваяние из широкой плиты с округлым выступом на месте головы и выделенными покатыми плечами (ил. 7, 3). Многие ящики сопровождаются изваяниями, которые обычно стоят спиной к могиле, на расстоянии 5–27 м от

нее. Согласно обобщенному описанию, изображаемая фигура человека имеет, как правило, «округлый воротник» (то есть башлык?), ниже, на груди, вырезаны слева и справа изображения «овальных предметов в форме колокольчиков» (судя по фотографии – мышцы груди), показано «рельефное украшение» (так в статье называется гривна), руки сложены спереди, на голове одет «шлем», в руках показан «длинный клинообразный предмет». 80% изваяний стоят лицом на восток, остальные – на запад или на юго-запад. В одной группе могил они установлены по 2 и 4 штуки в ряд (имеется в виду, в частности, вышеописанное сооружение Кайнарл 1 (изваяния Кэрмуци 6–9, по Ли Чжэну), но в основном – одиночные. Большинство ящиков окружают ограды прямоугольной формы, сложенные из обломков камня или плит, поставленных на ребро. Погребальные сооружения этой группы автор подразделяет на три типа. К первому типу относятся единичные каменные ящики, около которых установлено по одному изваянию. Ко второму типу относятся парные каменные ящики, окруженные кольцевой (?) оградой. В качестве примера приводится могильное сооружение Кэрмуци 16, где два каменных ящика, ориентированных сторонами по сторонам света, длиной с севера на юг почти 3 м, расположены по оси север–юг в 2 м друг от друга и сопровождаются каменным изваянием, установленным на расстоянии около 18 м к востоку. Судя по приводимому чертежу, между изваянием и ящиками расположено всхолмление высотой более 1,5 м, возможно, искусственная насыпь (ил. 3, 5).

К третьей группе отнесены сооружения, состоящие из округлой каменной насыпи (большинство 4–5 м в диаметре), окруженной прямоугольной оградой. Изваяния находятся к востоку от ограды. Под насыпью, по мнению Ли Чжэн, находится каменный ящик. В качестве примера приводится сооружение XIX в Кэрмуци (Чемурчек), где каменная насыпь окружена оградой из вкопанных в землю плиток, поставленных на ребро (ил. 3, 4). Обычными для этого типа сооружений, как отмечается в публикации, являются изваяния с рельефным изображением гривны, как на № 1 (по Ван Линьшаню и Ван Бо) (№ 2 по Ли Чжэн) из вышеупомянутого могильника Бошубо.

В 80–90-х годах XX в. в округе Алтай были обследованы несколько десятков изваяний и связанные с ними могильники. (Каталог находок см.: Ван Бо, Ци Сяошань 1996. С. 52–116.) Из них, кроме опубликованных выше, как минимум 14 (в основном из уездов Фуюнь (Fuyun) (Кёктокай) и Цинхэ (Qinghe) (Чингиль), то есть выше по течению Черного Иртыша, чем описанные ранее местонахождения) на лицевой грани имеют изображение лица, окруженного округлым валиком, два изображают полуфигуру с таким же лицом и выпуклой гривной. Ряд таких «изваяний» выполнен из округлых валунов и напоминает этим личины, обнаруженные недавно К. В. Чугуновым в Догээ-Баары, недалеко от Кызыла, Тува (Чугунов 1997. Рис. 1, 2). Одно изваяние (№ 209) в виде прямоугольного плоского столба, на широкой передней грани которого изображено лицо в кольцевом валике и выпуклая гривна, было обнаружено в монгольском национальном уезде Хобоксар (Hoboksar), южнее озера Улунгур.

К типичным «чемурчекским» изваяниям необходимо отнести стелу, обнаруженную на восточной окраине с. Иня (Республика Алтай) и в настоящее время находящуюся в Горно-Алтайском музее (Кубарев 1979. С. 8–10; 1988. С. 88–90). Это изваяние, судя по зарисовке М. П. Грязнова, имело высоту около 2 м от поверхности земли (Евтюхова 1952. С. 119. Рис. 71, 10). Рядом с местонахождением изваяния находится «древнетюркский погребальный комплекс», при сооружении которого были использованы еще три менгира округлого сечения высотой 2–4 м (Кубарев 1988. С. 90). Таким образом, невозможно утверждать, что иньские изваяния не были переиспользованы в тюркское время.

Общая длина стелы, судя по двум рисункам В. Д. Кубарева (Кубарев 1979. Рис. 2, 2; 1988. Табл. XV, 2), составляет около 2,8 м, из которых верхние 2 м были несколько толще и более гладкими. Истинную форму верхней части изваяния можно представить только по фотографии из книги В. Д. Кубарева 1988 г. (Кубарев 1988. Рис. 72), поскольку указанные выше рисунки не соответствуют реальности. В верхней части памятник имеет подтреугольное сечение с сильно закругленными углами. Верх стелы закруглен. Верхняя часть изваяния отделена уступом, подчеркивающим отчетливо фаллическую форму стелы. Этим уступом образован нижний контур личины. Личина имеет сердцевидный абрис, по всей площади углублена по сравнению с окружающей поверхностью. Средняя ось лица совпадает с ребром стелы. Контур лица оформлен остросереберным выступом. Нос представлял по высоте единое целое с окружающей лицо поверхностью и был, видимо, сильно поврежден в древности. Контур глаз не выделен, зрачки показаны выпуклыми дисками, рот изображен овальным углублением. Подбородок выступает вперед. Над линией «бровей–лба» слева и справа выбиты отходящие от контура личины искривленные линии. Эти линии трактовались в прорисовках как контуры «ушей». В то же время необходимо отметить, что ни правая, ни левая линии не смыкаются с верхним контуром лица. Они обрываются на одном уровне – около 5 см от «бровей». Судя по фотографии и прорисовкам, вверх от их окончания направлены еще какие-то линии. Кроме этого, с левой стороны левого «уха» прослеживаются следы вертикальных волнистых желобков. Под личиной, в 10 см ниже подбородка, изображена выпуклая, очень тонкая гривна округлого сечения (ил. 19, 1).

С чемурчекскими изваяниями эта стела совпадает по таким признакам, как сердцевидный абрис, выпуклые диски на месте глаз, выпуклая гривна. Интересной представляется также и находка недалеко от села Иня

огромного «чашечного камня» (Кубарев 1988. С. 87–88). Связь чашечных изображений с чемурчекскими памятниками показывают и нахождение чашечного камня в пределах огады Кайнарл № 1, и чашечные углубления на указанных выше изваяниях.

Каменные изваяния из долины Черного Иртыша по ряду параметров близки к статуарным памятникам энеолита – ранней бронзы Западной Европы, Балкан и восточноевропейских степей. Эти изваяния также выполнены в технике плоской скульптуры, голова утоплена в плечи, нос и брови изображаются в виде единой биволютной фигуры, часто изображается шейная гривна. На ряде статуй, что особенно характерно для Причерноморья и Балканского полуострова, показаны лопатки, соски груди, выступающие ребра – то есть фигура представлена обнаженной, однако с вооружением – топорами, кинжалами, луком (на Керносовской стеле); руки моделированы рельефно на передней грани, на многих изваяниях в руках изображены «посохи». По манере изображения лица с окружающим его валиком, который в верхней части совпадает с линией бровей, а также традиции выделения зрачков выпуклыми дисками или колечками, изваяния Черного Иртыша смыкаются с рядом статуарных памятников позднего неолита Южной Франции (Landau 1977. Pl. 1, 1; 4, 3; 5, 2; 6, 1) (ил. 13, 6). Выпуклая гривна, изображение бровей и носа в виде единой рельефной фигуры, усов (Керносовский идол), выделенные лопатки и обнаженная грудь характерны для стел Северного Причерноморья, связывающихся с культурной группой нижнемихайловского типа, с ямной и кеми-обинской культурами (Щепинский 1963; Формозов 1965; Даниленко 1974. С. 82–84; Телегин 1971; 1991. С. 7–29; Крылова 1976. С. 36–46; Новицкий 1986; 1990) (ил. 13, 4, 5), а также для энеолитических памятников Болгарии и Румынии (Landau 1977. Pl. 14, 4, 5; 15, 1–4; Tonceva 1981) (ил. 13, 1–3). Изображение сложного лука без тетивы на стеле из урочища Канатас (ил. 7, 1) находит аналогию в рисунке на стене гробницы новосвободненского кургана 28 могильника «Клады», который А. Д. Резепкин сравнивает с гравировкой на плите из гробницы эпохи позднего неолита близ деревни Лайне-Хелих в Германии (Резепкин 1987. С. 29. Рис. 1, 2). Заслуживают внимания также изваяния из Иранского Азербайджана, по основным признакам не выходящие за пределы круга статуарных памятников энеолита Южной Франции (Ingraham, Summers 1980. S. 70–86). Однако наиболее близкой представляется параллель с изваянием из Абу Ирейн близ Алеппо в Сирии (к сожалению, найдено случайно и не поддается точному датированию), которое представляет фигуру с выделенными плечами, плавно расширяющимся контуром шеи, с выпуклой гривной на плечах, с лицом, окруженным выпуклым валиком, глазами, выполненными в виде выпуклых кружков, с рельефными тонкими руками (Matthiae 1962. P. 28. Pl. 5; Landau 1977. P. 29, 51. Pl. 12, 6) (ил. 13, 7; ср.: ил. 7, 4).

В то же время на изваяниях с Черного Иртыша проявляется такой совершенно новый признак, как рельефно подчеркнутый нижний контур мышц груди, который мы встречаем на скифских антропоморфах раннего железного века. Изображение груди на изваяниях западного региона в бронзовом веке представляет собой две округлые выпуклости.

Изваяния, описанные выше, сильно отличаются от антропоморфов тюркского времени. Среди них нет ни одного изображения человека, держащего в руке чашу, не прослежено изображений характерных тюркских предметов вооружения, остроконечных усов, бород, халатов, что обычно для средневековых стел. С другой стороны, ни одно из известных мне тюркских изваяний не передает изображения окаймляющего лицо валика и выпуклой шейной гривны. На тюркских изваяниях рельефом не подчеркивается нижний контур открытой груди, грудь изображается кружками, тюркские стелы, как правило, передают изображение мужчины в одежде, а отнюдь не обнаженного (см., например, Евтюхова 1952; Грач 1961; Шер 1966; Могильников 1981. С. 42; Ли Ючунь 1962; Ван Минчжэ 1987; Ван Бо, Ци Сяошань 1996; тюркские изваяния прилегающих к округу Алтай территорий см. также: российского Алтая – Кубарев 1984; Восточного Казахстана и собственно верхнего Иртыша – Арсланова, Чариков 1974; Чариков 1979; 1986, изваяния Монгольского Алтая (МНР) – Кубарев, Цэвээндорж 1995). Кроме того, необходимо отметить, что чемурчекские изваяния связаны не с поминальными огадами, а в большинстве своем – с крупными каменными ящиками (погребальными сооружениями).

По основным признакам: изображение человека обнаженным, однако в шлеме-башлыке, с шейной гривной, с предметами вооружения и «стимулом» (функционально аналогичным плети); изображение ладоней с растопыренными пальцами; слабовыделенная шея или дисковидная голова, вдавленная в плечи; изображение носа-бровей в виде единой биволютной фигуры; отсутствие изображений глаз (только зрачки); дугообразные или подковообразные усы; подчеркнутый нижний контур обнаженной груди; выделение позвоночного столба и лопаток, – эти памятники смыкаются прежде всего со скифскими изваяниями Восточной Европы. В качестве аналогий можно привести десятки скульптур из Северного Причерноморья и Предкавказья (Ольховский, Евдокимов 1994. С. 59; каталог) (ил. 14). Ранний этап развития скифского монументального искусства, в соответствии с выводами В. С. Ольховского, характеризуется распространением таких морфологических видов, как антропоморфные столбы, антропоморфные плиты и плоская скульптура, воплощающие образ обнаженного мужчины с предметами вооружения. Частым элементом ранних изваяний являются подковообразные усы, руки моделированы низким

рельефом или гравировкой, характерно отсутствие моделировки шеи, подчеркнут нижний контур груди, выделены лопатки, углублением показан позвоночный столб; одним из самых распространенных атрибутов ранних изваяний являются однорядные шейные гривны, с застежкой сзади, гладкие, реже витые, изображаемые сильновыпуклым рельефом, лицо часто окружено краем шлема (башлыка) (Ольховский, Евдокимов 1994. С. 51–71).

В литературе не раз отмечалось большое сходство скифских каменных изваяний с европейскими антропоморфами эпохи энеолита – ранней бронзы (Формозов 1980. С. 115; Членова 1984. С. 56–60; Чмыхов, Довженко 1987). Н. Л. Членова наглядно представила признаки, связывающие скифские изваяния с памятниками энеолита – ранней бронзы, но для нее остался, естественно, нерешенным вопрос о том, какая культура была соединительным звеном: слишком уж велик временной разрыв (Членова 1984. С. 56–60). Подмеченные Н. Л. Членовой сходные черты изваяний скифского времени и эпохи энеолита – ранней бронзы были слишком выпуклы, чтобы от них отмахнуться. Теперь появился материал, способный заполнить временную лауну между этими памятниками и показать непрерывность статуарной традиции на протяжении нескольких тысячелетий. Более того, теперь открывается совершенно новый путь для определения истоков тюркской традиции изготовления изваяний. Если в Синьцзяне к началу тюркской экспансии уже стояли гораздо более ранние стелы (у прямоугольных оград!), то турки могли копировать их, наделяя древние стелы новым сакральным смыслом. В этой связи нельзя не упомянуть изваяния, найденные на поминальном комплексе сеяньтоского правителя Инаня в Унгету (40-е годы VII в. н. э.), изображающие человеческие фигуры почти без признаков одежды и с головой, утопленной в плечи, глаза которых изображены в виде округлых выпуклостей (Войтов 1987). Происхождение этих изваяний, как следует из работы В. Е. Войтова, следует связывать с телескими племенами.

Вопрос о происхождении скифов Геродота («скуда», «ишкуза» переднеазиатских источников), если понимать под этим выявление отправного пункта миграции иноземного населения, вторгшегося в VII в. до н. э. в степи Северного Причерноморья и Предкавказья, а также в государства Ближнего Востока, может быть решен на материале археологических источников единственным образом: выявление специфических признаков материальной культуры, объединяющих «раннескифские» памятники Причерноморья, Северного Кавказа, Закавказья, Малой Азии и Ирана в отличие от «раннескифских» памятников прилегающих территорий Поволжья, Приуралья, Казахстана, Средней Азии, и, на втором этапе, поиск этих признаков в материале более ранних культур. Если такие черты обнаружатся в более раннем контексте на удаленной территории, эту местность можно будет считать исходной точкой миграции. Определить же направление миграции скифов, исходя из анализа распространения в степях Евразии сходных мотивов звериного стиля, форм вооружения и конского снаряжения, составляющих так называемую скифскую триаду или более модернизированный (Chlenova 1992; Vokovenko 1996) ее вариант, принципиально невозможно, поскольку эти признаки указывают лишь на культурное единство кочевых племен, которое могло складываться каким угодно образом.

В 1987 г. я попытался объяснить распределение захоронений лошадей с уздечными наборами различных типов в Келермесских курганах (Галанина, 1983) с точки зрения гипотезы М. П. Грязнова об этноопределяющем значении типа уздечного набора в материалах «царских» курганов Скифии (Грязнов 1980) и по аналогии с аржанскими материалами пришел к выводу, что в кургане 1(В) мы имеем дело с захоронениями двух шестерок коней, поднесенных двумя различными этническими образованиями. Считая «восточную» шестерку собственно «скифской», я предположил, что псалии с костяными навершиями в виде головок баранов и грифонобаранов и окончаниями в виде копыт, а также их костяные аналоги являются этноопределяющими признаками скифов, исследуя которые, мы можем проследить на археологическом материале пути передвижения раннескифских племен (Ковалев 1987). Через год после этой публикации выяснилось, что такой псалий с головой барана был найден в 4 тысячах километров от региона расселения европейских скифов – в погребении М30 могильника Чаухугоу I на южных склонах Тянь-Шаня (Сунь Бингэнь, Чэнь Гэ 1988). На материалах более чем 100 уздечных наборов с псалиями указанного типа стало возможным сделать вывод о том, что именно эти предметы – *единственный в своем роде массовый материал, который был распространен в VII–VI вв. до н. э. на всех без исключения – и только на тех – территориях, где, по данным исторических источников, в это время обитали и действовали скифы: северопричерноморские степи и лесостепи, Предкавказье, Закавказье, север Передней Азии; псалий из Чаухугоу с этой точки зрения мог быть свидетельством происхождения скифов с территории Джунгарии* (Ковалев 1996). Через год после выхода этой статьи была опубликована пара трехдырчатых костяных псалиев с изображением головы животного на одном конце и конского копыта на другом из кургана 26 мог. Карбан I в Горном Алтае (Киришин, Тишкин 1997). Эта находка существенно укрепила предположение о джунгарской прародине геродотовых скифов. В то же время находки из Чаухугоу и Карбана не удовлетворяют одному из главных наших требований: они не могут быть однозначно датированы временем более ранним, чем вторжение скифов в Переднюю Азию. В лучшем случае можно утверждать, что эти комплексы относятся к «раннескифскому времени» в целом.

Вторым видом памятников, который вполне мог быть не представлен на территории Передней Азии и Закавказья, но все же должен считаться специфичным и характерным признаком раннескифской культуры, имеющим этнический характер, являются, на мой взгляд, именно каменные изваяния, распространенные в Предкавказье, Северном Причерноморье и Крыму. Эти статуарные памятники, имеющие несомненно особый, сакральный характер, вполне могли устанавливаться только в местах постоянного обитания кочевников. Они не имеют ничего общего с оленными камнями и иными известными на сегодняшний день статуарными памятниками евразийских степей раннего железного века и в то же время бесспорно связаны именно со скифской культурой. Скифская статуарная традиция появляется в Восточной Европе внезапно и не имеет связи с предшествующими культурами.

Таким образом, обнаружение каменных изваяний бронзового века (о датировке см. ниже) с характерными признаками раннескифских антропоморфов в бассейне Черного Иртыша, как раз между двумя местонахождениями костяных псалиев «скифского» типа, дает возможность утверждать, что прародиной кочевого скифского племени, вторгшегося в Переднюю Азию в VII в. до н. э., были степи Джунгарии. И искать наиболее древние «скифские» памятники необходимо именно здесь. Эта точка зрения кратко изложена мною в предшествующих работах (Ковалев 1998; Kovalev 1999).

Наиболее похожи на скифские антропоморфы изваяния из Бошубо № 1 и № 2 и из Сентас (ил. 9, 1, 4). Их можно, на мой взгляд, включить в число собственно скифских памятников. Очевидно, они близки скифским и хронологически, и генетически. Изваяние из Бошубо № 2 имеет дисковидную голову, гривну, огибающую плечи полностью – как чаще всего на скифских изваяниях, ладони с растопыренными пальцами, а также руки, которые начинаются на боковых гранях, – что обычно для раннескифских стел. Изваяние из Сентас также показывает руки с растопыренными пальцами, начинающиеся на боковых гранях, а кроме того, имеет характерную фаллообразную форму, как многие раннескифские изваяния. На нем, как и на скифских памятниках, изображен пояс с подвешенными к нему предметами и, видимо, гениталии.

К сожалению, именно эти изваяния мы не можем точно датировать, поскольку отсутствует информация о погребальных сооружениях, которым они сопутствуют. Другие изваяния можно датировать как по характеру изображений на них, так и по сопутствующим им могильным сооружениям.

На изваяниях из Кайнарл 2 № 1, № 2 (ограда Кэрмуци М2, раскопки 1963 г.), из урочищ Канатас и Актубай нанесены чашевидные углубления, относимые, как правило, к эпохе энеолита – средней бронзы (Кубарев 1979. С. 88–90; 1986; Кубарев, Цвээндорж 1995) (ил. 5, 2; 6, 2; 7, 1; 8). Сплошь покрытый чашевидными углублениями валун установлен, как уже было отмечено выше, на насыпи кургана могильника 1 в Кайнарл (фото 2).

На нескольких каменных изваяниях, как уже говорилось, нанесены изображения лиц с сердцевидным абрисом, то есть верхняя граница лица совпадает с изогнутой линией бровей. Такие личины широко распространены в Евразии и относятся ко времени не позднее бронзового века (Дэвлет 1997. С. 240–241).

На изваяниях из Кайнарл 1 № 3 и из Актубай изображены быки (один контурно, два – сплошной забивкой) с направленными вперед дважды изогнутыми рогами, узкой мордой и хвостом с кисточкой (ил. 5, 1, 3; 8; фото 4). При этом на изваянии Кайнарл 1 № 3, видимо, показаны поводья и ярмо, с помощью которых представленный скульптурой персонаж управляет упряжкой. Выше уже говорилось о полной аналогии этого изображения с одним из наскальных рисунков вблизи города Алтай (ил. 10, 1). Исследователями такие изображения быков, а тем более бычьих упряжек, относятся к эпохе ранней и средней бронзы (Шер 1980. С. 205; Samashev 1993. Р. 31–35; Худяков, 1995. С. 122). Показательно, что ареал распространения хорошо проработанных фигур быков в этом стиле, с изображением не четырех, а только двух ног, исполненных в технике контррельефа с заглаженной внутренней поверхностью и ровным краем, встречены как раз на той территории, где распространены изваяния (ил. 10). Они обнаружены в уездах Хабахэ (Каба), Бурцинь, Алтай (Чжао Янфэн 1987. С. 43, 76–77, 83, 91, 112; Су Бэйхай 1994. С. 57, 59, 60; Ван Линьшань, Ван Бо 1996. Рис. 141, 143, 159, 169, 177). Более грубые рисунки таких «двуногих» быков распространены к юго-западу и к северо-западу от центра – Черного Иртыша. Наибольшее количество их сосредоточено в районе озера Зайсан: местонахождения Каратюбе, Зевакино, Окей, Сагыр 2, Курчум, Мойнак, Никитинка, Курехум (ил. 11) (Самашев 1987. Рис. 150–151; Samashev 1993. Fig. 58–61). К юго-западу пять изображений таких быков встречены в горах Майлэ (Mayile), располагающихся в уезде Толи (местонахождение Карачук (Kalaqiuke) (Су Бэйхай 1994. С. 128, 129; 1997. С. 229). Каменный сосуд с изображением «двуногого» быка с дважды изогнутыми рогами найден в Угловском районе Алтайского края, то есть на северо-восток от озера Зайсан (Кирюшин, Симонов 1997) (ил. 19, 3, 4; о нем см. ниже). Несколько подобных изображений таких быков обнаружены на весьма отдаленной территории – в Западном Памиро-Алае (местонахождения Сармыш и Сайхансай) (ил. 12, 1) (Шер 1980. С. 86–87; Хужаназаров 1990. С. 120–121. Рис. 1, 2), в Карагандинской области (Новоженков 1990; 1994. Рис. 76) и на Верхнем Енисее (Дэвлет 1998. Рис. 8, 20). Исходя из того что для этих регионов такие изображения не характерны, эти местонахождения могут считаться свидетельствами связи местного населения с населением бассейна Черного Иртыша.

Напротив, быки с дважды изогнутыми рогами, острой мордой и при этом с четырьмя ногами не встречаются в петроглифах бассейна Черного Иртыша и почти не встречены в районе озера Зайсан. В то же время они изображаются в большом количестве в петроглифах Внутреннего Тянь-Шаня: Саймалы-Таш (Шер 1980. С. 105–113, 195–196), Тамгалы (Максимова и др. 1985. Рис. 10, 19, 21–22, 25–27, 29, 33–35, 37–39, 48, 54), емиречья (Актерек) (Мирзабаев 1990. С. 137), а также районов Синьцзяна, прилегающих к озеру Алакуль: в уезде Юминь и Монгольском национальном уезде Хобоксар (Су Бэйхай 1994. С. 107–116, 582; Су Бэйхай, Чжан Ян 1997. С. 364; Ли Сяо 1997. С. 187). Четырехногими в большинстве изображены и быки с дважды изогнутыми рогами, традиционно относимые к окуневскому пласту изображений Минусинской котловины (Шер 1980. Рис. 76, 103, 105; Леонтьев 1980. С. 121–122; 1997. С. 225; Пшеницына, Пяткин 1993. Рис. 3; Савинов 1997. С. 210), к раннему и среднему бронзовому веку Тувы (Дэвлет 1990; 1998. Рис. 8, 6, 8–10, 18) (ил. 12, 2–11).

И в Средней Азии, и в Хакасско-Минусинской котловине встречены подобные изображения быков в колесничной упряжке. Часть быков Саймалы-Таш изображена в битреугольном стиле. Это дало основание датировать такие наскальные рисунки эпохой средней бронзы (Шер 1980. С. 205). Собственно колесницы появляются на Ближнем Востоке в начале 2 тысячелетия до н. э. (Littauer, Crouwel 1979. P. 50–51). Однако это только хронологическая, но не культурная привязка. Ареал распространения изображений быков с двумя ногами, в особенности тщательно зашлифованных, дает основания считать именно «двуногих» быков – с вытянутой узкой мордой, дважды изогнутыми и направленными вперед и вверх рогами и кисточкой на хвосте – однокультурными описанным выше изваяниям, что дает возможность рассмотреть в едином культурном контексте с изваяниями и известный бронзовый нож с реки Джумбы, одного из притоков Иртыша близ озера Зайсан, как раз из района наибольшей концентрации петроглифов с изображениями «двуногих» быков (ил. 18, 3). Навершие ножа изображает двух «двуногих» быков с дважды изогнутыми рогами. Нож отнесен большинством исследователей к сейминско-турбинской традиции (см.: Черных, Кузьминых 1989. С. 122. Примеч. 72; Пяткин, Миклашевич 1990. С. 149). Признавая схожесть технологии изготовления ножа с технологией отливки сейминско-турбинских бронз, необходимо отметить, что эта единственная в своем роде находка может нести в себе следы воздействия сейминско-турбинских технологий и в том случае, если она относится к совершенно иной, синхронной Сейме-Турбину культуре населения верховьев Иртыша. Найдка этого ножа позволяет с большей точностью определить период бытования петроглифов искомого типа и, соответственно, каменных изваяний периодом существования сейминско-турбинской общности – во всяком случае это вторая четверть II тысячелетия до н. э. (Черных, Кузьминых 1989. С. 256–266).

На датировку изваяний могут пролить свет и результаты раскопок каменных оград, произведенных в 1963 г. в долине реки Кэрмуци (Чемурчек) в 8 км к северо-западу от волостного центра – дер. Кэрмуци (ныне также Чемурчек), близ уже упоминавшихся поселков Кекешмулаокемчи и Кайнарл (соответственно, бывшие 1-й и 2-й отряд коммуны Кэрмуци) (ил. 2) (И Маньбай, Ван Минчжэ 1981; рисунки находок даны также по альбому: Му Шуньин, Ван Минчжэ 1986. Рис. 66–76, 164; альбому: Ван Линьшань, Ван Бо 1996. С. 50–53; статьям: Ван Бо 1996. С. 278–281; Чэнь Гэ 1995. С. 36–38). Внешний вид ряда найденных и опубликованных предметов, хранящихся в Урумчи, и их атрибуцию мне удалось уточнить при личном осмотре благодаря любезности руководства Научно-исследовательского института культурного наследия и археологии Синьцзяна. Кроме того, при осмотре каменного ящика 2 ограды 17 (M17m2) мною были обнаружены и переданы в НИИ культурного наследия и археологии Синьцзяна фрагменты глиняного сосуда, относящегося к этому погребению.

В 1963 г. были исследованы 32 могильных сооружения, ряд которых по внешнему виду относятся к тем же типам, что и описанные выше. У ряда могил были установлены антропоморфные стелы, у других – необработанные камни. К сожалению, в публикациях не приводится ни рисунков, ни подробных описаний, ни фотографий, которые помогли бы определить вид стел, обнаруженных у конкретных погребений. Нумерация памятников, принятая при разведке 1961 г., не совпадает с нумерацией, принятой авторами раскопок 1963 г., а в начале 90-х годов XX в. китайские археологи использовали совершенно иные обозначения. Особо необходимо указать, что до сих пор такие исследователи, как Ван Линьшань, Ван Бо, А. В. Варенов или Б. А. Литвинский (Литвинский 1995. С. 299–300; Варенов 1997; 1998) ошибочно идентифицируют номера стел из статьи 1962 г. (Ли Чжэн 1962) и номера погребальных сооружений из статьи 1981 г. (И Маньбай, Ван Минчжэ 1981). В дальнейшем изложении мы будем следовать последней статье (И Маньбай, Ван Минчжэ 1981) (ил. 2).

При осмотре на местности выяснилось, что практически все сооружения из раскопанных в 1963 г. разрушены при распашке или застройке. Сохранилось нетронутым пока только сооружение M2, о чем говорилось выше, и сильно потревоженные при рекультивации сооружения M14, M16 и M17.

Могильные сооружения M2, M3, M4, M5, M14, M16, M17, M24, у которых были установлены стелы, представляли собой каменные ящики, ориентированные сторонами по сторонам света (перпендикулярно ограде), иногда установленные в один ряд по длинной оси, которые были окружены прямоугольными оградами из «обломков камней» (по моим наблюдениям – из плит, поставленных на ребро). Размеры оград – от 11,1 × 19,7 м до 20,5 × 50,0 м.

Каменные стелы, судя по приведенному в публикации плану могильника, были установлены непосредственно у меньшей – восточной или южной – сторон этих оград, посередине соответствующей стороны.

Ниже дается описание погребений, связанных с этими изваяниями и стелами.

Изваяние при сооружении М2 (Кайнарл 2, № 1 по Ван Линьшаню и Ван Бо), стоявшее у середины восточной стороны ограды, упало в древности. Его рисунок приведен на ил. 5, 2. Ограда М2 подробно описана выше. В находящемся внутри ограды каменном ящике размерами 2 × 2,9 м (здесь и далее приводится сначала размер по оси запад-восток, а затем – север-юг) в плане (по моим наблюдениям, сооружен из четырех подтесанных плит толщиной 15–20 см) и глубиной 1,78 м были обнаружены разрозненные кости не менее 19 человек, 3 каменные стрелы, 4 каменных (ил. 15, 4) и один глиняный (ил. 15, 5) сосуд. Глиняный сосуд (хранится в Институте культурного наследия и археологии Синьцзяна) не орнаментирован, коричневого цвета, поверхность хорошо залощена.

В сооружении М3 антропоморфное изваяние также было установлено у середины восточной стенки ограды, лицом на восток. Ограда ориентирована длинной осью по линии запад-восток. Каменный ящик размерами в плане 1,7 × 1,8 м, глубиной 1,1 м (ограблен) содержал двойной (ил. 17, 2) и «одинарный» каменные сосуды, а также человеческий череп.

Антропоморфное изваяние у сооружения М4 было установлено у середины южной (меньшей) стенки ограды и ориентировано лицом на юг. В ограбленном каменном ящике (2,35 × 3,30 м, глубиной 1,9 м) были обнаружены фрагменты человеческих костей, глиняный кувшин, фрагменты глиняных и каменных сосудов, а также фрагменты железного предмета. Согласно опубликованному рисунку, глиняный кувшин с высоким горлом и широким дном из этого погребения относится к финальному периоду раннего железного века.

Изваяние у сооружения М5 стояло у середины восточной стороны ограды и было ориентировано лицом на северо-северо-восток (20°). В восточной части ограды был выявлен каменный ящик размерами в плане 2,1 × 2,1 м, глубиной 1,3 м, в восточной части которого было обнаружено скорченное захоронение, а в западной половине – разрозненные человеческие кости, сваленные в кучу. К инвентарю первоначальной могилы относились каменный ковш с рукояткой, а также 64 «кости ног барана». В центре ограды были обнаружены 2 неглубокие ямки с фрагментами костей. С запада в пределах ограды было устроено погребение в земляной яме 1,7 × 2,5 м в плане, 1,5 м глубиной, ориентированной длинной осью примерно по линии восток-запад, перекрытой насыпью диаметром 2,2 м, высотой 0,75 м. Погребенный (ребенок) был уложен в деревянной раме вытянуто, головой на восток. К инвентарю погребения относятся «маленький» железный нож, округлые и прямоугольные костяные украшения, костяная пряжка. Это средневековое погребение.

С юга от середины южной (меньшей) стороны ограды М14 была установлена стела без признаков антропоморфности. Ограда, по моим наблюдениям, устроена из массивных (толщиной до 20 см) каменных плит, поставленных на ребро. Внутри ограды находились три насыпи диаметром 5 м, высотой до 50 см, под двумя из которых были обнаружены перекрытые каменными плитами земляные ямы длиной около 2 м, шириной 0,8 и 0,65 м, глубиной 0,4 и 0,2 м, ориентированные примерно по линии север-юг, без инвентаря. В могиле 1 был обнаружен костяк человека, уложенного вытянуто со слегка согнутыми ногами.

С восточной стороны сооружений М16 и М17 были установлены соответственно два и три необработанных камня, располагавшиеся симметрично относительно длинной оси ограды по линии север-юг (аналогично описанному выше могильному сооружению Кайнарл 1-1 (ил. 3, 1) – эти камни частично сохранились и были осмотрены мною в мае 1998 г.).

В ограде М16 (по моим наблюдениям, устроена из массивных (толщиной до 20 см) каменных плит, поставленных на ребро) находились 5 ящиков, над наибольшим из которых (1,6 × 0,82 м в плане, глубиной 1,2 м) была возведена насыпь диаметром 6 м, высотой 0,5 м. Здесь были похоронены в скорченном положении 3 человека с тремя каменными сосудами. «В пределах ограды» были также найдены 3 каменных и 4 глиняных сосуда, в том числе каменный сосуд бомбовидной формы (ил. 16, 3); ковш с рукояткой со звериноголовым окончанием (ил. 17, 4); глиняный сосуд коричневатого-желтоватого цвета, с туловом эллипсоидной формы, «желобчатым» выпуклым горлом, орнаментированный по краю венчика косыми насечками, по горлу двумя рядами отступающей гребенки в елочку, под горлом – рядом косых оттисков острой палочки, по тулову – фестонами, составленными из концентрических дугообразных оттисков шнура, наружная поверхность сосуда и внутренняя поверхность венчика залощена, ниже по внутренней поверхности сосуда идут горизонтальные канелюры (ил. 16, 1); глиняный сосуд параболической формы, украшенный в верхней части оттисками палочки (ил. 16, 2); а также один плоскодонный глиняный сосуд тюркского времени.

В сооружении М17 (по моим наблюдениям, ограда устроена из массивных (толщиной до 20 см) каменных плит, поставленных на ребро) располагались два каменных ящика. В первый из них (М17m1), размерами в плане 1,4 × 1,62 м, глубиной 1,07 м (сложен из четырех подтесанных плит толщиной до 15 см) был впущен «малый» ящик

размерами 1,8 (? – наверное, 0,8) × 0,6, глубиной 0,2 м, на дне которого находилось безынвентарное захоронение – на животе, вытянуто, головой на северо-восток. У южного края восточной стенки большого ящика, с ее внешней стороны, на глубине около 20 см от уровня «земли» (?) (то есть в пределах могильной ямы) были обнаружены 7 каменных предметов (комплекс литейных принадлежностей, видимо, сопровождал так называемое погребение литейщика), в том числе литейные формы для тесла и шила, кельта-лопатки с выступающей втулкой (ил. 17, 5), а также круглая приостренная «воронка» (сопло), «маленькая каменная чашечка» (лялячка?), маленькая ступка. В восточном каменном ящике (M17m2) размерами в плане 2,3 × 1,04 м, глубиной 1,28 м (по моим наблюдениям, сложен из четырех подтесанных плит толщиной до 20 см) на глубине 60 см было устроено впускное погребение, датирующееся начальной фазой раннего железного века. Погребенного, уложенного скорченно головой на восток, сопровождали два двухлопастных бронзовых наконечника стрелы (один втульчатый с лавролистым пером и шипом, другой – черешковый с килевидным пером и приостренными концами лопастей), бронзовый пластинчатый нож, два трехгранных черешковых костяных наконечника стрелы (см.: Варенов 1997. С. 40–42). От основного погребения ниже сохранились разрозненные кости минимум 20 скелетов (это подтверждается и моими наблюдениями: огромное количество человеческих костей (без черепов) было выкинуто из ящика при его повторном исследовании). На дне могилы были найдены также 4 каменных сосуда. В отвалах, образовавшихся после повторного исследования этого ящика весной 1998 г., мне удалось обнаружить фрагменты сероглиняного сосуда с округлым дном и открытым горлом (ил. 16, 4).

Антропоморфное изваяние, установленное у середины восточной стороны ограды M24, было ориентировано лицом на восток. Внутри ограды находился один каменный ящик размерами в плане 1,8 × 1,6 м, глубиной 1,3 м, на дне которого были обнаружены в западной части два фрагментированных скелета погребенных, уложенных вытянуто на спине, головой на запад, а в восточной части – в беспорядке кости еще от 5 скелетов. Погребальный инвентарь: глиняная курильница, орнаментированная подтреугольными оттисками приостренной палочки (ил. 17, 3), открытый каменный сосуд на округлой подставке и с округлым ушком (ушками), каменный сосуд типа «дэн» («светильник»).

Каменные стелы сопровождали также погребения, не окруженные оградой. В то же время нельзя исключить, что ограды могли быть не замечены раскопщиками. Ведь, как я установил при осмотре, полностью площадь погребального сооружения не вскрывалась.

Каменное антропоморфное изваяние, ориентированное лицом на запад, было установлено в нескольких метрах к западу от отдельно стоящего каменного ящика M8 по его длинной оси. Могила имеет в плане размеры 2,6 × 1,45 м, глубину 1,55 м, ограблена, на дне – фрагменты человеческих костей и 2 каменных сосуда (ил. 17, 1). В ящик впушен другой, меньшего размера (1,62 × 0,57 × 0,50 м).

Еще одна антропоморфная стела была обнаружена стоящей лицевой гранью на восток к востоку от двух каменных ящиков, накрытых одной круглой каменной насыпью диаметром 20 м (сооружение M18). В южном ящике размерами в плане 1,8 × 1,9 м, глубиной 1,45 м были найдены черепа и разрозненные кости скелетов минимум 13 человек, а также каменная стрела. В ограбленном северном ящике, размерами в плане 1,9 × 2,7, глубиной 1,3 м, был обнаружен глиняный сосуд.

Две других стелы, установленные «лицом» на восток, связываются авторами публикации с курганами 22 и 25, содержащими захоронения скифского времени в земляных ямах. Стелы были в древности повреждены и в статье даже не названы антропоморфными. Вполне вероятно, что это могли быть оленные камни. Под округлой насыпью кургана M22 диаметром 9 м, высотой 0,9 м находилась кольцевая каменная ограда из рваного камня, а в ее центре – подпрямоугольная земляная яма размерами 2,9 × 1,9 м в плане и глубиной 1,4 м, на дне которой скорченно, на правом боку, головой на восток были уложены двое погребенных, при которых найдены бронзовое зеркало с центральной петелькой и бортиком (Синьязян каогу 1983. Рис. 53), бронзовое шило, два железных ножа, фрагменты золотой фольги, фрагменты от двух керамических сосудов. В верхней части могильной ямы «на уступе» был обнаружен костяк лошади. А. В. Варенов относит это погребение к пазырыкской культуре (Варенов 1997. С. 44). Аналогичный по внешнему виду курган M25 ограблен; в земляной яме, обнаруженной под его насыпью, найдены фрагменты бронзовых и железных предметов.

Из могильных сооружений, не сопровождавшихся изваяниями, наиболее полная информация имеется об оградке M7, размерами 10,5 × 14,4 м, длинной осью – по линии север–юг, в пределах которой были обнаружены два каменных ящика, ориентированных длинной осью по линии запад–восток. Южный каменный ящик (№ 1) имел размеры в плане 2,18 × 2,74 м, глубину 1,36 м. Здесь были обнаружены кости от 5 человеческих скелетов, глиняный сосуд баночной формы, с плавно сужающимся устьем, закругленным венчиком, украшенный под горлом желобком, от которого спускаются несколько групп прочерченных косых линий, между которыми нанесены отпечатки крупного треугольного штампа или приостренной граненой палочки (ил. 15, 3), бронзовая стрела, 4 каменных стрелы (ил. 15, 2), 6 каменных сосудов, фрагменты бронзовых предметов. Северный ящик (№ 2) имел

размеры в плане 1,84 × 1,80 м, глубину 1,15 м. Здесь были обнаружены фрагменты костей, 2 каменные стрелы (ил. 15, 2), 2 каменных сосуда (ил. 15, 1), жемчужные бусины (?).

В каменном ящике М21, имевшем размеры в плане 3,6 × 1,4 (?) м и сориентированном по линии восток–запад, был найден каменный жезл с антропоморфным изображением (ил. 18, 2).

Таким образом, можно утверждать, что антропоморфные изваяния «могильника Кэрмуци» сопровождали прямоугольные ограды с каменными ящиками либо отдельные каменные ящики. Они связаны с ними планиграфически (строго на восток или на юг от середины соответствующей стороны ограды (ящика), лицом от ящика). Курган тюркского времени, устроенный в пределах ограды М5 (m1), находится с противоположной от изваяния, западной, стороны, минимум в 15 м от него. находка одного средневекового сосуда на площади ограды 16 и упомянутое тюркское впускное захоронение в М5, безусловно, не дают оснований относить изваяния к тюркской эпохе. Из восьми округлых каменно-земляных курганов эпохи раннего железа, входящих в курганную группу у 6 отряда коммуны Кэрмуци, только два – М22 и М25 – сопровождаются стелами, да и то без видимых антропоморфных черт (по-китайски они обозначаются просто как стелы, а не как «каменные бабы» («ши жэнь»)).

Инвентарь каменных ящиков, раскопанных в «могильнике Кэрмуци», весьма разнообразен. Он в некоторых случаях включает предметы, относящиеся к тюркскому времени и к раннему железному веку. Однако в подавляющем большинстве ящиков обнаружены обломки каменных сосудов и каменные стрелы, что дает основания относить прямоугольные ограды и каменные ящики из Кэрмуци к более ранней эпохе. К тому же в ящик М17m2 было впущено погребение раннескифского времени, перекрывшее ограбленное к тому времени погребение с четырьмя каменными сосудами. Во всех остальных случаях «ранний» и «поздний» инвентарь встречены вместе только в разграбленных ящиках (открытых комплексах).

К сожалению, нам известен вид только одного изваяния из «могильника Кэрмуци» – это статуя, установленная у ограды М2 (Кайнарл 2 № 1 по Ван Линьшаню и Ван Бо) (ил. 5, 2). По иконографии, как уже говорилось, она никак не может быть отнесена к тюркскому времени; большинство признаков сближают ее с другими вышеописанными верхнеиртышскими антропоморфами.

Конечно, можно предположить, что все остальные стелы, стоявшие у раскопанных в 1963 г. могильных сооружений, были какого-то иного вида. Однако не только находка в М2 говорит о культурном единстве основных погребений в каменных ящиках, исследованных в «могильнике Кэрмуци», со стелами именно «верхнеиртышского типа».

Каменный жезл, обнаруженный в ограбленном ящике М21 (ил. 18, 2), в котором не было найдено предметов, относящихся к железному веку, изображает голову человека с рельефно выделенными, выполненными одной биволютной фигурой носом и бровями, зрачками, исполненными в виде дисковидных выпуклостей. Контур лица сверху ограничен линией бровей. Неясно проработан рот, подбородок и усы (?), выделенные в виде выпуклости с горизонтальным вдавлением в центре. Шея не выделена.

Похоже, что родственным по форме и назначению предметом является каменный жезл, обнаруженный случайно в пределах уезда Хутуби северо-западнее Урумчи, на северном склоне Восточного Тянь-Шаня (ил. 18, 1) (Ван Бо, Ци Сяошань 1996. С. 95, 181. № 244; экспонируется в Синьцзянском музее в Урумчи). Лицо изображенного на навершии жезла персонажа окружено выпуклым валиком, который сверху сливается с линией бровей, образуя сердцевидный абил. Нос и брови выполнены как единая биволютная фигура. Зрачки изображены в виде выпуклых дисков, рот в виде горизонтального вдавления. Рельефно выделены уши. На «плечах» показана выпуклая гривна, от которой отходят рельефно выделенные тонкие руки.

Учитывая находку жезла из Хутуби, смыкающуюся с вышеописанными каменными изваяниями по технике изображения носа, бровей, абриса лица, шейной гривны, рук, можно причислить к той же традиции и гораздо менее проработанный жезл из каменного ящика М21.

Нетрудно заметить, что во время раскопок 1963 г. были исследованы могильные сооружения всех типов, выявленных во время разведки 1961 г.: небольшие каменные ящики, окруженные прямоугольными оградками, крупные каменные ящики в оградках и без таковых, а также округлые каменные насыпи, окруженные прямоугольными оградками. Как уже говорилось, обобщенные выводы Ли Чжэна говорят о том, что с обследованными в 1961 г. сооружениями связаны антропоморфы со всеми характерными особенностями «чемурчекских». А наблюдения на местности показали, что разведка 1961 г. проходила именно в той местности, где находился «могильник Кэрмуци» и наверняка выявила часть памятников, позднее раскопанных (см. план на ил. 2). Так, вышеописанная стела высотой 2,75 м, связанная с каменным ящиком в прямоугольной оградке (ил. 6, 1), находится в 500 м к западу от раскопанных оград М14, М16, М17, на другом берегу реки Чемурчек (Кэрмуци). В радиусе 1,5 км от раскопанных сооружений М2–М7 находятся вышеописанные сооружения «могильников» Кайнарл 1 и 2 (ил. 4, 5; 6, 2). Сооружение Кайнарл 1, сопровождаемое пятью изваяниями, было выявлено, видимо, во время разведки 1961 г. под названием Кэрмуци 6–9 (т. е. были учтены четыре изваяния из пяти, пропущена разбитая стела), а Кайнарл 2 № 1 получило в 1961 г. название Кэрмуци № 2.

Кроме того, как уже говорилось, все известные нам по данным разведок 60-х и 90-х годов XX в. погребальные сооружения, связанные с изваяниями исследуемого вида, представляют собой каменные ящики, окруженные прямоугольными оградами или без таковых, либо прямоугольные ограды с насыпью в центре.

Исходя из всего изложенного, вышеописанные антропоморфные изваяния и погребальные памятники должны рассматриваться в неразрывной связи. Изваяния были составной частью погребально-поминального сооружения, входящего в единый культурный контекст с основными погребениями в каменных ящиках. Датировать эти погребения можно самое позднее эпохой бронзы.

Таким образом, не только иконографические признаки исследуемых изваяний, но и связь их с ранними погребальными сооружениями датируют изваяния эпохой энеолита–бронзы. Поэтому следует признать неверной точку зрения ряда китайских археологов и присоединившихся к ним К. Дебэйн-Франкфор, а также Б. А. Литвинского и Ю. С. Худякова об отнесении этих стел к позднему (предтюркскому либо тюркскому) времени (Debaine-Francfort 1989. P. 197–198; Литвинский 1995. С. 299–300; Худяков 1998. С. 218).

В то же время нам известно слишком мало материала из исследованных в «могильнике Кэрмуци» каменных ящиков (большинство находок недоступно для изучения); к тому же все раскопанные ящики были ограблены. Кроме этого, некоторые находки явно доскифского времени, как сказано в публикации, обнаружены «в пределах» прямоугольных оград, вне связи с ящиками.

Поэтому мы не можем утверждать, что весь «ранний» материал из «могильника Кэрмуци» составляет единый культурный комплекс и должен датироваться одним периодом. Тем более опрометчиво было бы без оговорок связать с изваяниями напрямую какие-либо отдельные находки из «могильника».

Для уточнения культурного контекста изваяний необходимо опубликовать неизданные материалы и продолжить раскопки в бассейне Черного Иртыша. С целью поиска могильников «чемурчекского» типа в июле 1998 г. нами совместно с Институтом археологии Национальной Академии наук Республики Казахстан была предпринята разведка в Маркакольском районе Восточно-Казахстанской области – на линии, продолжающей ряд находок изваяний в предгорьях Алтая вдоль Иртыша вниз по течению, буквально в нескольких десятках километров от ближайшего местонахождения на территории КНР (см. карту: Ван Линьшань, Ван Бо 1996. С. 5). В долине реки Алкабек – северного притока Черного Иртыша – нам удалось обнаружить могильник (получивший название Айна-Булак), включающий не менее шести прямоугольных каменных оград размерами до 20 × 15 м, напоминающих по внешнему виду осмотренные мною в Китае погребальные сооружения Кэрмуци 2, 16, 17; Канатас, Кайнарл 1. Одно такое сооружение, содержавшее безынвентарную могилу с ритуальным каменным коридором с восточной стороны, было нами раскопано в сезоне 1998 г. близ речки Ахтума, правого притока Алкабека, в 10 км от дер. Теректы (Алексеевка). Раскопки таких памятников, планируемые нами в сезон 1999 г., могут дать более ясное представление о «чемурчекском» культурном феномене. (О предпринятых нами в 1998–2004 гг. раскопках чемурчекских памятников в Казахстане и Монголии см. Приложение – с. 59–61.)

Все же представляется необходимым рассмотреть вопрос о культурной атрибуции и датировке отдельных «ранних» находок из раскопанных в «могильнике Кэрмуци» погребений и хотя бы приблизительно охарактеризовать специфические черты их инвентаря.

Датировка материала древнейших погребений могильника 1200–700 гг. до н. э., предложенная Му Шуньном и Ван Минчжэ, основывалась на якобы имеющем место его сходстве с материалом «карасукской культуры» (Му Шуньин, Ван Минчжэ 1985. С. 4). Чэнь Гэ, а вслед за ним и Ван Бо, выделяют особую «культуру Чемурчек». Под этим названием они подразумевают все памятники и случайные находки эпохи бронзы из Северной Джунгарии, невзирая на их очевидную разнокультурность. Обобщенно сосуды «культуры Чемурчек» сопоставляются этими исследователями с «афанасьевской и карасукской керамикой», известной им по монографии С. В. Киселева (Чэнь Гэ 1995. С. 36–38; Ван Бо 1996). В альбоме 1996 г. Ван Бо и Ван Линьшань сравнивают с афанасьевскими курильницу из М24 и округлодонные сосуды из М16 (Ван Линьшань, Ван Бо 1996. С. 89). Ю. А. Заднепровский, В. А. Семенов, а также В. И. Молодин и С. В. Алкин относят древнейшие чемурчекские погребения к кругу афанасьевских памятников (Заднепровский 1993. С. 99; Семенов 1993. С. 26; Молодин, Алкин 1997. С. 38), однако развернутая аргументация в их работах отсутствует.

Взгляды китайских и российских исследователей на проблему датировки и культурной атрибуции чемурчекских памятников подробно разбирает в своей работе 1998 г. А. В. Варенов (Варенов 1998. С. 60–66). Поскольку это единственное на сегодняшний день развернутое исследование инвентаря «могильника Кэрмуци», имеет смысл привести его краткое изложение.

Курильница из М24 (ил. 17, 3), как считает А. В. Варенов, находит «прямые аналогии в афанасьевской культуре», а сосуд из М16 (ил. 16, 1), орнаментированный оттисками веревочного штампа, «по абсолютным размерам и пропорциям» якобы похож на сосуд из пятого («афанасьевского») слоя стоянки Тоора-Даш на Верхнем Енисее (Семенов 1982. С. 220) (ил. 22, 21). Сосуд яйцевидной формы из М16 (ил. 16, 2), по мнению исследователя,

«близко напоминает» один из горшков, обнаруженных в Осинкинском могильнике (Савинов 1975. С. 98. Рис. 4 справа), а также аналогичен сосуду из разрушенного кургана в поселке Озерное Онгудайского района Республики Алтай, найденного вместе с литейной формой для кельта-лопатки (ил. 23, 1, 2) (Погожева, Кадиков 1979. С. 80; Абдулганеев и др. 1982. С. 60; Кубарев 1988. С. 80–81). Как считает А. В. Варенов, литейная форма для кельта-лопатки с выступающей втулкой, найденная в пределах ограды М17 (ил. 17, 5) может быть датирована по аналогии с кельтами-лопатками иньского Китая (XIII–XI вв.), а каменные сосуды (в том числе сдвоенный сосуд) «могильника Кэрмуци» находят «большие соответствия» в бронзовых сосудах, входящих в инвентарь памятников типа Наньшаньгэнь (IX – начало VII в. до н. э.) (уезд Нинчэн, округ Чифэн, АР Внутренняя Монголия) (о датировке и атрибуции памятников типа Наньшаньгэнь см.: Kovalev 1992. S. 63–74; Ковалев, 1998а). А. В. Варенов подчеркивает принципиальные отличия в конструкции погребальных сооружений, погребальном обряде и инвентаре афанасьевских курганов с одной стороны и чемурчекских погребений – с другой. В итоге он приходит к выводу о датировке «больших каменных ящиков из Кэрмуци» XIII–VIII или даже X–VIII вв. до н. э.

Вне всяких сомнений, А. В. Варенов прав в том, что бесспорно афанасьевской в «могильнике Кэрмуци» является только курильница из М24 (сводка афанасьевских курильниц дана в статье: Вадецкая 1986а; несколько курильниц из близлежащих к бассейну Черного Иртыша афанасьевских памятников Алтая сплошь украшены наколами, как и курильница из М24: Вадецкая 1986а. С. 57. Рис. 23, 24) (ил. 20, 1–3).

Два известных нам округлодонных сосуда из ограды М16 (ил. 16, 1, 2) не могут быть уподоблены типичной афанасьевской керамике. Афанасьевские сосуды вытянутых пропорций имеют приостренное дно («яйцевидные»), сосуды же с округлым дном, как правило, имеют сферические очертания; венчик афанасьевских сосудов – выделенный прямой вертикальный или отогнутый наружу, иногда с «воротничком», то есть утолщением, имеющим в разрезе подтреугольную или подчетыреугольную форму; афанасьевские сосуды Алтая как правило не имеют «воротничка», а сосуды Хакасско-Минусинской котловины обладают крутыми плечиками – наибольшее расширение в верхней трети тулова (Киселев 1951. С. 27. Табл. III, 14–29, IV, 1–9, V, 4, VI, 15, 17–19; Хлобыстина 1975. С. 26. Рис. 2; Вадецкая 1981. Рис. 12–14; 1986. С. 18–19; Кирюшин и др. 1986. Рис. 1, 1–4, 7, 8; Абдулганеев и др. 1982. Рис. 9, 11; Суразаков 1987. Рис. 3, 2, 6, 3, 7, 2, 10, 11; Шульга 1993. Рис. 1, 4, 5; Савинов 1994а. Рис. 20, 26, 34, 3, 38; Абдулганеев, Ларин 1994. Рис. 2) (ил. 22, 1–18). В то же время оба чемурчекских сосуда из М16 имеют округлое дно, наибольшее расширение в средней или нижней трети тулова и при этом вытянутые пропорции, что совершенно не характерно для афанасьевской керамики. У одного из сосудов высокое выпуклое горло, у другого шейка не выделена, венчик «срезан», так что сосуд в целом имеет параболоидную форму.

Сосуд из пятого слоя Тоора-Даш, на который ссылается А. В. Варенов (ил. 22, 21), не может привлекаться в качестве аналогии сосуду из М16 (ил. 16, 1). Сосуд из Тувы имеет приостренное дно, наибольший диаметр в верхней четверти тулова («крутые плечики»), орнаментацию оттисками отступающей гребенки и венчик с «воротничком», то есть обычный отогнутый венчик, который был утолщен подтреугольным в разрезе налетом (это хорошо видно на фотографии в статье: Семенов 1982. Рис. 1 (фото); см. также рисунки: Семенов 1983. Рис. 20; 1989. Рис. 1; 1992. Рис. 27, 6). По этим параметрам он полностью укладывается в традицию афанасьевского гончарного производства. Более продуктивным, на мой взгляд, было бы сравнение сосуда из М16 с сосудами из первого, третьего и пятого слоев Тоора-Даш с сосудом из третьего («афанасьевского») культурного слоя стоянки Хадын-ныг 1, имеющими овоидное либо параболоидное тулово, с наибольшим расширением в средней или нижней части и с округлым дном (Семенов 1992. Рис. 23, 6; 26, 10; 27, 8; 38, 16) (ил. 22, 19, 20, 22). Те же особенности, вероятно, имеют тулова сосудов, обнаруженных в ограде 5 могильника Кара-Коба I в Онгудайском районе Республики Алтай (Владимиров, Цыб 1982. Рис. 3, 1–5). Однако у всех указанных сосудов венчик отгибается наружу. Судя по находкам в нижних слоях Тоора-Даш, овоидность тулова может объясняться влиянием местных неолитических традиций.

Рассматриваемый сосуд из М16 орнаментирован концентрическими дугообразными оттисками веревочки, образующими полукруглые фестоны. Это хорошо видно на опубликованных фотографиях (Му Шуньин, Ван Минчжэ 1986. Рис. 75; Ван Линьшань, Ван Бо 1996. Рис. 111). Осмотр сосуда, проведенный мною благодаря любезному разрешению руководства Института культурного наследия и археологии СУАР, подтвердил этот вывод. Дугообразные отпечатки, из которых составлены фестоны, заглублены в поверхность сосуда по всей длине неравномерно: глубина ряда отпечатков плавно уменьшается «справа налево» (если сосуд поставить на венчик). Столь же плавно изменяется и толщина витка веревочки. С «глубокого» края витки дают более широкие и менее наклонные отпечатки. При этом отпечатки витков очень плотно прилегают друг к другу, но никогда друг на друга не накладываются. Все они индивидуальны, хотя и имеют характерные очертания «зернышек». Очевидно, что такие особенности орнамента могут появиться только в том случае, если он оставлен отрезками шнура, вдавленными движением справа налево в поверхность сосуда. Не может быть и речи о так называемых имитациях шнурового орнамента. Итак, на сегодняшний момент это единственный в Центральной Азии случай использования веревочного штампа

в традициях культур шнуровой керамики Европы. Конечно, отпечатки шнура встречаются на центральноазиатской керамике, однако в одних случаях, как, например, в материале неолитического поселения Ботай в Центральном Казахстане, веревочка служила не более чем технологическим элементом гребенчатого штампа («гусеничный» орнамент) (Зайберт, Мартынюк 1984. С. 85; Мартынюк 1985. С. 60–61. Рис. 1), а в других случаях отпечатки шнура, охватывавшего полностью тулово сосуда, появлялись как следствие особенностей технологии его изготовления.

Форма тулова и горла этого сосуда, а также орнаментация в комплексе не находят себе аналогий в керамике неолита, бронзового и раннего железного веков азиатского региона. Единственный аналог – позднеэнеолитическая керамика Восточной Европы, относимая к репинской или «пострепинской» традиции, распространенная в основном в Доно-Волжском междуречье. «Выпуклое» («желобчатое») горло и «овоидность» тулова – характерные признаки этой керамики, отличающие ее как от хвалыньских и среднестоговских сосудов, так и от посуды ямной культуры. Сосуды репинской культуры «имеют форму круглодонных горшков с высоким желобчатым или раздутым в средней части венчиком, резко отделенным от яйцевидного тулова... орнаментальные элементы – гребенка, отступающий штамп, прочерченные линии, шнур», оттиски гребенки составлены в горизонтальные пояски «в елочку», край венчика часто украшался косыми насечками (Васильев, Синюк 1985. С. 49–51. Табл. 29, 30) (ил. 21, 10–15, 17). Ряд таких сосудов был найден в среднем слое Михайловского поселения на Нижнем Днепре (Васильев, Синюк 1985. С. 51; Лагодовська и др. 1962. Табл. V, 5, VII, 7, IX, 6, 7) (ил. 21, 2–5). Единственное принципиальное отличие в форме и орнаментации рассматриваемого сосуда от классической репинской керамики – то, что под горлом его нет горизонтального ряда ямок или «жемчужин» (Васильев, Синюк 1985. С. 49). (В то же время необходимо отметить, что чемурчекский сосуд под венчиком имеет горизонтальный ряд весьма глубоких косых вдавлений острой палочки, что может рассматриваться как дериват ямочного пояса, обычного для раннего репина.) Однако не все репинские сосуды имеют этот признак, тем более что в Поволжье и Подонье имеются памятники с явными признаками репинского влияния, для сосудов которых «жемчужины» не обязательны. Таковы материалы памятников алексеевского типа (Васильев 1981. С. 44–50. Табл. 25, 1, 2; 39, 32), из энеолитических стоянок Нижнего Поволжья (Васильев 1981. С. 51. Табл. 29, 3, 9), сосуд из погребения в Мокром Чалтыре (Васильев 1981. С. 43. Табл. 30, 7; Кияшко 1994. Рис. 38, 2), некоторые сосуды Константиновского поселения (Кияшко 1994. Рис. 20) (ил. 21, 6, 7, 16, 18, 19). И. Б. Васильев и А. Т. Синюк считают, что выпуклое горло появилось в результате эволюции воротничковых венчиков нижнедонской культуры при участии среднестоговского компонента; поэтому они включают ряд сосудов с выпуклым горлом, овоидным туловом и без ямок под венчиком в число среднестоговских (Синюк, Васильев 1985. С. 51–52. Табл. 26, 12, 13, 28 (вверху слева)) (ил. 21, 8, 9). Прямой аналогией фестонам из концентрических дуг на сосуде из М16 является орнаментация сосудов из нижнедонских энеолитических погребений на хут. Семенкин (дуги нанесены гладким штампом) (Кияшко 1994. Рис. 39, 1, 2) и у хутора Тузлуков на Нижнем Маныче (орнамент прочерчен) (Тузлуки-80, к. 9, п. 31, раскопки Е. И. Беспалого (благодарю Е. И. Беспалого и А. Д. Резепкина за любезное разрешение использовать материалы полевого отчета), из погребения 5 кургана 1 мог. Грушевка I (Ставрополье) (орнамент составлен из ямочных вдавлений) (Державин 1991. С. 12. Рис. 2, 5) (ил. 21, 20, 21). Кроме этого, крупные фестоны, составленные из дугообразных концентрических оттисков веревочки – обычный элемент орнаментации курильниц и некоторых иных сосудов катакомбных культур Северного Причерноморья и Предкавказья.

Очерченный нами круг аналогий однозначно говорит о западном происхождении рассматриваемого сосуда. Энеолитические прототипы такой керамики входят в единый широкий культурный контекст с находками каменных изваяний, привлекавшихся выше для сравнения с антропоморфами Черного Иртыша.

Второй известный нам глиняный сосуд из огады М16 (ил. 16, 3) не находит аналогий не только в центральноазиатской, но и в европейской керамике. Сравнение этого сосуда с керамикой Осинкинского могильника, а также с сосудом из погребения в с. Озерное (Варенов 1998. С. 61) некорректно. Сосуд из Осинкинского могильника имеет в прямом смысле «митровидную» форму, то есть горло его плавно отогнуто наружу, а тулово – мешковидное, приземистое (Савинов 1975. Рис. 4 справа). Сосуд из с. Озерное – не круглодонный, а плоскодонный, – в публикации назван «баночным» (Погожева, Кадиков 1979. С. 80; Абдулганеев и др. 1982. С. 60. Рис. 4, 1) (ил. 23, 2). В то же время второй горшок из М16 имеет четкую параболическую форму и вытянутые пропорции; горло его практически не выделено, венчик прямо срезан сверху. Такая форма характерна только для керамики некоторых глазковских и шиверских памятников Прибайкалья (Окладников 1955. С. 127–128. Рис. 50; Конопацкий 1982. С. 55. Табл. XLIX; Хлобыстин 1987. Рис. 125, 25; 135, 34) (ил. 20, 4–8). В Прибайкалье у нее есть прототипы – серовские сосуды подобной формы, но с ушками (Окладников 1955. С. 129).

Остальные глиняные сосуды из погребений в «могильнике Кэрмуци», на мой взгляд, пока невозможно сопоставить с материалами хорошо изученных сибирских и восточноевропейских культур эпохи бронзы. Устья обоих баночных сосудов: из М2 и М7, плавно сужаются, подобно сужению в их придонной части, сами сосуды имеют приземистые цилиндрические очертания с широким дном, почти что равным по диаметру скругленному венчику

(ил. 15, 3, 5). Аналогии этим признакам вкупе с орнаментацией подобрать не удалось. Сосуд, фрагменты которого мне удалось найти в М17м2 (ил. 16, 4), напоминает по форме достаточно широкий круг сибирской керамики эпохи бронзы, а также неорнаментированные сосуды из ямных погребений Южного Приуралья (см., например, сосуд из погребения Тамар-Уткуль VIII, к. 4, п. 1: Моргунова, Кравцов 1994. С. 25. Рис. 12), однако по единичной находке неорнаментированного сосуда трудно судить о его родственных связях.

Известные нам каменные сосуды из М7, М8 и М16 (ил. 15, 1; 16, 3; 17, 1) имеют тулово с наибольшим расширением в средней или нижней части и очень невысокие отогнутые наружу венчики. По пропорциям тулова они сближаются с керамическими сосудами из М16. Сравнение этих сосудов (как и ряда других) с бронзовыми сосудами из погребений типа Наньшаньгэнь, которое проводит А. В. Варенов (Варенов 1998. С. 63–65), весьма интересно с точки зрения генезиса наньшаньгэньских памятников, однако не помогает в уточнении датировки чемурчекских могил. Традиция изготовления таких округлодонных каменных сосудов может иметь, на мой взгляд, только западные (в итоге – ближневосточные) корни.

Двойной каменный сосуд из М3 (ил. 17, 2) имеет уплощенное донце. Скругленные очертания стенок этого сосуда напоминают вышеописанные глиняные сосуды из М2 и М7. По пропорциям обе его составляющие находят себе аналогии в каменном сосуде, найденном на берегу Лаптевского озера в Угловском районе Алтайского края (Кирюшин, Симонов 1997) (ил. 19, 3, 4). На алтайском сосуде вырезаны изображения различных животных, в том числе сцена охоты на быка, изображенного со всеми характерными признаками традиций петроглифов Верхнего Прииртышья, а также изображений на чемурчекских стелах: с двумя ногами, дважды изогнутыми рогами и удлинённой мордой (Кирюшин, Симонов 1997. Рис. 2). Желобок под венчиком и суженное устье сближают сосуд из Угловского района с каменным сосудом из Кэрмуци М2, а также с глиняным баночным сосудом из Кэрмуци М7 (ил. 15, 3, 4). В одном ряду с этими находками оказывается глиняный сосуд черного цвета, найденный в дер. Кусицунь волости Авэйтань уезда Алтай (не более 20 км от «могильника Кэрмуци») (Ван Линьшань, Ван Бо 1996. С. 20, 81). Этот горшок (скорее всего округлодонный) имеет мешковидную приземистую форму, устье его плавно сужается, венчик не выделен. Под венчиком, как и у сосуда из М7, плоской палочкой прочерчен неширокий желобок, от которого свисают прочерченные таким же образом треугольные фестоны (ил. 19, 2). А. В. Варенов отнес этот сосуд к находкам «карасукского» облика и сравнивает его с бегазы-дандыбаевской керамикой, что, на мой взгляд, не имеет оснований (Варенов 1996. С. 65–66).

Каменный ковшик с рукоятью, изображающей голову животного, из М16, судя по внешнему виду, обработан с гораздо меньшим тщанием, нежели остальные известные нам каменные сосуды из могильника, не заполирован; для его изготовления использовалась другая порода камня, возможно, песчаник. Детали головы животного на рукояти чаши из Кэрмуци проработаны не очень ясно. Китайские ученые вначале предположили, что здесь изображена голова быка (И Маньбай, Ван Минчжэ 1981. С. 26), однако затем предпочитали говорить просто о «голове (дикого) животного» (Му Шуньин, Ван Минчжэ 1986. С. 67; Ван Линьшань, Ван Бо 1996. С. 84). К сожалению, осмотреть вблизи находящийся в витрине Синьцзянского музея ковшик оказалось невозможным, однако опубликованная в альбоме 1996 г. качественная фотография (Ван Линьшань, Ван Бо 1996. Рис. 118) дает основание утверждать, что на рукояти изображена именно бычья голова. На это указывают смоделированные в виде скобки, направленные вперед и вверх рога, четко отделенные сзади уступом. Углублениями показаны ноздри и рот животного (ил. 17, 4).

Наиболее полную аналогию этому сосуду представляет обломок найденной вне комплекса плоскодонной (?) чаши из Хадына, также имевшей рукоять в виде головы быка (Семенов, Монгуш 1995) (ил. 23, 3). Этот сосуд был вырезан из мыльного камня, прекрасно поддающегося обработке, поэтому голова животного здесь хорошо идентифицируется.

Плоскодонная каменная чашечка без рукояти, с процарапанным изображением лошади, найдена в погребении 8 могильника Аймырлыг. По конструкции и погребальному инвентарю (керамика) этот комплекс типичен для окуневской культуры. (Мандельштам 1973. С. 228). Здесь же, в окуневских комплексах, найдены еще несколько грубых каменных сосудиков открытых форм с уплощенным дном. На этом основании В. А. Семенов и В. Т. Монгуш связывают чашу из Хадына с окуневской культурой (Семенов, Монгуш 1995. С. 46).

На мой взгляд, каменные ковшики из Кэрмуци и Хадына гораздо более сходны между собой, чем с чашами из окуневских погребений. С другой стороны, каменные сосуды не характерны для собственно окуневской культуры и найдены только в одном из районов ее распространения. Поэтому каменные сосуды из могильника Аймырлыг должны считаться следствием контактов окуневского населения с каким-то инокультурным окружением, а датировку окуневских комплексов неправомерно переносить на находки из Хадына и Кэрмуци. Напротив, голова быка на ковше из Хадына изображена в той же манере, что и на каменных жезлах, найденных в Монголии, Туве и на Среднем Енисее: об этом говорят моделировка глаз, длинные уши животного и рога, изображенные спускающимися вниз валиками (см.: Леонтьев 1975; Кызласов 1979. С. 25–26. Рис. 16, 17; 1986. С. 288–290. Рис. 199,

200) (ил. 23, 4–8). При этом головка быка – обломок такого яшмового жезла, найденного «под Нойонским хребтом» на территории сегодняшней Тувы – наиболее похожа на головку быка на ковшике из «могильника Кэрмуци» – рога ее моделированы скобкой и не опускаются «по скулам» (ил. 23, 7). Один из таких жезлов найден в могиле на реке Тарлашкын вместе с отлитым в двусторонней форме бронзовым ножом. По мнению Л. П. Хлобыстиной, этот нож нужно признать типичным для памятников «андроновской общности», и на этом основании Л. Р. Кызласов датировал «андроновским» временем все подобные жезлы (Хлобыстина 1970. С. 273; Кызласов 1979. С. 25–26. Рис. 16, 2) (ил. 23, 6, 9). Однако предположение Л.Р.Кызласова о том, что черенок ножа утрачен, беспочвенно. На самом деле этот черенок сохранился полностью, так что домысливать его продолжение по типу андроновских нельзя (на это обратил мое внимание К. В. Чугунов), он скорее напоминает европейские энеолитические, афанасьевские и в какой-то мере окуневские экземпляры. [В 2004 г. при раскопках афанасьевского кургана Кургак говь (Кургак гови) в Уланхус сомоне Баян-Ульги аймака Монголии Международной Центрально-азиатской археологической экспедицией СПбГУ и Института истории АН Монголии (руководители А. А. Ковалев и Д. Эрдэнэбаатар) был обнаружен аналогичный нож с округлым завершением плоского широкого черешка. Радиоуглеродное датирование в лаборатории ИИМК РАН по дереву, углю и кости погребенного человека показало, что курган был сооружен во второй четверти 3 тысячелетия до н. э. – А. К., 2007.] К этому же времени можно отнести и тарлышкинский комплекс. В первом приближении можно распространить эту датировку на чашу из Хадына, и, соответственно, на находку из Кэрмуци. В то же время, на мой взгляд, пока нет материалов, позволяющих определить культурную принадлежность обеих ковшей с рукоятью в виде головы быка и тем более установить причины появления такого ковша в «могильнике Кэрмуци».

Найденные в пределах могильной ямы М17м2 литейные принадлежности (ил. 17, 5) могут датироваться, скорее всего, первой половиной 2 тысячелетия до н. э. Как справедливо указывает А. В. Варенов, самые ранние надежно датированные находки кельтов-лопатонок с выступающей втулкой (без петелек) известны из могилы Фу-хао в Аньяне (XIII в. до н. э.) (Варенов 1998. С. 63). Однако в то же время наиболее близкий по пропорциям «лопаточки» к чемурчекской находке кельт отливался по форме, найденной в каменном ящике (погребение 1) в с. Озерное в Республике Алтай (ил. 23, 1, 2). Как было установлено, эта могила была устроена под округлой земляной насыпью диаметром около 18 м, окаймленной каменными плитами. По ориентации и конструкции могила была аналогична двум другим ящикам, обнаруженным под этой же насыпью. На одной из плит ящика погребения 4 обнаружен антропоморфный рисунок охрой (Погожева, Кадиков 1979). И это антропоморфное изображение, и могильное сооружение в целом входят в круг памятников каракольской культуры, датируемой первой половиной 2 тысячелетия до н. э. (Кубарев 1988. С. 113–114; 1998. С. 56). А. В. Варенов, впервые использовавший эту аналогию, говорит в общих чертах о «поздней» (относительно афанасьева) дате находки из Озерного (Варенов 1998. С. 63), однако эта дата, исходя из вышеизложенного, не может быть позднее середины 2 тысячелетия до н. э. В Южной Сибири, Монголии и Забайкалье известны находки кельтов-лопатонок с выступающей втулкой и двумя петельками, однако они сильно отличаются по пропорциям от чемурчекского и, видимо, относятся к тагарскому времени (Гришин 1981. С. 182. Рис. 69, 4).

Для эпохи бронзы центральноазиатского региона чемурчекский погребальный обряд – исключение, появление которого невозможно объяснить без предположений о внешнем влиянии. Многие погребальные сооружения «могильника Кэрмуци» и ряда иных связанных с чемурчекскими изваяниями могильников представляют собой квадратные или прямоугольные (с пропорциями два к одному) ограды, составленные из массивных плит, установленных на ребро, практически без насыпи внутри. Каменные ящики в оградах сложены из массивных, тщательно подтесанных и выведенных заподлицо древней дневной поверхности плит, расположены в один ряд и ориентированы длинной осью поперек длинной оси ограды. Ящики весьма обширны и содержат до 20 костяков. В единственном непо потревоженном «основном» погребении в ящике М16м2 обнаружены три костяка погребенных «в скорченном положении». Таким образом, в конструкции ограды и ящиков, в погребальном обряде прослеживается сходство с традициями некоторых мегалитических культур Европы: вытянутые прямоугольные ограды, отсутствие курганной насыпи либо насыпь, невысокая по сравнению с длиной ограды, и коллективные захоронения в склепах, сложенных из массивных обработанных каменных плит; склепы при этом располагаются перпендикулярно длинной оси ограды. Принцип расположения погребенных в ряд поперек ряда (в том числе как в одиночных, так и в групповых могилах) прослеживается и в восточноевропейском энеолите начиная с мариупольского времени (см.: Телегин 1991).

Итак, поддающиеся хотя бы приблизительному датированию «ранние» предметы из «могильника Кэрмуци» относятся к середине 3 – первой половине 2 тысячелетия до н. э., что совпадает с периодом, определенным нами для чемурчекских изваяний. Предметов, однозначно относящихся к «карасукскому» времени, в могильнике не найдено. Таким образом, предварительно можно рассматривать как единый комплекс основные погребальные сооружения и вышеуказанный погребальный инвентарь.

Особенности конструкции, инвентаря и погребального обряда чемурчекских погребений выделяют их среди известных памятников бронзового века Центральной Азии; некоторые черты чемурчекских памятников (изваяния, форма погребальных сооружений, шнуровая орнаментация) имеют несомненно западное происхождение. Афанасьевская кургильница, как справедливо указал А. В. Варенов, является для могильника инокультурной. Возможно, впоследствии можно будет отнести к известным культурам бронзового века и некоторые другие из найденных предметов. Тем не менее мы вправе сделать вывод о существовании в бассейне Черного Иртыша особой чемурчекской «культуры», или «общности» эпохи бронзы, появившейся в середине 3 тысячелетия до н. э. при воздействии с запада и оказавшей затем влияние на сложение традиции антропоморфов Европейской Скифии. К памятникам этой культуры, кроме стел и погребальных комплексов, должны быть отнесены и рассматривавшиеся выше изображения быков с узкой мордой, двумя ногами и дважды изогнутыми направленными вперед рогами.

Несомненно, что носители этой культурной традиции на протяжении эпохи бронзы играли существенную роль в истории Евразийских степей, что теперь не может не учитываться при этноисторических реконструкциях.

Фото 1. Каменные изваяния с восточной стороны ограды Кайнарл 1 (Кэрмуци 6–9 по Ли Чжэну) (фотография А. Ковалева)

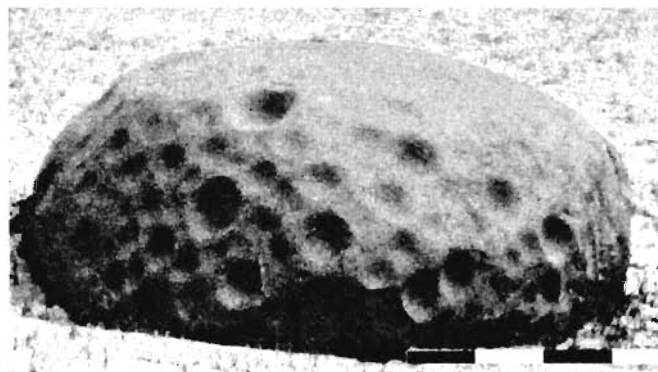

Фото 2. Камень с чашевидными углублениями в ограде Кайнарл 1 (фотография А. Ковалева)

Фото 3. Тыльная сторона изваяния Кайнарл 1 № 1 (фотография А. Ковалева)

Фото 4. Изображения на лицевой грани изваяния Кайнарл 1 № 3
(фотография А. Ковалева)

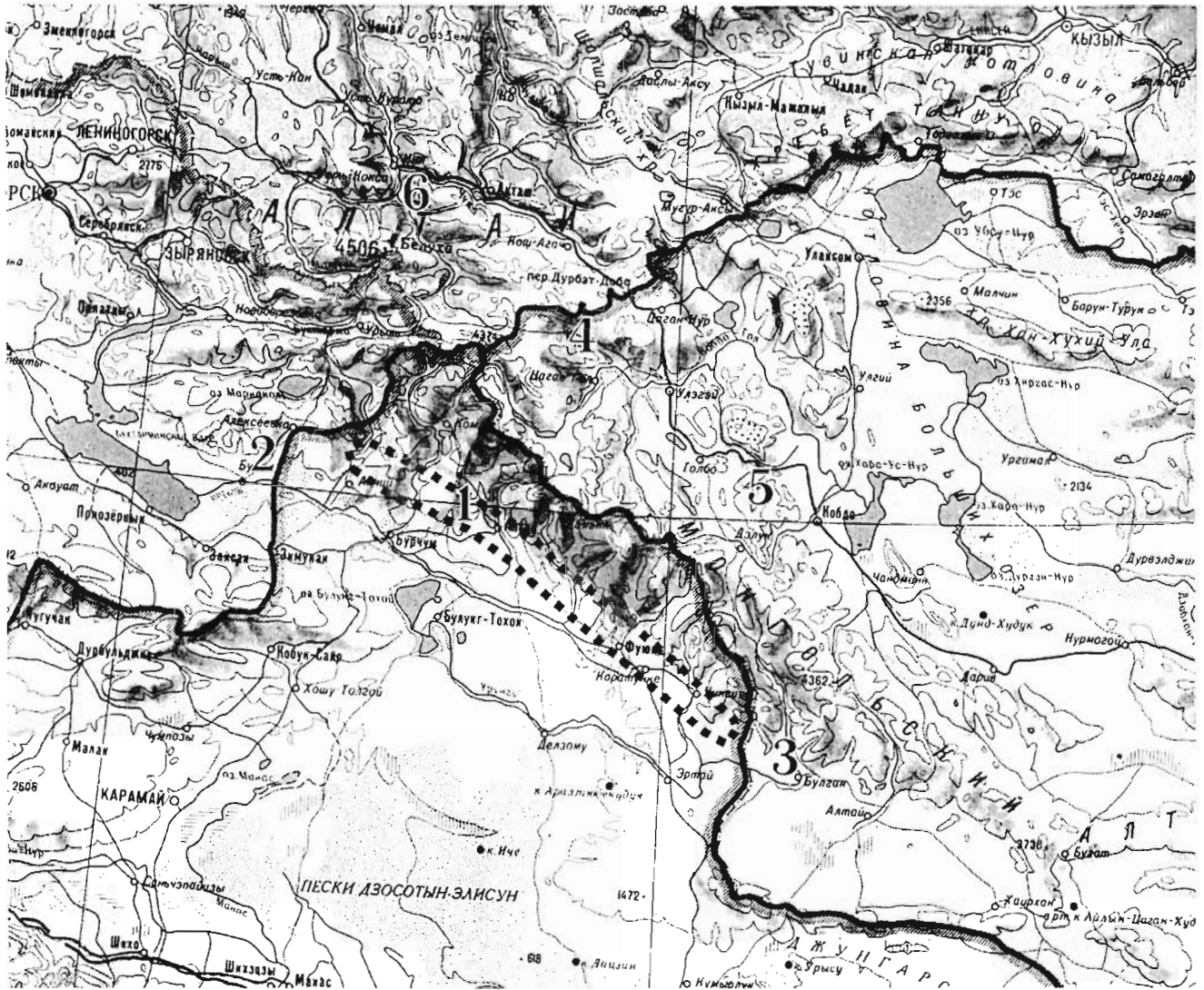
Фото 5. Изваяние Канатас № 1
(фотография А. Ковалева)

Фото 6. Изваяние Канатас № 2
(фотография А. Ковалева)

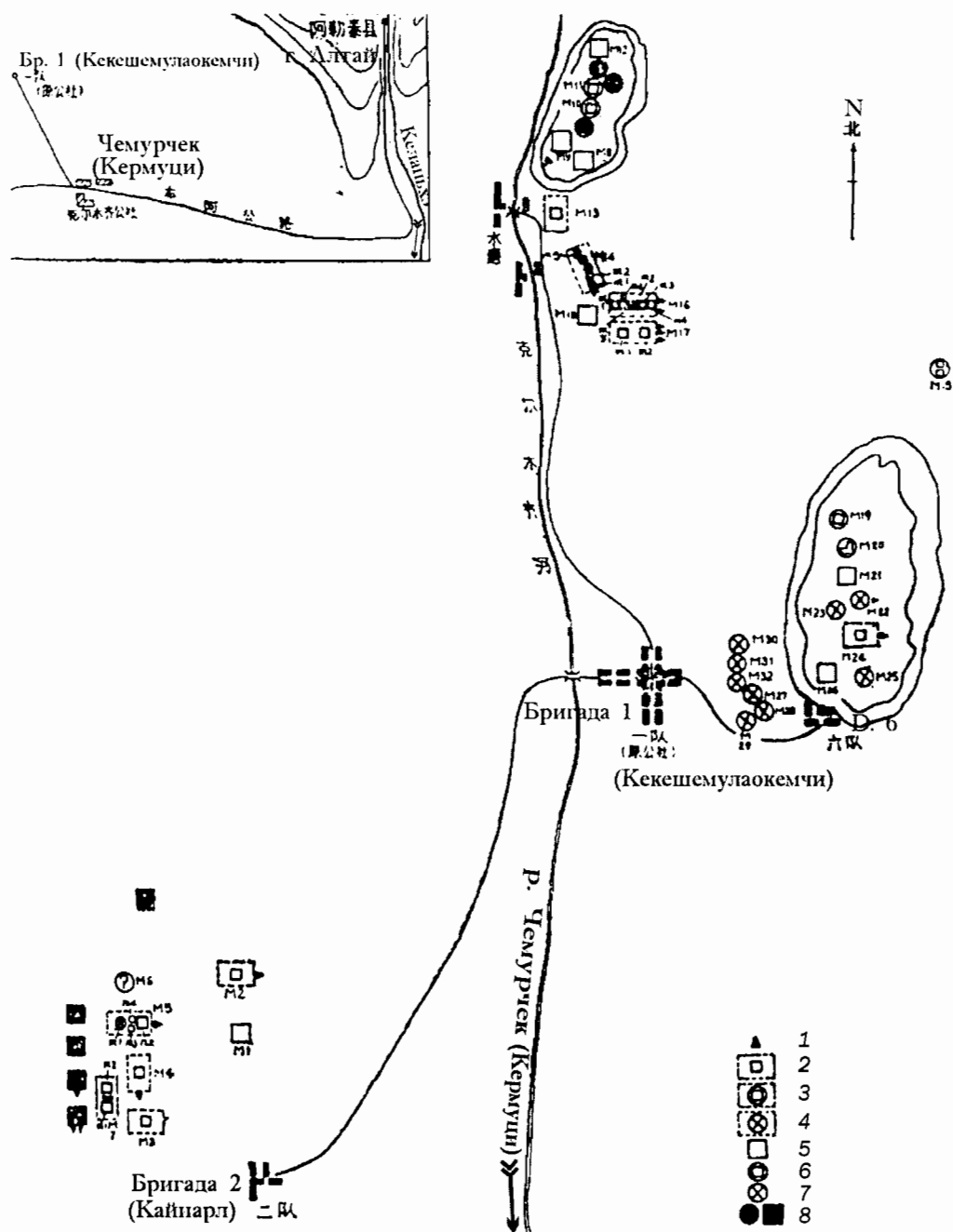
Фото 7. Изваяние Бошубо № 2 (по нумерации Ван Линьшаня, Ван Бо)
(из книги: Ван Линьшань, Ван Бо 1996)

Ил. 1. Карта-схема южных склонов Алтайских гор

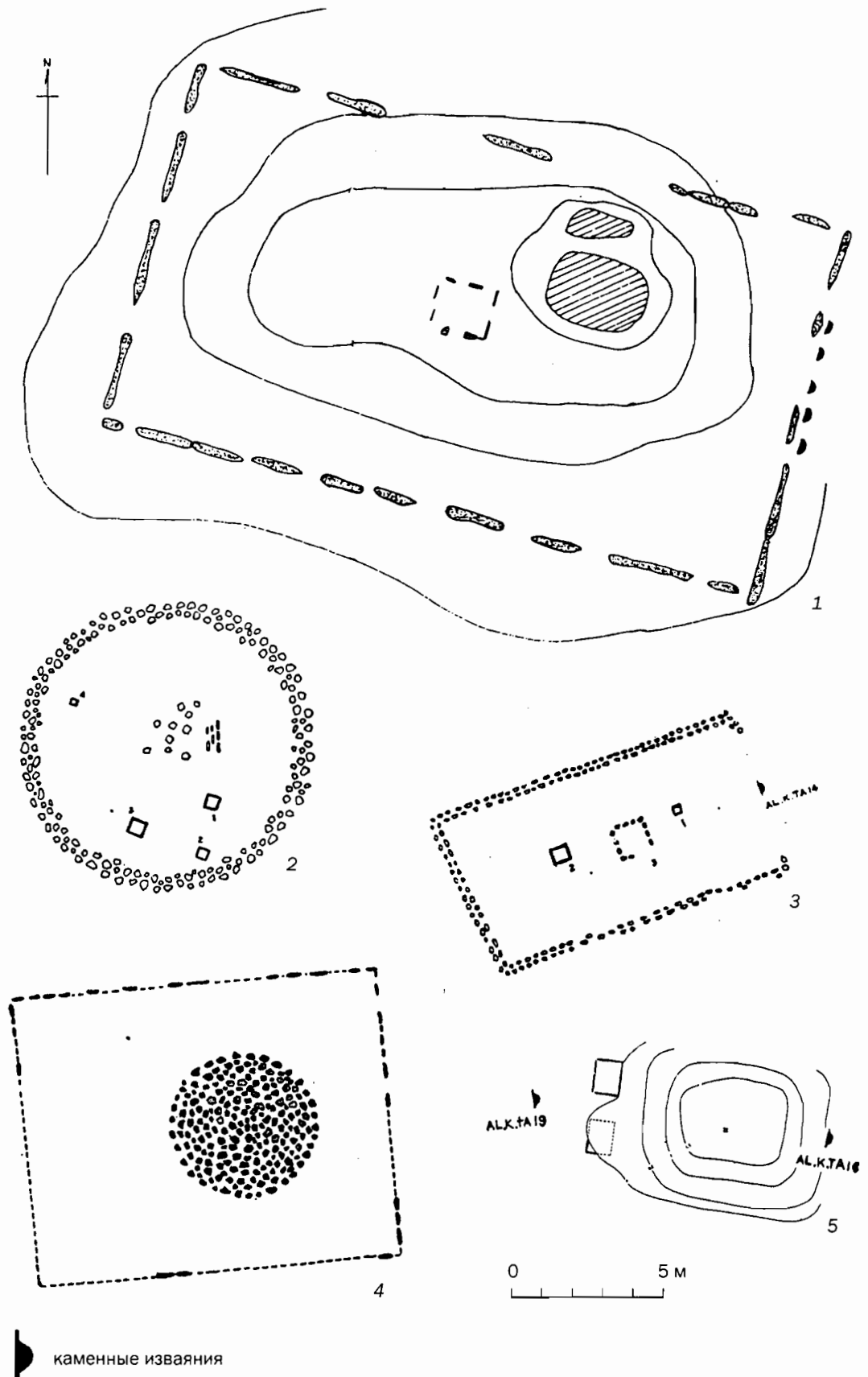
1-6 - местонахождения чумурчекских могильников. 1 - Чумурчек (уезд Алтай); 2 - Теректы (Курчумский район); 3 - Булган сомон (Ховд аймак); Уланхус сомон (Баян-Ульги аймак); 5 - Толбо сомон, 3-я бригада (Баян-Ульги аймак); 6 - Иния (республика Алтай)

Пунктиром показана территория нахождения большинства чумурчекских изваяний

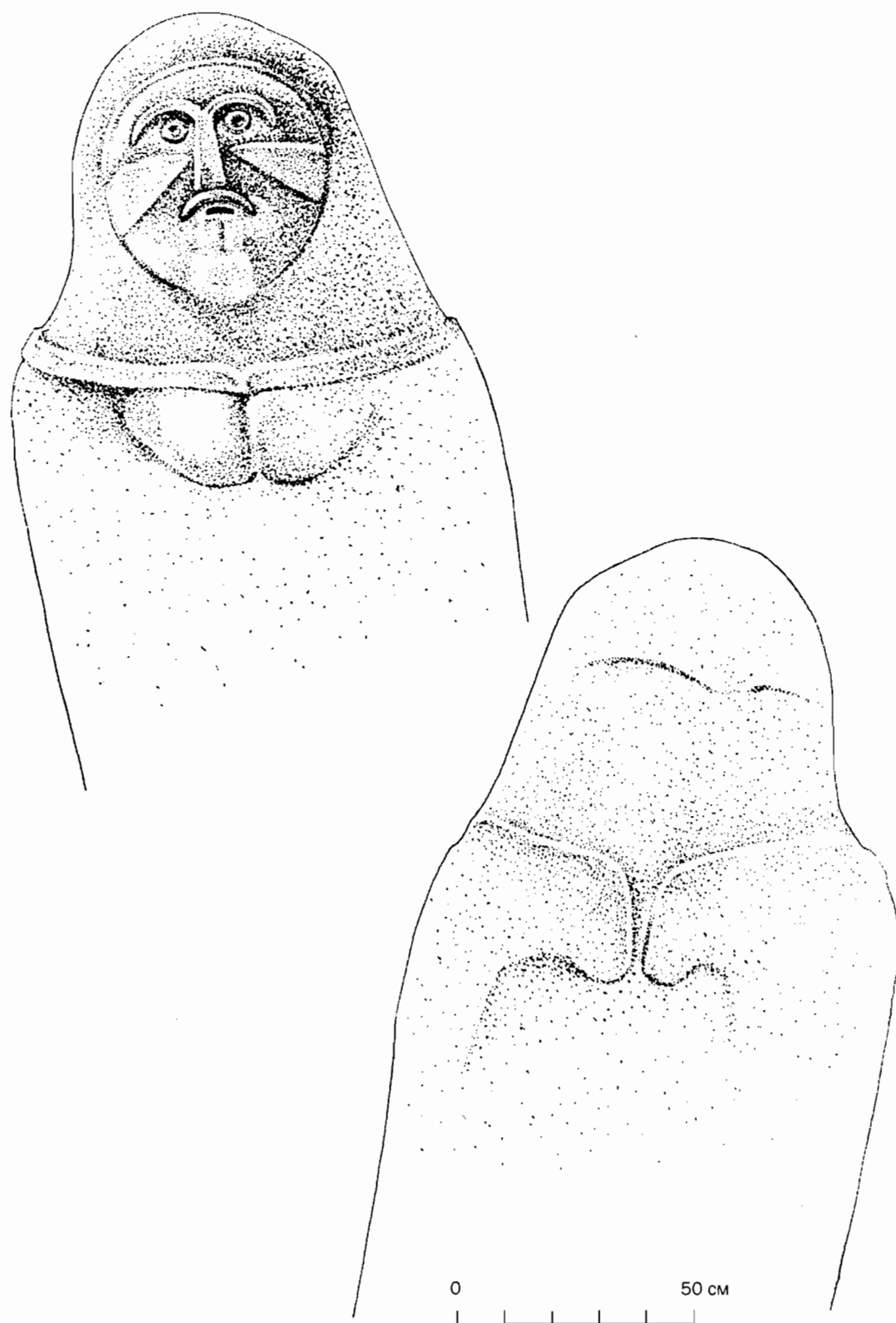

Ил. 2. План расположения раскопанных в 1963 г. погребальных сооружений на реке Чемурчек (Кэрмуци) (по: И Маньбай, Ван Минчжэ 1981, уточнено автором, нумерация И Маньбай, границы населенных пунктов по состоянию на 1963 г.)

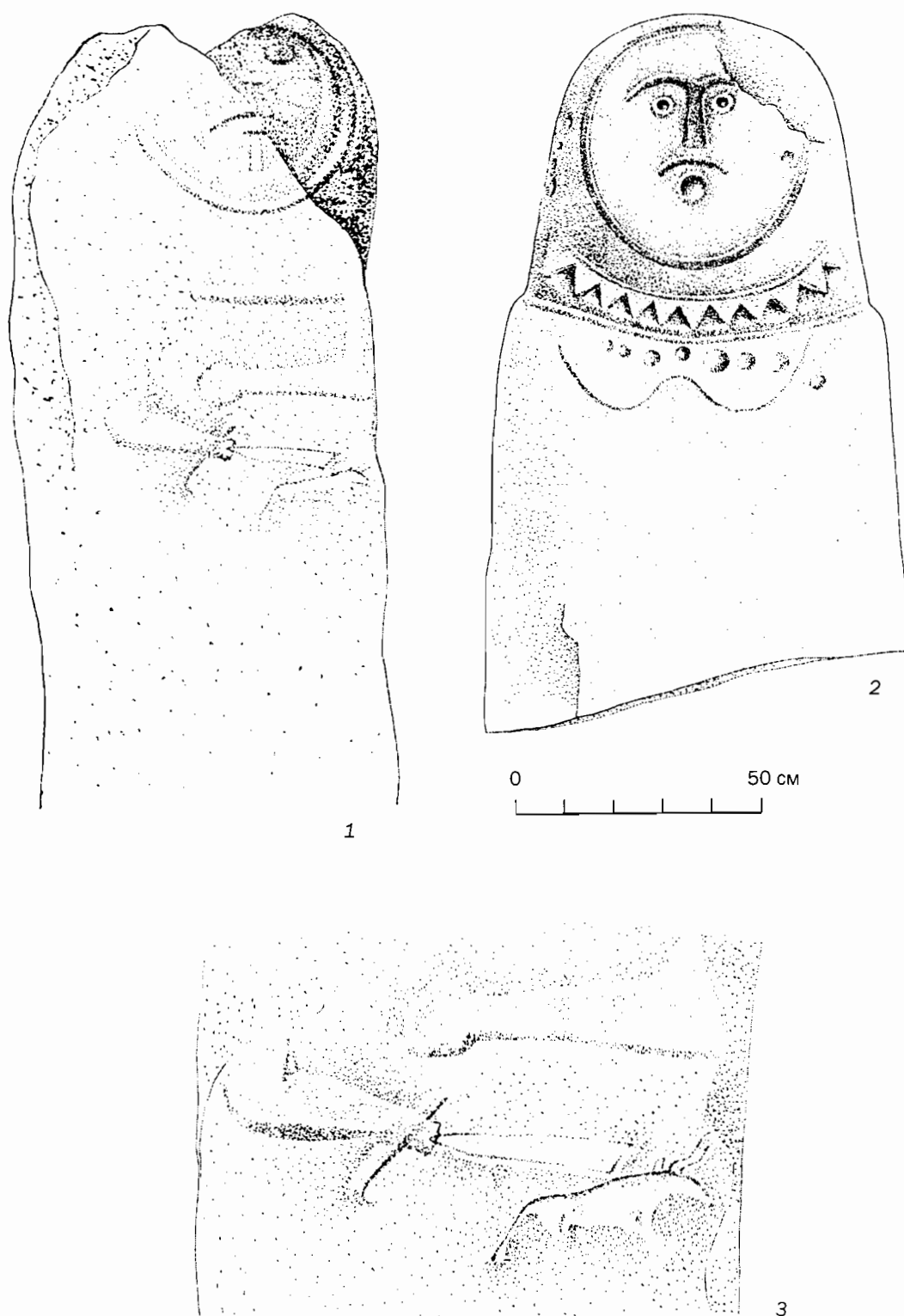
- 1 - каменное изваяние, 2 - ограда с каменным ящиком, 3 - ограда с каменным ящиком под курганной насыпью, 4 - ограда с земляной ямой под курганной насыпью, 5 - каменный ящик, 6 - курган с каменным ящиком, 7 - курган с земляной ямой, 8 - нераскопанные памятники

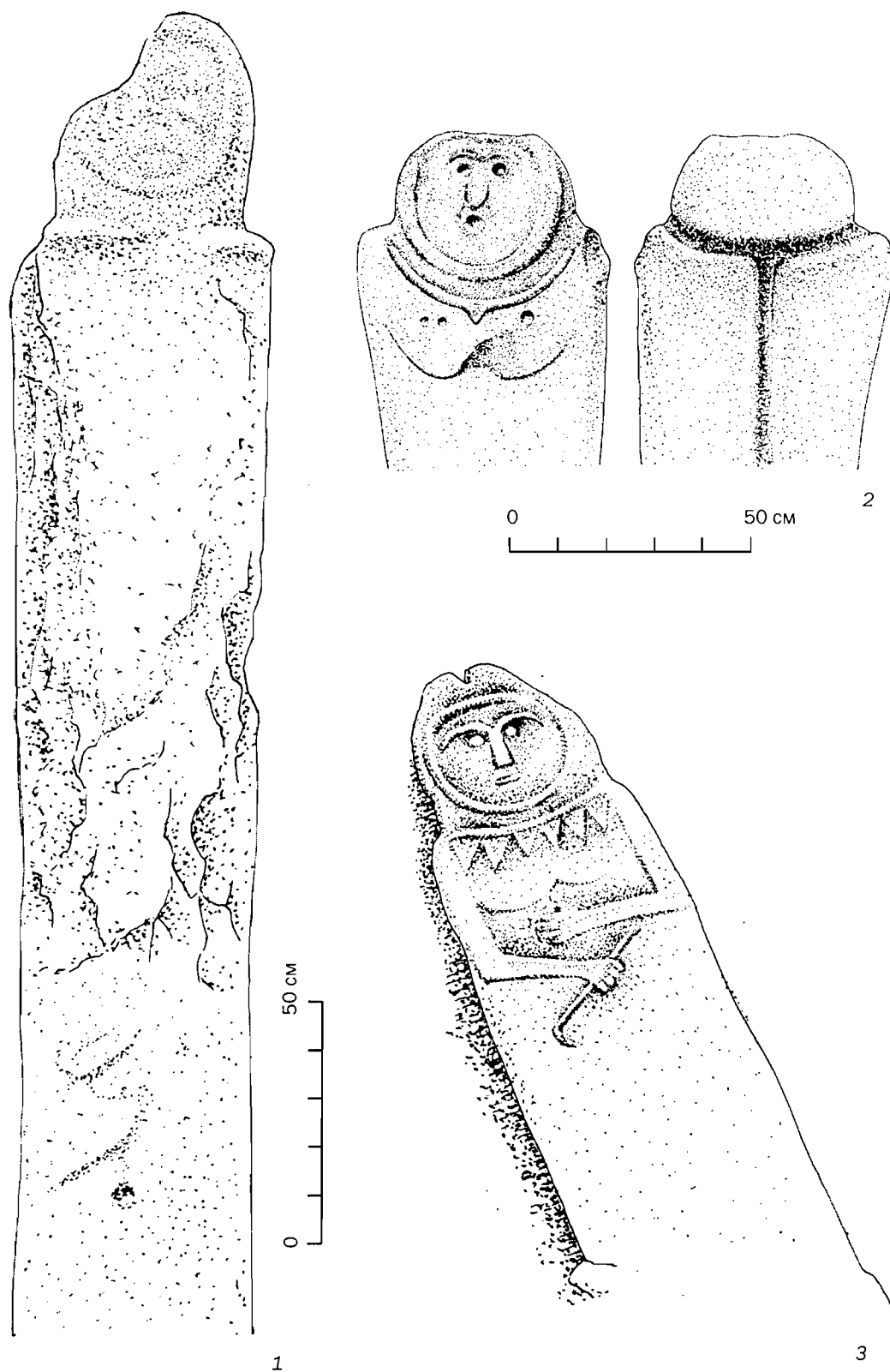
Ил. 3. Планы погребальных сооружений
 1 - Кайнарл 1 (Кэрмуци 6-9 по Ли Чжэну); 2 - Байшэньмубай 19; 3 - Кэрмуци 14 (по нумерации Ли Чжэна); 4 - Кэрмуци 19 (по нумерации Ли Чжэна); 5 - Кэрмуци 16 (по нумерации Ли Чжэна)
 1 - по: Ван Бо 1996; 2-5 - по: Ли Чжэн 1962

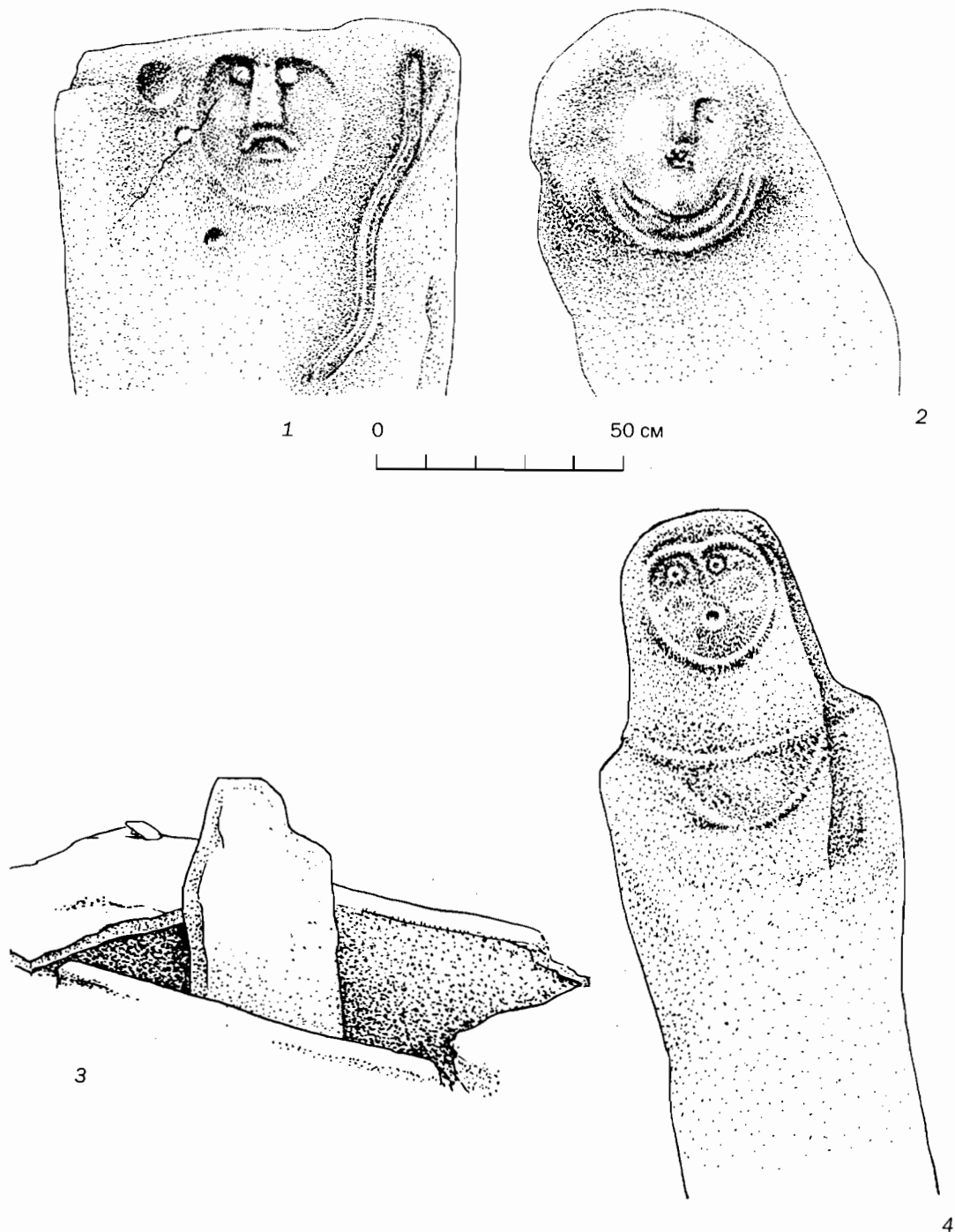
Ил. 4. Каменные изваяния Черного Иртыша
Изваяние Кайнарл 1, № 1. По: Ван Линьшань, Ван Бо 1996; фотографии А. Ковалева, 1998
Прорисовка Е. Ковалевой

Ил. 5. Каменные изваяния Черного Иртыша
 1, 3 – Кайнарл 1, № 3; 2 – Кайнарл 2, № 2 (по нумерации Ван Линьшаня, Ван Бо) (по И Маньбаю – изваяние у погребального сооружения Кэрмуци М2)
 По: Ван Линьшань, Ван Бо 1996; фотографиям и эстампажу А. Ковалева, 1998. Прорисовка Е. Ковалевой

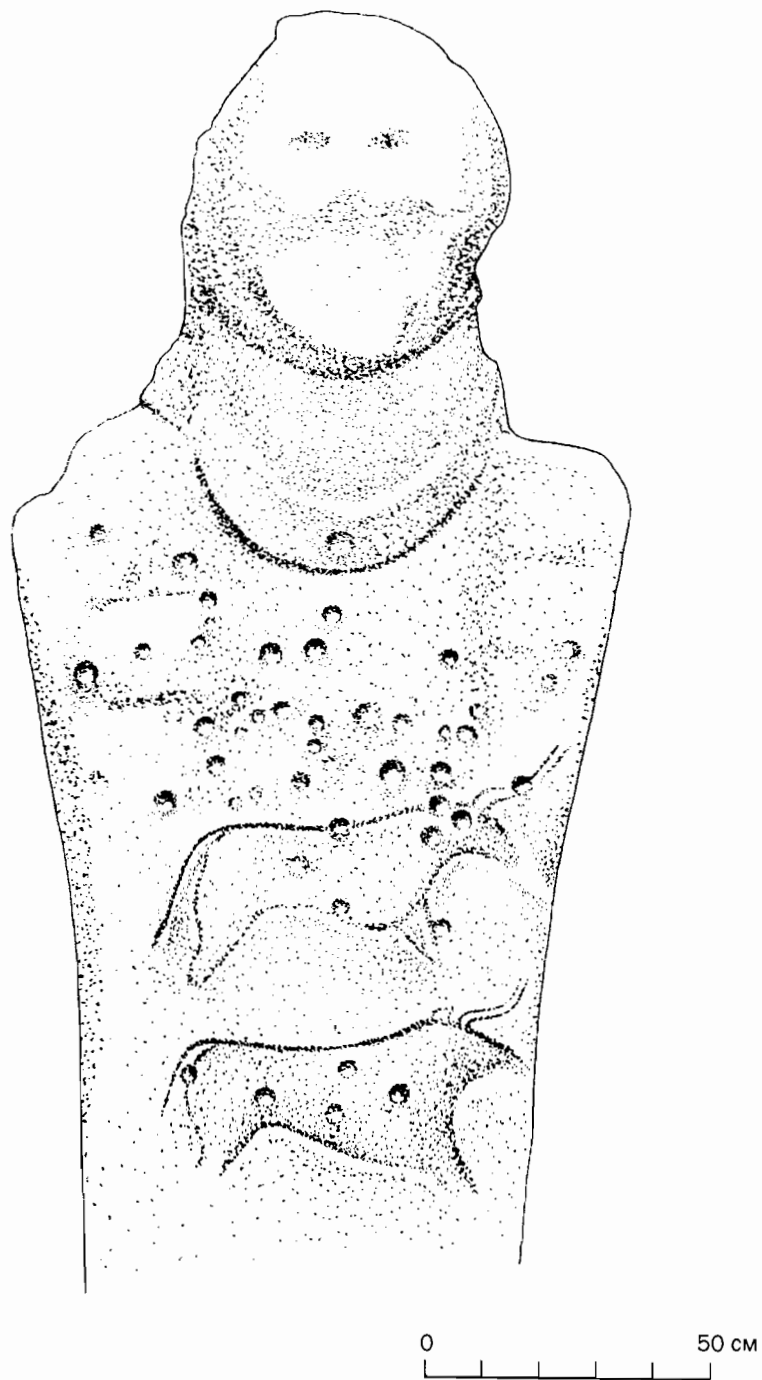

Ил. 6. Каменные изваяния Черного Иртыша
 1 - Кэрмуци 13 (по нумерации Ли Чжэна); 2 - Кайнарл 2 № 1 (по нумерации Ван Линьшаня, Ван Бо)
 (по нумерации Ли Чжэна - Кэрмуци № 2), 3 - Уцюбулак
 1, 2 - по: Ван Линьшань, Ван Бо 1996; фотографиям и эстампажу А. Ковалева, 1998; 3 - по: Ван Линь-
 шаню, Ван Бо 1996. Прорисовка Е. Ковалевой

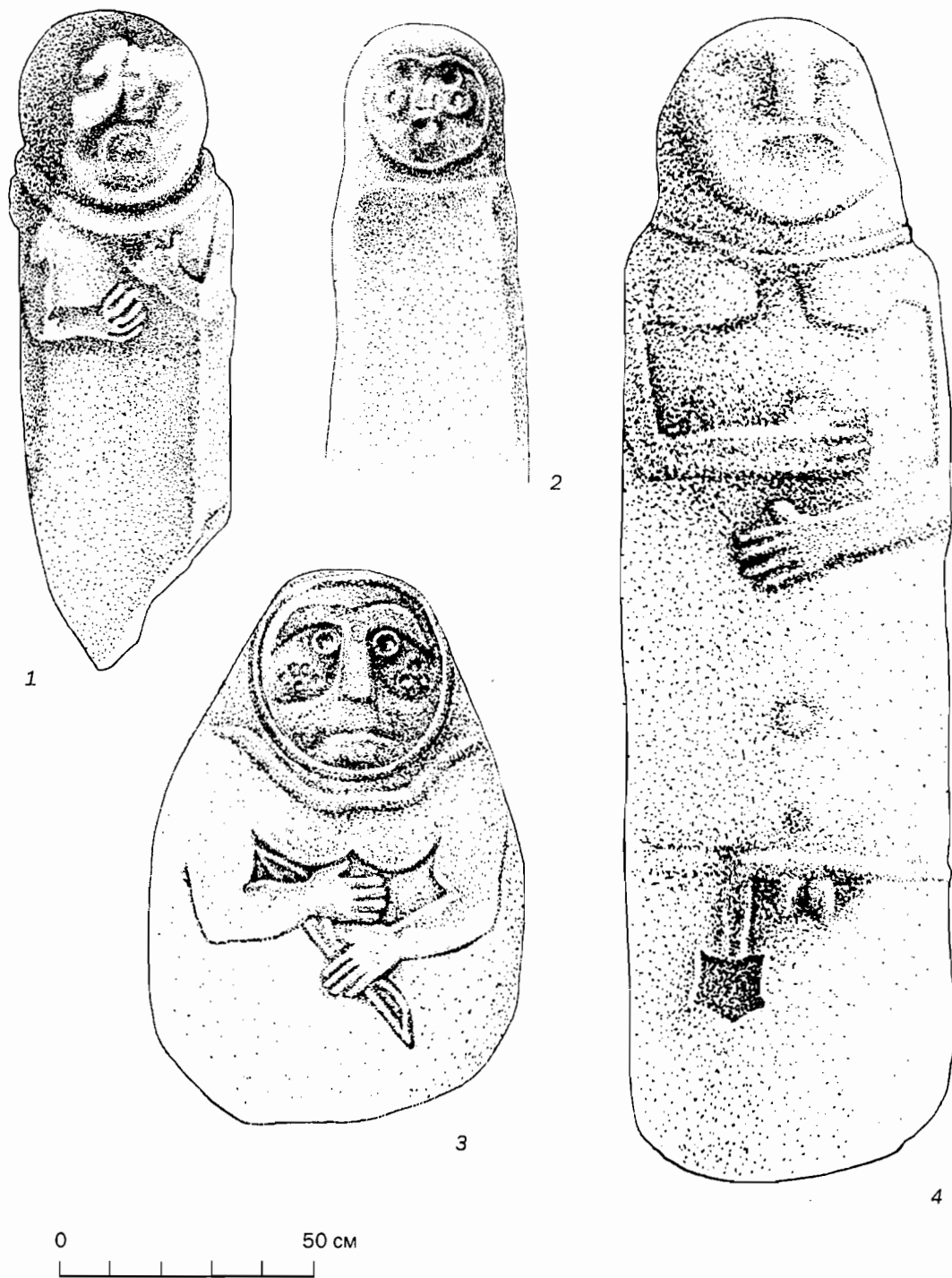

Ил. 7. Каменные изваяния Черного Иртыша

1 - Канатас № 1; 2 - Канатас № 2; 3 - Кэрмуци 19 (по нумерации Ли Чжэна); 4 - Кекешмулаокемчи № 1
 1, 2, 4 - по: Ван Линьшань, Ван Бо 1996; фотографиям А. Ковалева, 1998, 3 - по: Ли Чжэн, 1962. Прорисовка
 Е. Ковалевой

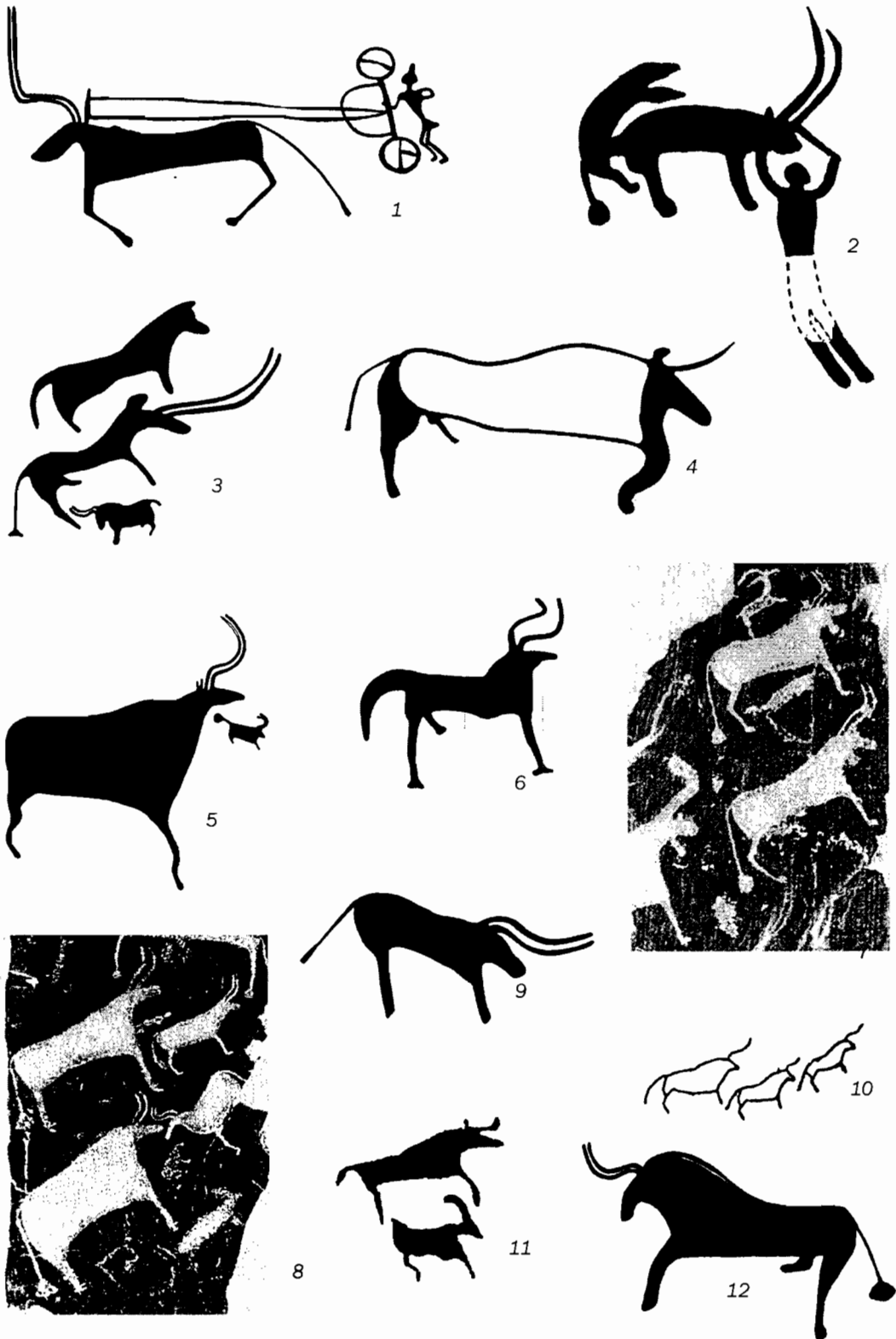

Ил. 8. Каменные изваяния Черного Иртыша
Акубай (по: Ван Линьшань, Ван Бо 1996) (по нумерации Ли Чжэна - Кэрмуци 1).
По: Ван Линьшань, Ван Бо 1996. Прорисовка Е. Ковалевой

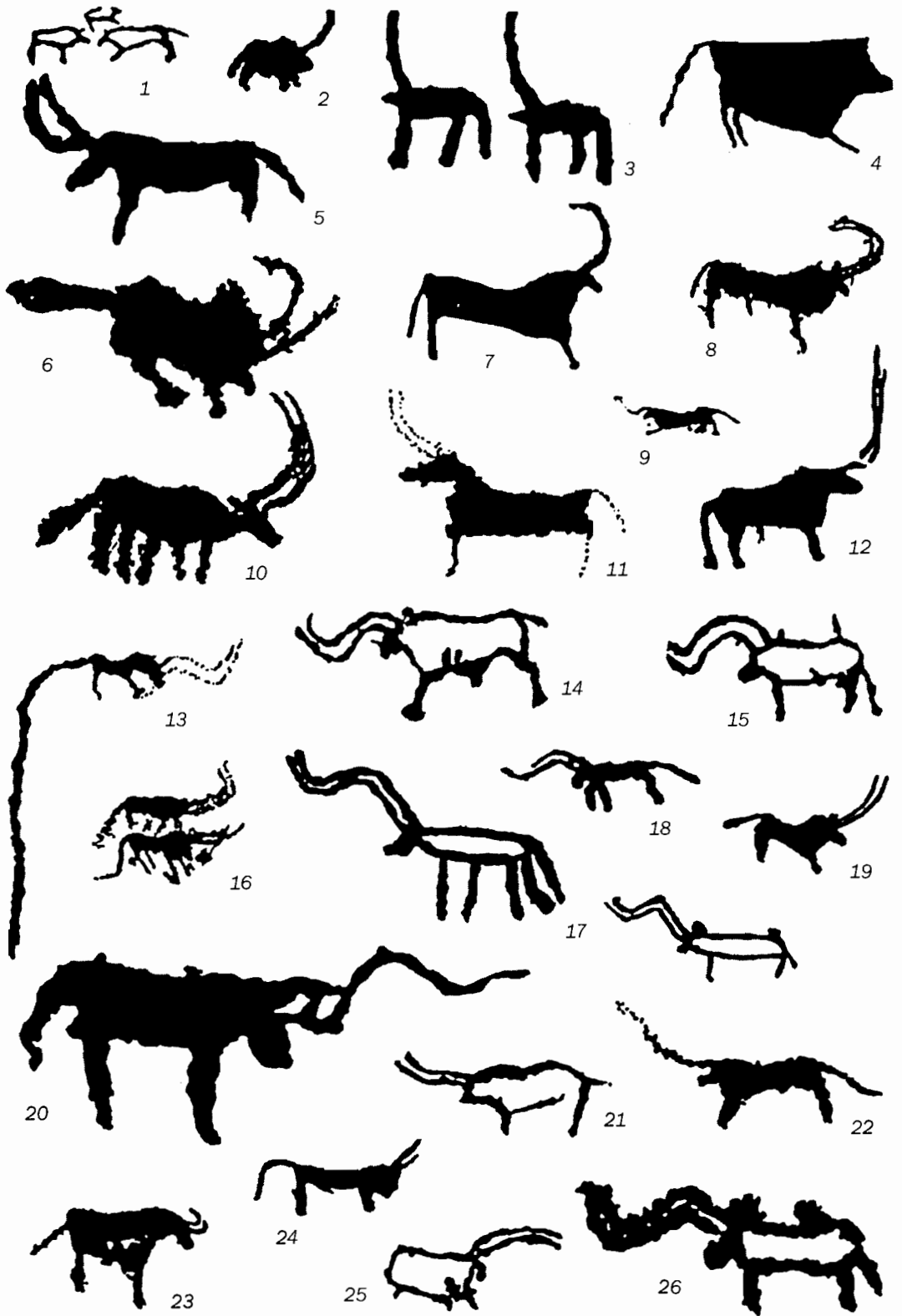
Ил. 9. Каменные изваяния Черного Иртыша
 1 – Бошубо № 2 (по нумерации Ван Линьшаня, Ван Бо); 2 – Актаму № 1; 3 – Кекешмулаокемчи № 2;
 4 – Сентас

По: Ван Линьшань, Ван Бо 1996. Прорисовка Е. Ковалевой

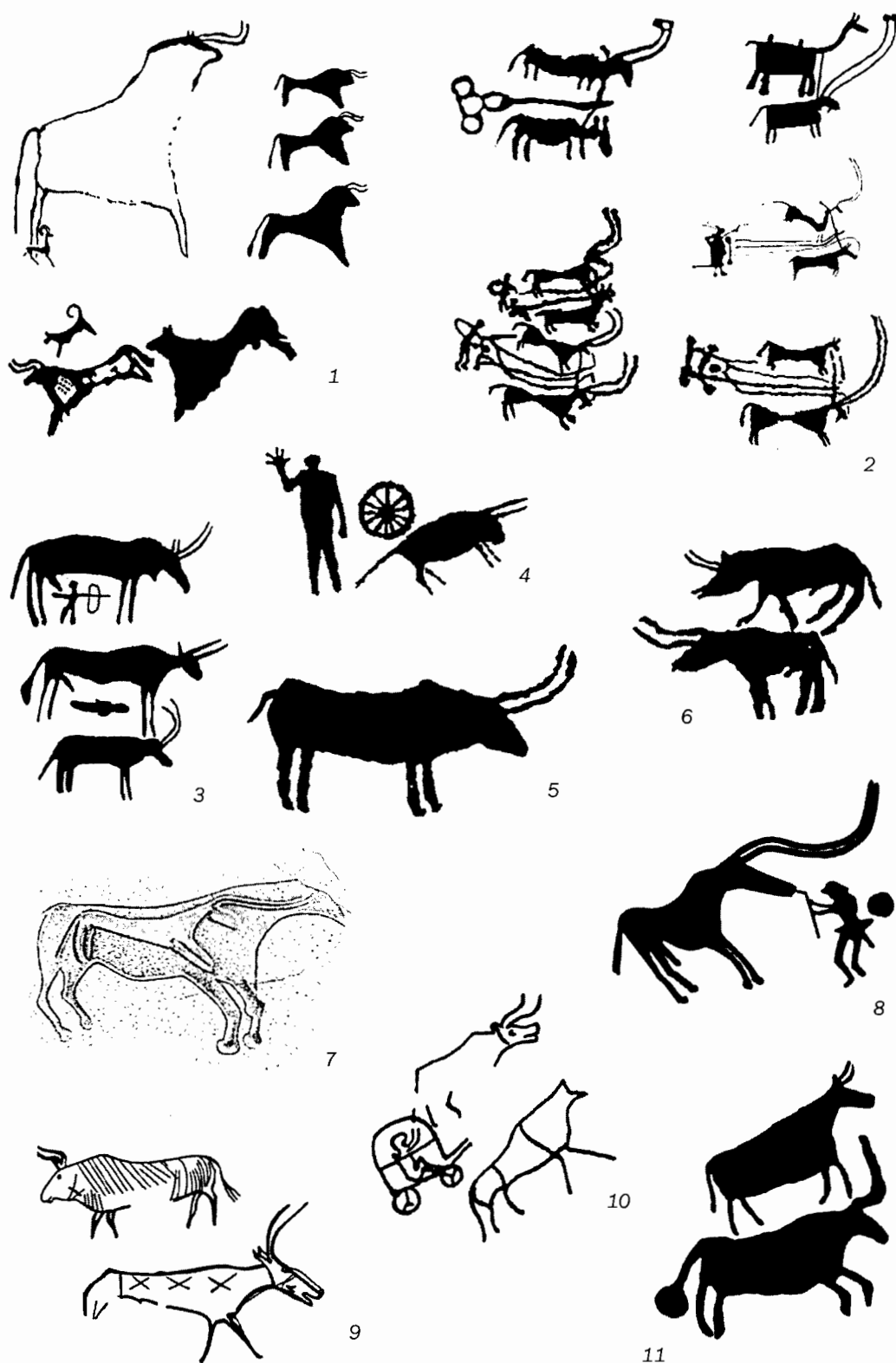

Ил. 10. Изображения быков в петроглифах округа Алтай (Синьцзян)

1 - Утубулак (уезд Алтай); 2, 4, 6, 9, 12 - уезд Алтай; 3 - Чжартасконоас II (уезд Хабахэ); 5 - Хандгарт (уезд Алтай, волость Тебу); 7, 8 - Дуоларт (уезд Алтай); 10 - Актас (уезд Алтай); 11 - Дулатэ (уезд Алтай, волость Тебу)
 1, 2, 4, 6, 9, 12 - по: Чжао Цзянфэн 1987; 3, 5, 7, 8 - по: Ван Линьшань, Ван Бо 1996; 10, 11 - по: Су Бэйхай 1994

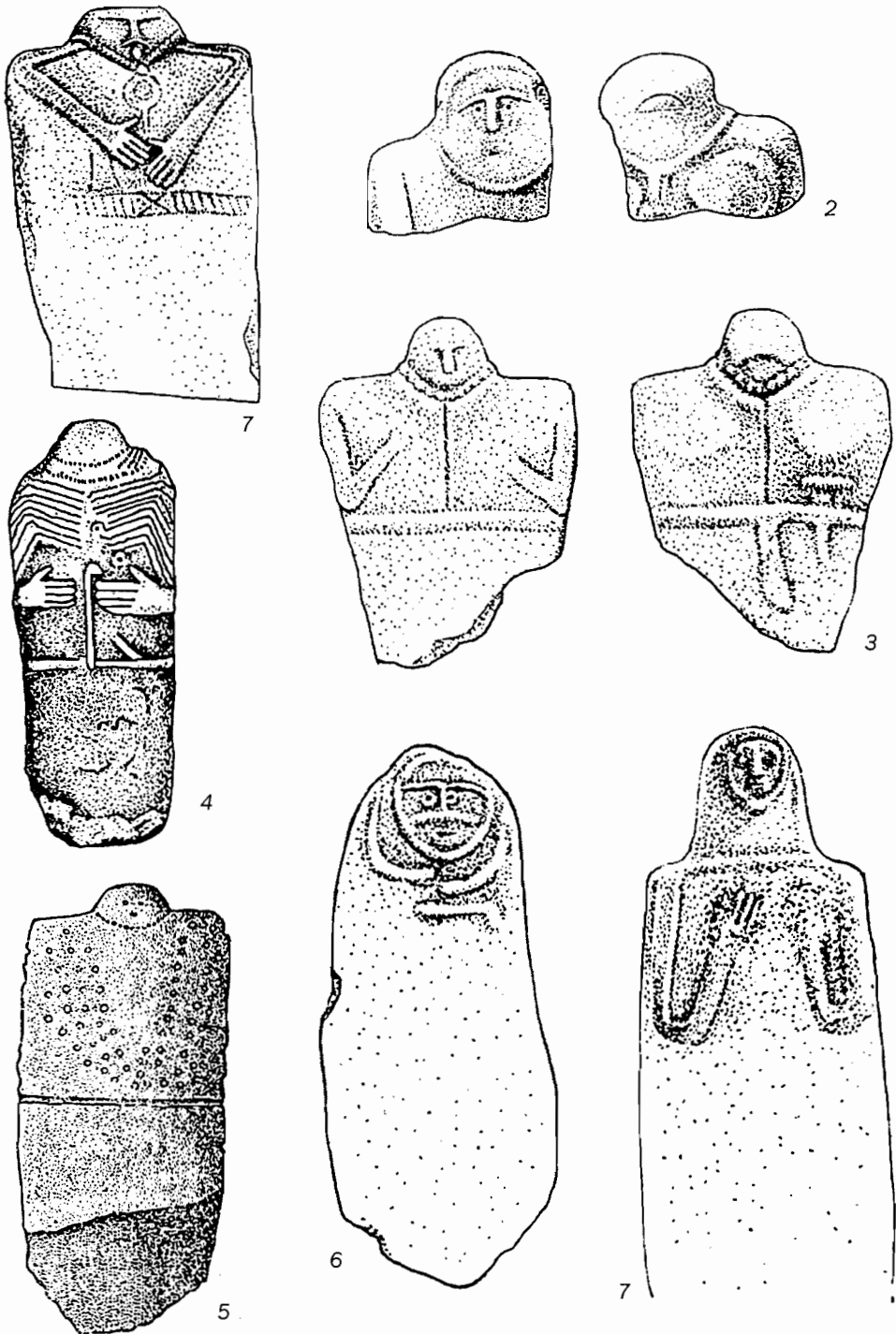

Ил. 11. Изображения быков в районе озера Зайсан (Казахстан)
 1 - Каратюбе; 2, 5, 14, 15, 17, 18, 20, 21, 24-26 - Зевакино; 3 - Сагыр 2; 4 - Окей; 6, 11, 12, 22 - Курехум; 7-9, 13, 16, 19, 23 - Мойнак; 10 - Никитинка
 По: Samashev 1993

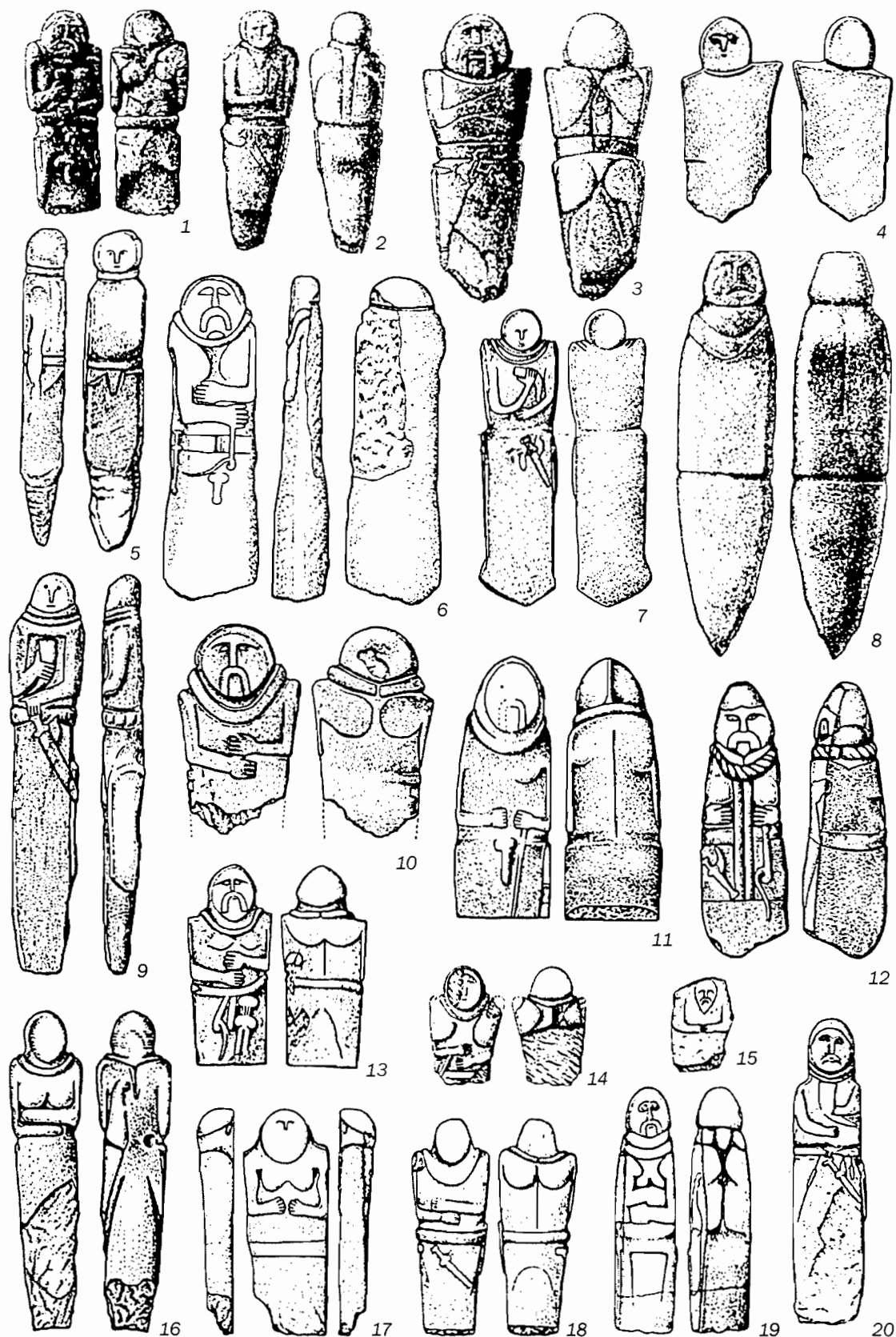
Ил. 12. Изображения быков в петроглифах Средней и Центральной Азии

1 - Сармыш (Узбекистан); 2 - Саймалы-Таш (Казахстан); 3, 4 - горы Бардакур (уезд Юминь, Синьцзян); 5 - Алаба (уезд Хобоксар, Синьцзян); 6 - Барлук (уезд Юминь, Xinjiang); 7, 8 - Тамгалы (Казахстан); 9 - Черновая VIII (Хакасия); 10 - Знаменка (Хакасия); 11 - устье р. Тубы (Хакасия)
 1, 2 - по: Шер 1980; 3 - по: Li Xiao 1997; 4 - по: Су Бэйхай 1994; 5, 6 - по: Су Бэйхай, Чжао Ян 1997; 7, 8 - по: Максимова и др. 1985; 9 - по: Леонтьев 1980; 10 - по: Савинов 1997; 11 - по: Леонтьев 1997

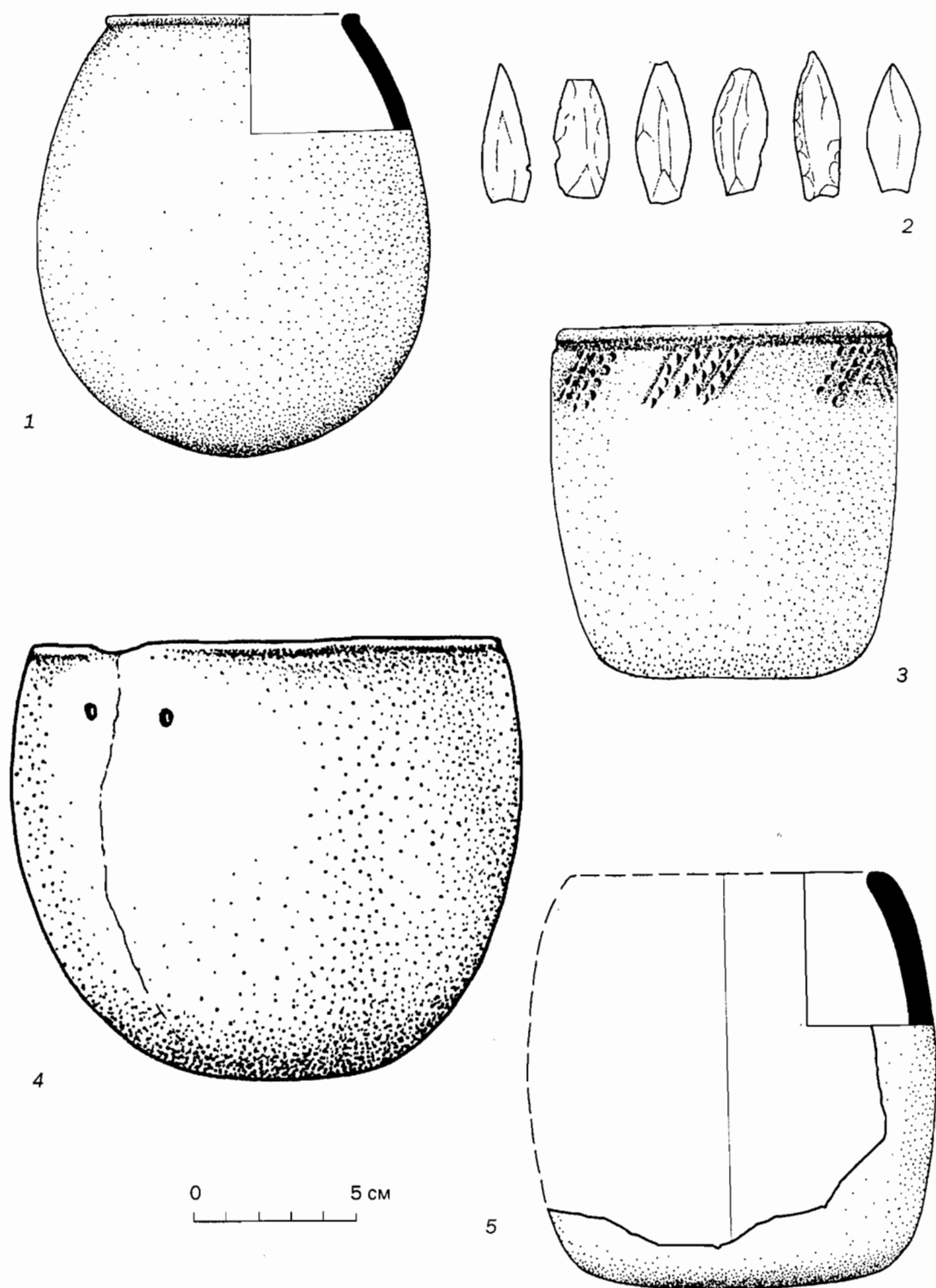
Ил. 13. Энеолитические каменные изваяния западного региона
 1 - Езерово III (Болгария); 2 - Стан (Шумен, Болгария); 3 - Езерово II (Болгария);
 4 - Ак-Чорак (Крым); 5 - устье Дуная; 6 - Mas de l'Aveugle (Франция); 7 - Абу Ирейн
 (Сирия)

1-3 - по: Tonceva 1981; 4, 5 - по: Телегин 1991; 6, 7 - по Landau 1977

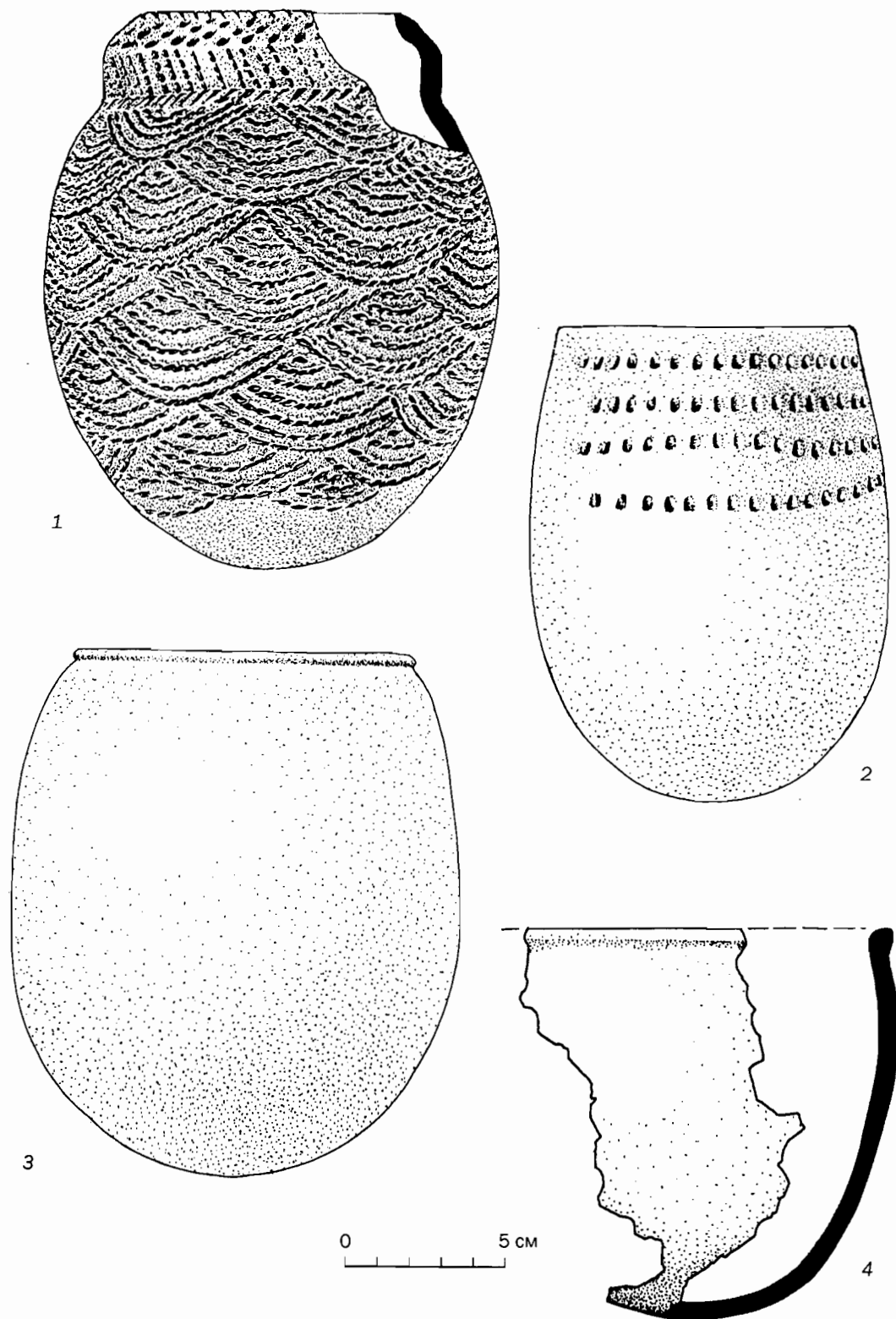

Ил. 14. Скифские каменные изваяния VII–VI вв. до н. э. (по: Ольховский, Евдокимов 1994)

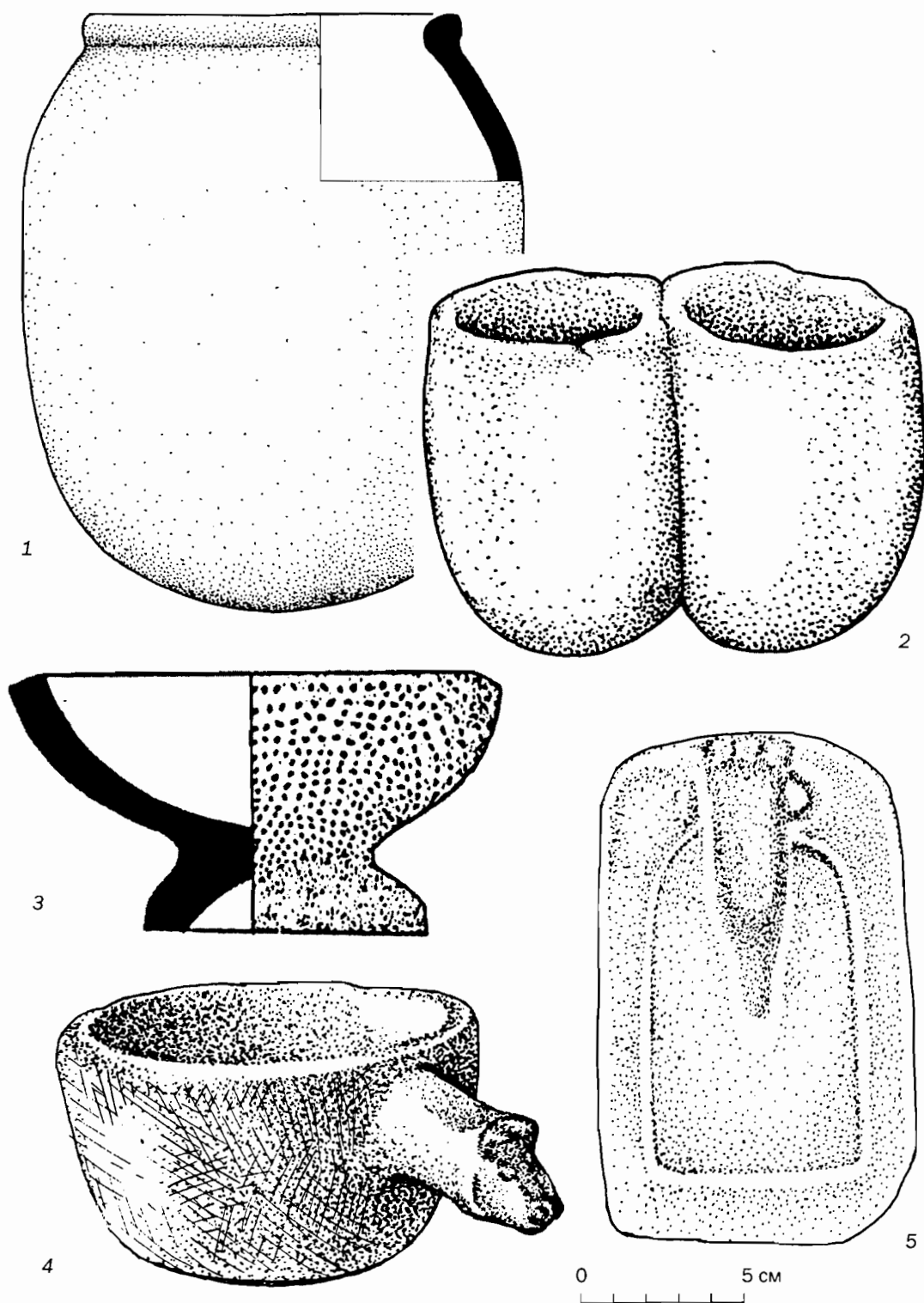
1 – Нововасильевка; 2 – Братолобовка; 3 – Кожемяки; 4 – Верхний Рогачик; 5 – Великомихайловка; 6 – Александровское; 7 – Медерово; 8 – курган у Царевой могилы; 9 – Семеновка; 10 – Славянка; 11 – Маньчская; 12 – Ольховчик; 13 – Прохладный; 14 – Мамай-гора; 15 – Галайты 1/1978; 16 – Зеленчук Мостовой; 17 – Замай-Юрт; 18 – Бесскорбная; 19 – Киевский музей; 20 – Эрделевка

Ил. 15. Инвентарь раскопанных могил в волости Чемурчек (Кэрмуци)
 1 – ограда М7, каменный ящик 2; 2 – ограда М7, каменные ящики 1, 2; 3 – ограда М7, каменный ящик
 1; 4, 5 – ограда М2, каменный ящик
 1, 2, 4 – камень; 3, 5 – керамика
 По: И Маньбай, Ван Минчжэ 1981; Му Шуньин, Ван Минчжэ 1986; Чэнь Гэ 1995; Ван Бо 1996; Ван Линь-
 шань, Ван Бо 1996

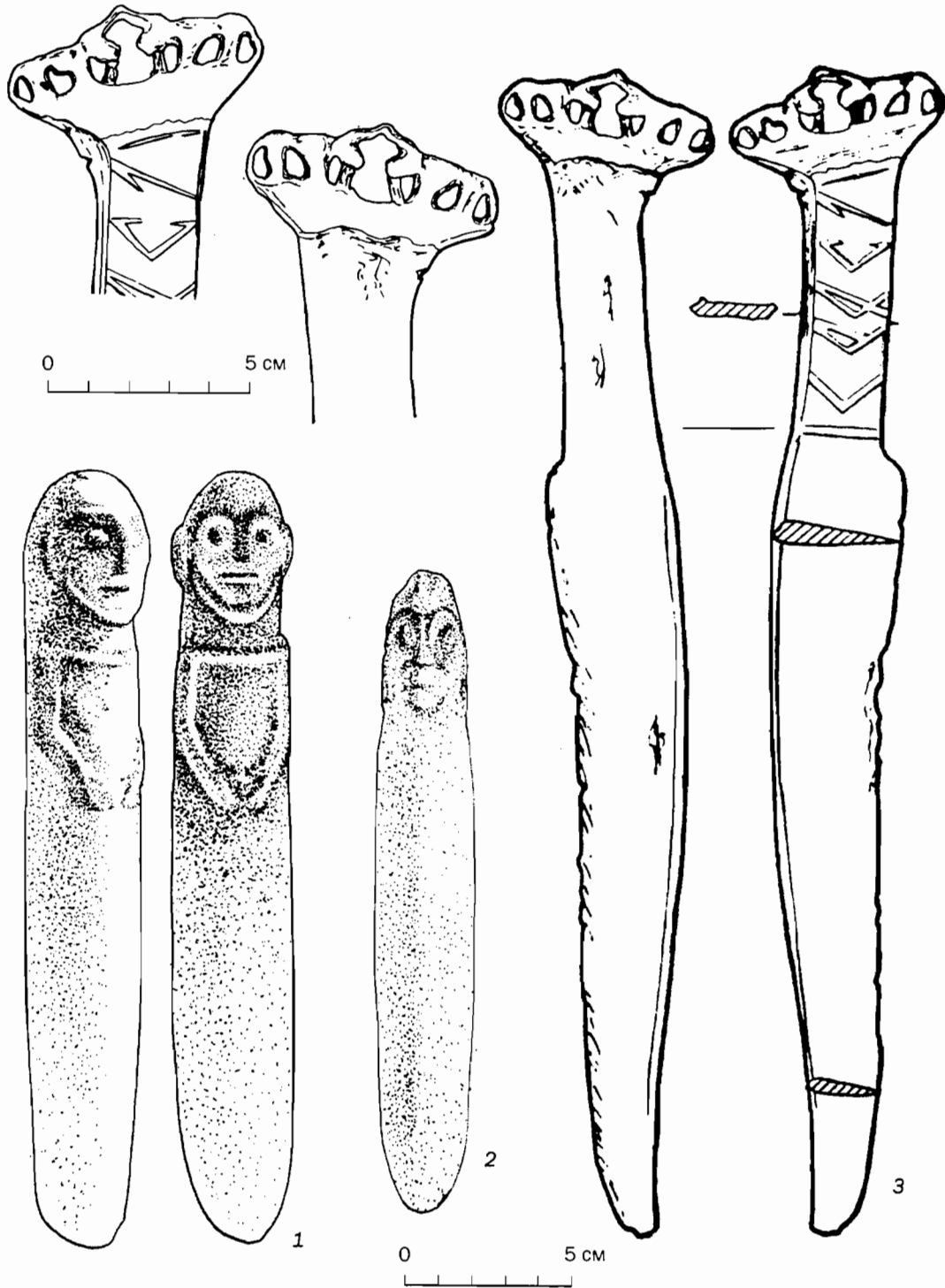
Ил. 16. Инвентарь раскопанных могил в волости Чемурчек (Кэрмуци)
 1-3 - в пределах ограды М16; 4 - находка А. Ковалева в грабительском выкиде из каменного ящика
 2 ограды М17
 1, 2, 4 - керамика; 3 - камень
 1-3 - по: И Маньбай, Ван Минчжэ 1981; Му Шуньин, Ван Минчжэ 1986; Чэнь Гэ 1995; Ван Бо 1996;
 Ван Линьшань, Ван Бо 1996; 4 - по фотографии А. Ковалева

Ил. 17. Инвентарь раскопанных могил в волости Чемурчек (Кэрмуци)
 1 - ограда М8, каменный ящик; 2 - ограда М3, каменный ящик; 3 - ограда М24, каменный ящик; 4 -
 в пределах ограды М16; 5 - ограда М17, каменный ящик 1

1-3 - камень; 4 - керамика

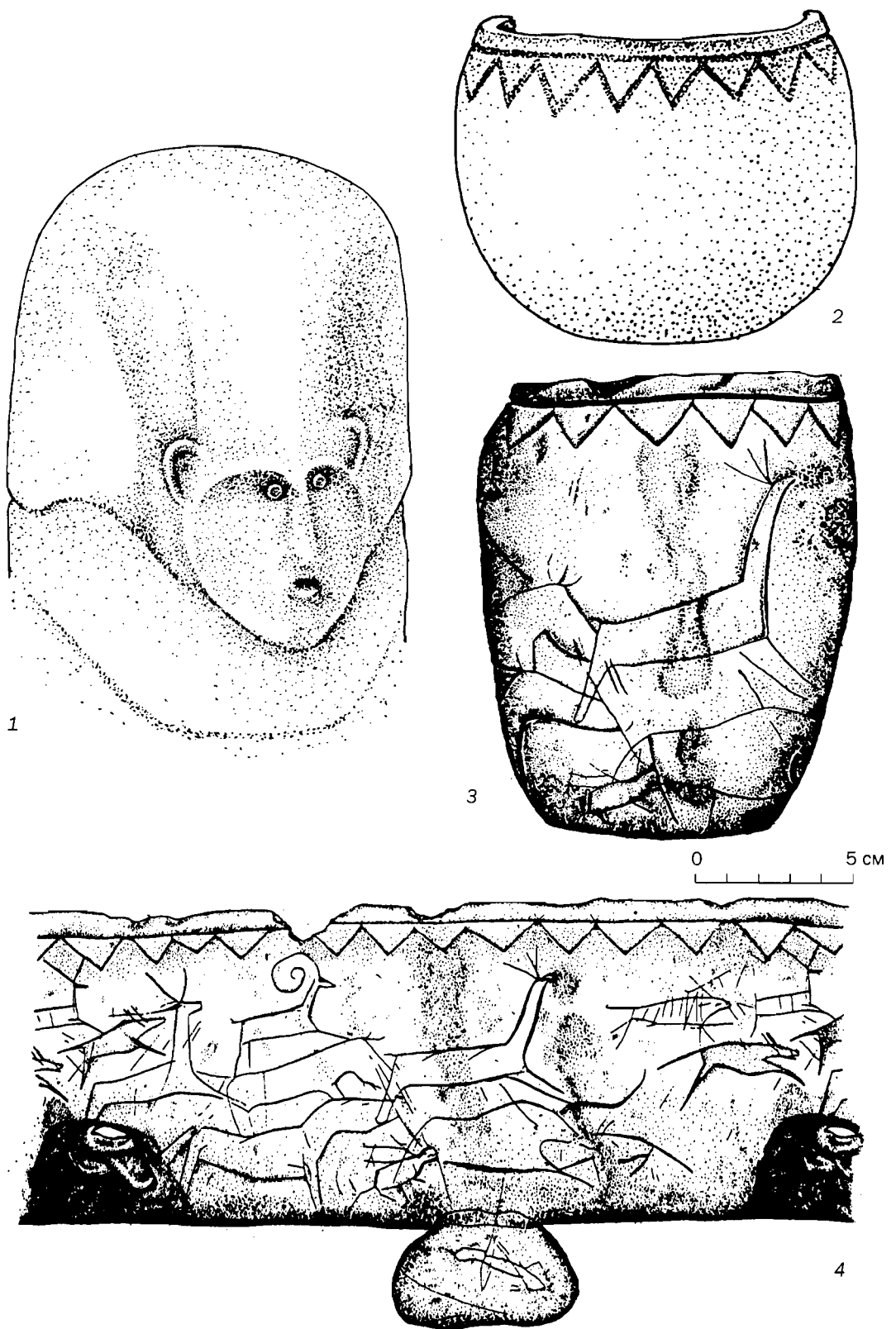
По: И Маньбай, Ван Минчжэ 1981; Му Шуньин, Ван Минчжэ 1986; Чэнь Гэ 1995; Ван Бо 1996; Ван Линь-
 шань, Ван Бо 1996

Ил. 18

1 – каменный жезл из уезда Хутуби (Тяньшань, Синьцзян); 2 – каменный жезл из каменного ящика 21 «могильника Кэрмуци» (волость Чемурчек, уезд Алтай, Синьцзян) (раскопки 1963 г.); 3 – бронзовый нож с реки Джумба (район оз. Зайсан, Казахстан)

1 – по: Ван Бо, Ци Сяошань 1996; 2 – по: И Маньбай, Ван Минчжэ 1981; Му Шуньин, Ван Минчжэ 1986; Чэнь Гэ 1995; Ван Бо 1996; Ван Линьшань, Ван Бо 1996; 3 – по Черных, Кузьминых, 1989
2, 3 – прорисовка Е. Ковалевой

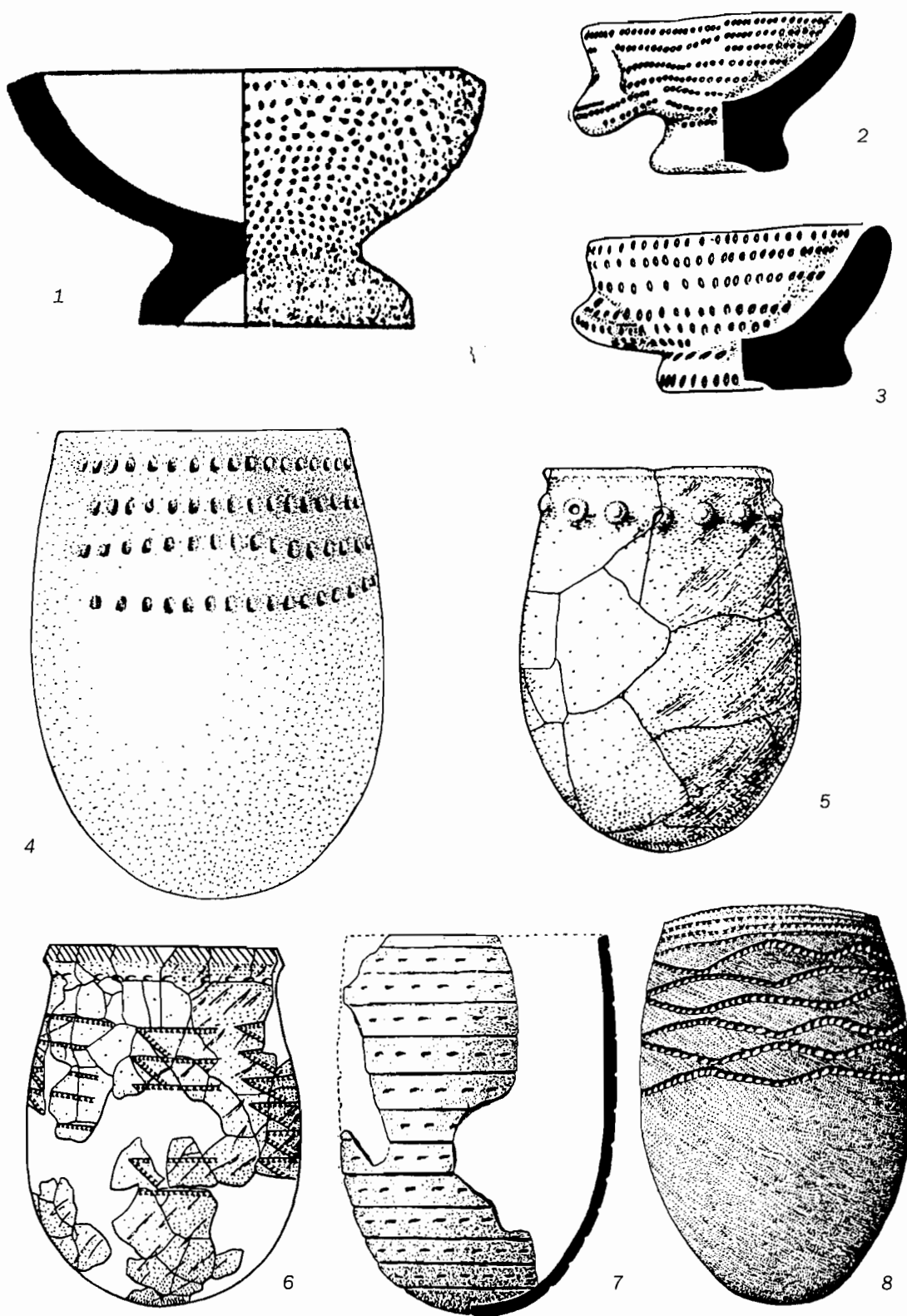

Ил. 19

1 - каменное изваяние у с. Иня (Республика Алтай); 2 - сосуд из Кусицунь (уезд Алтай, Синьцзян);
3, 4 - сосуд с оз. Лаптевского (Угловский район Алтайского края)

1, 3, 4 - камень; 2 - керамика

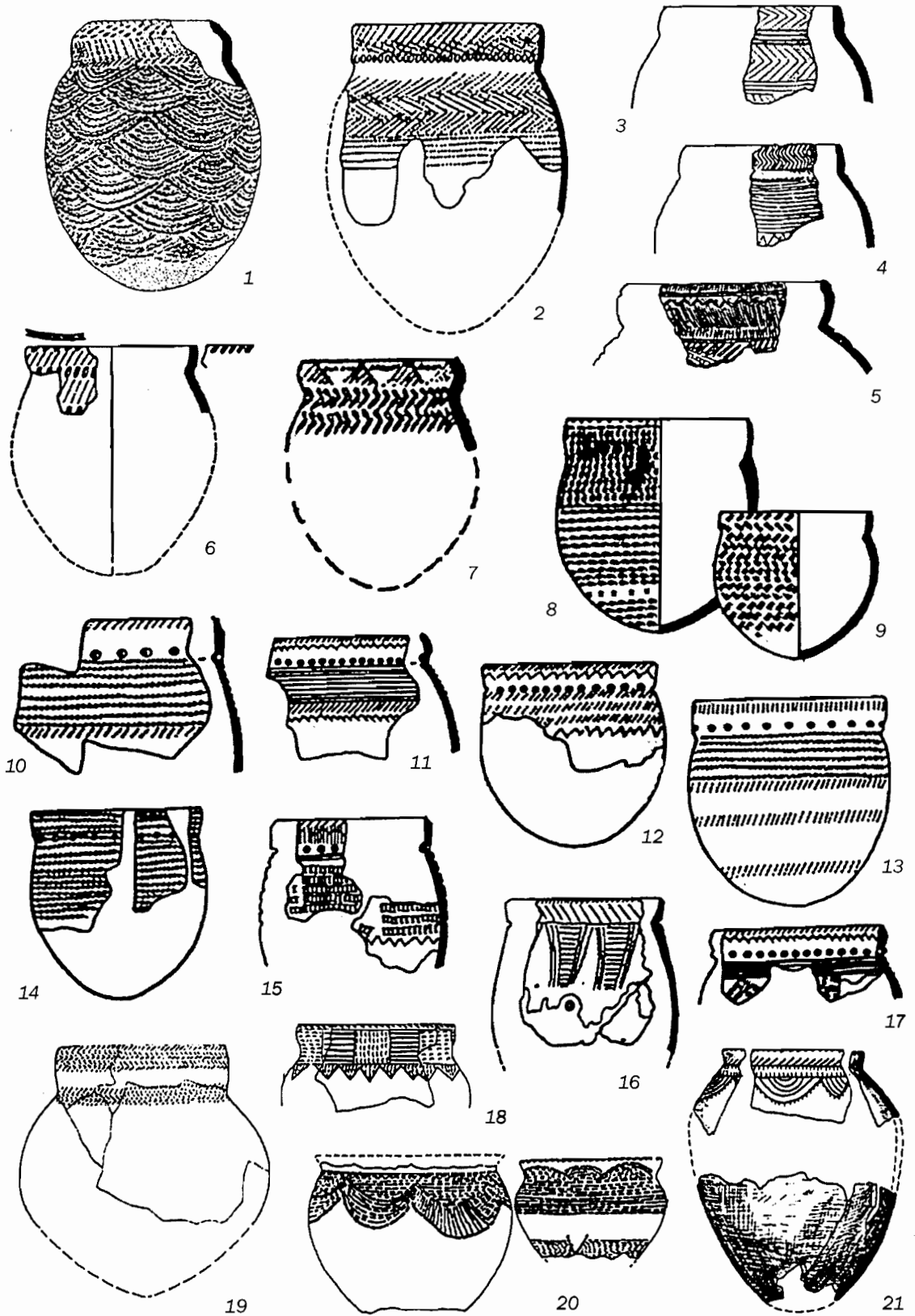
1 - по: Кубарев 1988; 2 - по: Ван Линьшань, Ван Бо 1996; 3, 4 - по: Кирюшин, Симонов 1997
1 - рисунок Е. Ковалевой

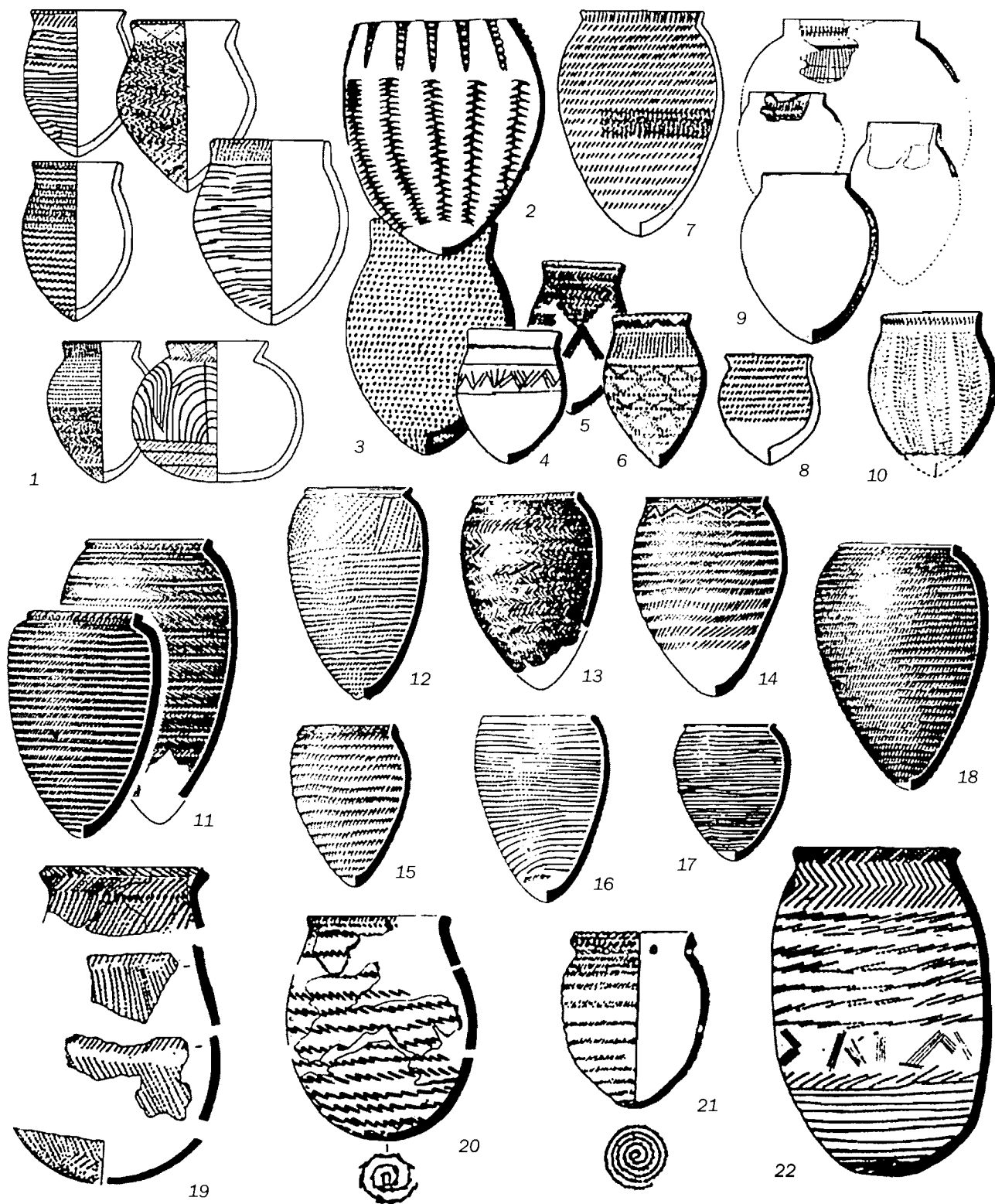
Ил. 20. Керамические сосуды из «могильника Кэрмуци» и аналогии

1 - Кэрмуци М24; 2 - Курота 2, ограда 2 (Горный Алтай); 3 - дер. Муны (Горный Алтай); 4 - Кэрмуци М16; 5, 6 - Горелый Лес, II культурный горизонт; 7 - Шиверский могильник; 8 - Листвяная Губа (все - Прибайкалье)

2, 3 - по: Вадецкая 1986а; 5, 6 - по: Хлобыстин 1987; 7 - по: Окладников 1955; 8 - по: Конопацкий 1982

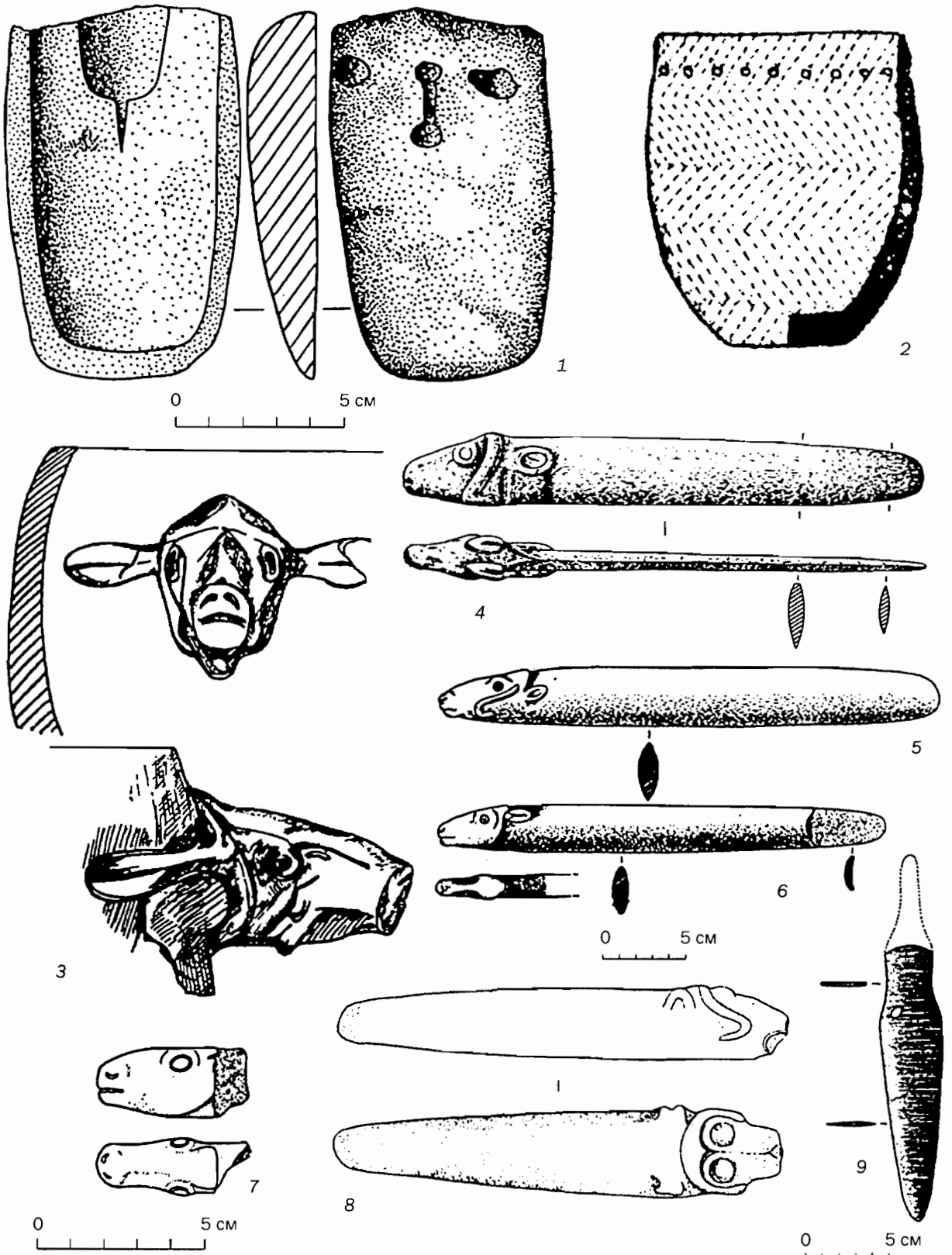

Ил. 21. Сосуд из ограды М16 «могильника Кэрмуци» (1) и аналогии
 2-5 - Михайловское поселение, средний слой; 6 - Алтата (Нижнее Поволжье); 7 - Алексеевское поселение;
 8 - стоянка Копанище (Средний Дон); 9 - Сасовский мог., к. 2, п. 4 (Средний Дон); 10-15, 17 - поселе-
 ние Репин Хутор; 16 - Шонай (Нижнее Поволжье); 18 - Мокрый Чалтырь; 19 - Константиновское поселение;
 20 - погребение у хут. Семенкин; 21 - хут. Тузлуков, к. 9, п. 31
 2-5 - по: Лагодовська и др. 1962; 8-15, 17 - по: Васильев, Синюк 1985; 6, 7, 16 - по: Васильев 1981; 18-20 -
 по: Кияшко 1994; 21 - из отчета Е. И. Беспалого

Ил. 22. Керамика афанасьевской культуры

Алтай: 1 - могильник Первый Междик - I; 2 - поселение Павловка-III; 3 - поселок Первомайский; 4 - мог. Нижний Тюмечин; 5 - мог. Балыкты-Юль; 6 - мог. Куюм; 7, 8 - мог. Бойтыгем; 9 - поселение Балыктыюль; 10 - могильник Ело-I. Хакасия: 11-18 - могильник Красный Яр; Тува: 19 - стоянка Тоора-Даш, 3 слой (неолит); 20 - стоянка Хадынных 1, 3 слой (афанасьевско-окуневское время); 21, 22 - стоянка Тоора-Даш, 5 слой (афанасьевское время)
 1 - по: Кирюшин и др. 1986; 2-6, 9, 10 - по: Абдулганеев и др. 1982; 7, 8 - по: Абдулганеев, Ларин 1994; 11-18 - по: Вадецкая 1981; 19-22 - по: Семенов 1992

Ил. 23

1 – обломок литевой формы из п. 1 в кургане в с. Озерном (Горный Алтай); 2 – сосуд из п. 1 в кургане в с. Озерном (Горный Алтай); 3 – обломок чаши из Хадына (Тува); 4–6, 8 – жезлы (4 – Абакан; 5 – Кобдоский аймак, МНР; 6 – из могилы на реке Тарлашкын, Тува; 8 – река Тейя (Хакасия)); 7 – находка «под Нойонским хребтом», Тува; 9 – нож из могилы на реке Тарлашкын (Тува)

1, 3–8 – камень, 2 – керамика; 9 – бронза

1 – по: Кубарев 1988; 2 – по: Абдулганеев и др. 1982; 3 – по: Семенов, Монгуш 1995; 5, 6, 9 – по: Кызласов 1979; 4, 8 – по: Кызласов 1986; 7 – по: Леонтьев 1975

А. А. Ковалев

ЧЕМУРЧЕКСКИЙ КУЛЬТУРНЫЙ ФЕНОМЕН. ЕГО ПРОИСХОЖДЕНИЕ И РОЛЬ В ФОРМИРОВАНИИ КУЛЬТУР ЭПОХИ РАННЕЙ БРОНЗЫ АЛТАЯ И ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

Полевые исследования памятников ранней бронзы Джунгарии и Монгольского Алтая начались в первой половине 60-х годов XX в. Вслед за разведкой Ли Чжэна 1961 г., в отчете о которой были впервые отображены различные типы погребальных сооружений бассейна Черного Иртыша и связанные с ними каменные статуи (Ли Чжэн 1962; 1983), в 1963 г. И Маньбай в долине реки Чемурчек (Чемерчек, Кэрмуци) (уезд Алтай, СУАР) раскопал десять прямоугольных оград с каменными ящиками (И Маньбай, Ван Минчжэ 1981). В 90-е годы XX в. памятники этого типа в Северной Джунгарии были предметом исследований Ван Бо и Ван Линьшаня (Ван Линьшань, Ван Бо 1996), в результате визуальных наблюдений Ван Бо предпринял попытку классификации и датировки погребальных сооружений, а также различных видов каменных изваяний (Ван Бо, Ци Сяошань 1996). В статье 1996 г. Ван Бо впервые предложил термин «чемурчекская культура» для характеристики памятников бронзового века севера Синьцзяна (Ван Бо 1996). В 1998 г., в ходе ознакомительной поездки в долину Чемурчека, мне удалось обнаружить остатки раскопанных И Маньбаем сооружений и связать раскопанную И Маньбаем ограду М2 с опубликованной впервые Ван Линьшанем и Ван Бо в 1996 г. статуей «Кайнарл 2 № 2» (Kovalev 2000. S. 140–141). Это обстоятельство окончательно подтвердило мой вывод о синхронности большинства каменных изваяний и основных погребений в каменных ящиках чемурчекских могильников, датирующихся по аналогиям в погребальном инвентаре второй половиной 3 – первой третью 2 тысячелетия до н. э. (Kovalev 2000. S. 160). В статье, вышедшей в 2000 г. в Германии (Kovalev 2000. S. 150, 152, 157, 167), мной были определены как чемурчекские изображения быков с двумя ногами и S-видными рогами, а также каменный сосуд из Угловского района Алтайского края (Кирюшин, Симонов 1997) и стела из окрестностей с. Иня (Горный Алтай) (Кубарев 1979. С. 8–10; 1988. С. 88–90), что позволило определить пределы распространения чемурчекского населения. В 1998–2000 гг. Международная Центральноазиатская археологическая экспедиция Санкт-Петербургского государственного университета (МЦАЭ) – Российско-Казахстанский отряд, совместно с Институтом археологии НАН Республики Казахстан при участии Алтайского госуниверситета, в рамках программы «Изучение этнодемографических процессов на Алтае с древности до сегодняшних дней» (научный руководитель Ю. Ф. Кирюшин) произвела раскопки 12 прямоугольных оград эпохи ранней бронзы в бассейне реки Алкабек, Курчумский район Восточно-Казахстанской области, могильники Ахтума, Айна-Булак I, II, Копа, Булгартарботы (здесь и далее по: Ковалев, Самашев, Сунгатайулы в печати). В 2003–2004 гг. Российско-Монгольский отряд МЦАЭ провел раскопки шести курганов той же эпохи близ с. Булган Ховд аймака (могильники Ягшийн ходоо, Хэвийн ам, Буурал Харын ар), а также четырех прямоугольных погребальных оград в Уланхус сомоне Баян-Ульги аймака (могильники Кулала-ула (Хул уул), Кургак-гови (Хуурай говь), Кумди-гови (Хундий говь), Кара-тумсик (Хар хошуу)) (здесь и далее по: Ковалев, Эрдэнэбаатар в печати; Ковалев, Эрдэнэбаатар в печати (а, б); Ковалев, Эрдэнэбаатар, Варенов в печати). Результаты вышеуказанных разведок и раскопок говорят о большом разнообразии в формах погребальных сооружений, видах погребений и погребального инвентаря в рассматриваемую эпоху. В то же время можно говорить об определенном единстве культуры населения Джунгарии и Монгольского Алтая вследствие проявления культурного компонента, принесенного на эти земли мигрантами из Западной Европы (западной и юго-западной Франции) не позднее середины 3 тысячелетия до н. э.

Раскопанные в Чемурчеке погребальные сооружения (И Маньбай, Ван Минчжэ 1981) представляли собой прямоугольные ограды, вытянутые, как правило, в направлении восток–запад. У середины восточной стороны была установлена статуя или стела. В пределах ограды, по ее длинной оси, располагались ящики из крупных плит с коллективными захоронениями. Исследованные нами курганы из долины реки Алкабек имели подквадратную ограду из плит, от восточной стороны которой внутрь сооружения, к могиле – земляной яме с одним-двумя погребенными – вел каменный коридор, выложенный плоскими плитками. Как правило, стенки этого коридора окружали и могильную яму, либо здесь устраивалась каменная выкладка на заплевиках. Во всех без исключения курганах могильная яма была «сдвинута» в восточную сторону, к вышеописанному входу, от центра кургана на 2–5 м. С востока от ограды кургана 2 мог. Копа была установлена каменная стела, подработанная с одной из сторон в древности для придания сходства с человеческой фигурой. Исследованные нами курганы в Баян-Ульги представляли собою прямоугольные ограды с земляными ямами, вытянутые по оси запад–восток. Три из четырех оград сопровождалась каменными стелами, установленными с восточной стороны (стела у кургана Кулала-Ула была подработана для придания антропоморфности). В кургане Кара-Тумсик одна из таких стел стояла в пределах ограды с восточной стороны могилы и была выкрашена красной охрой. Булганские памятники представляют собой ориентированные длинной осью по линии восток–запад огромные ящики из массивных плит для коллективных захоронений (до 10 человек), в большей или меньшей степени утопленные ниже уровня древнего горизонта. Снаружи ящик укреплен прямоугольной в плане каменной наброской, в свою очередь окруженной земляной насыпью, прямоугольный периметр которой выложен рядами светлых валунов. С восточной стороны кургана Ягшийн ходоо 3 была установлена лицом на юг типичная чемурчекская статуя, изображающая мужчину с обнаженной грудью в шлеме (?), держащего в руках «посох» и лук, а с востока от кургана Хэвийн ам 1 был прослежен ритуальный «вход», образованный тонкими вертикальными плитками и вымостками из валунов. Наши наблюдения говорят о том, что ареал распространения подобных погребальных сооружений охватывал и бассейны нижнего течения реки Ховд и реки Буянт (в частности, таков ящик, замеченный еще в 60-е годы XX в. близ 3-й бригады Толбо сомона Баян-Ульги аймака, см.: Волков

2002. С. 49). [После опубликования этой статьи два чемурчешских кургана того же типа были обнаружены А. А. Тишкиным как раз на левом берегу Буянты в 10 км от города Ховд (Кобдо) (Тишкин 2006. С. 107–114) – А. К., 2007.] Такие же сооружения, планиграфически связанные с каменными статуями, известны и в бассейне Черного Иртыша, в частности осмотрены мною в долине Чемуручка (Ван Линьшань, Ван Бо 1996. С. 47. Рис. 100, 101; Kovalev 2000. S. 145).

Все вышеописанные виды погребальных сооружений сохранили основные признаки коридорных гробниц Западной Европы. «Казахстанские» ограды имеют коридор, окружающий погребальную камеру, и асимметричное расположение склепа (наиболее похоже сооружение см. в Ploussat (Бретань)); дериватом того же погребального коридора нужно считать и вытянутые пропорции «баян-ульгийских» и «чемурчешских» оград, а также ритуальный «вход», обнаруженный в Хэвийн ам 1. Конструкция ящиков и периметральных насыпей «булганских» курганов аналогична устройству неолитических памятников бассейна Луары (например, Tumulus des Musseaux, La Josseliere Dolmen, Le Dolmen des Erves). Восточная ориентация «входов» и традиция установки с той же стороны статуй и стел объединяет как все алтайские, так и западноевропейские мегалитические памятники. Иконография известных чемурчешских скульптур, как было показано мною еще в 1998 г., может восходить только лишь к изобразительной традиции европейского неолита–энеолита, причем наиболее близкие каменные статуи обнаружены в Лангедоке (например, Mas de l'Aveugle, Collorgues, см.: Landau 1977. Pl. 1, 4–6). Обнаруженные нами в Казахстане и Монголии орудия из крупных уплощенных галек с одним–двумя желобками аналогичны «молотам с выемками», использовавшимся энеолитическим населением Прованса, как считается, для добычи кремня (Bailloud, Mieg de Boofzheim 1955. P. 176–177). Видимо, этот тип орудий вслед за Алтаем проник и в Цинхай (У Жуцзо 1996. Рис. 4, 4, 8), и в Среднюю Азию (Ширинов 1986. С. 60–62. Рис. 186). Определенные параллели алтайским материалам представляет энеолитическая керамика так называемых пастухов плато («стиль Ферьер» – Лангедок, Прованс; см.: Arnal, Bailloud, Riquet 1960. P. 155–163): с одной стороны, здесь представлены эллипсоидные и параболические формы, подобные формам глиняных сосудов из ограды Чемуручек М16 и из Ягшийн ходоо 1, а также ряда чемурчешских каменных сосудов, с другой стороны – декор «керамики стиля Ферьер» в виде вдавленной полоски под устьем и свисающих от нее треугольных фестонов характерен для чемурчешских сосудов, обнаруженных в округе города Алтай (Ван Линьшань, Ван Бо 1996. Рис. 17) (керамика), в Угловском районе Алтайского края (Киришин, Симонов 1997), нашей экспедицией в курганах Хэвийн ам 1 и Буурал Харын ар (все – камень).

Чемуручешские памятники обнаруживают и признаки восточноевропейского происхождения. В кургане 2 могильника Коба была обнаружена могильная яма, выполненная в форме четырехколесной повозки – с «пазами» для колес, ступиц и выступом на месте кузова. Такую же форму имела и хуже сохранившаяся могильная яма соседнего кургана 1. Аналогии этой конструкции имеются только в Восточной Европе: Малаи I, к. 9, погр. 25 (новотитаровская культура, Краснодарский край; см.: Гей 2000. С. 56–59), «ямное» захоронение 25 кургана 1 у с. Раздольное (Крым; см.: Колтухов, Кислый, Тоцев 1994. С. 34–37). В кургане Кулала-ула погребенный лежал на подстилке-коробе из луба (?) с бортиками около 10 см высотой, дно которой было укреплено двумя полосами луба крест-накрест. В раскопанном в трех километрах ниже по течению и, видимо, одновременном афанасьевском кургане Кургак-гови 1 погребенные были уложены в деревянную раму, перекрытую двумя балками поперек и двумя балками между ними крест-накрест. Инвентарь погребения был уложен на это перекрытие. Эти конструкции, по всей видимости, являются кузовами повозок, либо их имитацией, наподобие восточноевропейских (например, Останний, 1/160; см.: Гей 2000. С. 175–191 – благодарю А. Д. Резепкина за то, что он обратил мое внимание на эту аналогию). Как уже отмечалось мною в статье 2000 г. (Kovalev 2000. S. 165–167), один из сосудов из ограды Чемуручек М16, имеющий эллипсоидное тулово, «выпуклый» венчик, украшенный декоративными отпечатками шнура, имеет параллели в керамике репинской культуры и пострепинских памятников Подонья и Поволжья. Кроме аналогий, приведенных в указанной статье, можно упомянуть еще и сосуды из погребений «ямого» времени Северного Кавказа и Украины – Новокорсунская-85, 2/17, 1/5 (Гей 2000. С. 145–146), Кривая Лука, XXXV, 1/19 (Кияшко 2002. Табл. II), Високе (Высокое) 1/4 (Кульбака, Качур 2000. Рис. 14, 3–5). Параболические и эллипсоидные формы также присутствуют в керамике ямого и раннекатакомбного времени Поволжья и Подонья (Кияшко 2002. Рис. 77, 78). Восточноевропейское происхождение могут иметь и формы металлических украшений, обнаруженных в чемурчешских комплексах – трубочки из бронзового листа (Коба 2), бронзовая подпрямоугольная обойма от составного браслета (Булгарты 2), бронзовое и свинцовое височные кольца с заходящими друг за друга концами (Ягшийн ходоо 1), свинцовое височное кольцо с несомкнутыми концами (Ягшийн ходоо 3). Росписи красной охрой, сохранившиеся на стенках каменных ящиков Ягшийн ходоо 1 и 3, находят аналогии в рисунках на стенах гробниц кеми-обинской культуры, Нальчикской гробницы, из Поднепровья и т. п. (Чеченов 1973. С. 12–16, 23–28; Формозов 1969. С. 150–172). Тщательный визуальный осмотр выявил на одной из плит из Ягшийн ходоо 3 рисунок, который можно интерпретировать как аналогичную приведенным композицию копья, овального щита с выступами и лука. Если это действительно так, то напрашивается аналогия с новосвободненским курганом 28 мог. Клады и гробницы из Ляйне-Хелих (см.: Резепкин 1987. С. 29).

Чемуручешская традиция изготовления каменных сосудов, несомненно, берет свое начало в культурном контексте Египта и Передней Азии через возможное посредство среднеазиатских или кавказских культур, где такие сосуды были распространены. На связи с Кавказом указывает и форма гипотетической повозки, которая должна была находиться в кургане Коба 2. Судя по обмерам «фигурной» ямы, колеса этой повозки должны были иметь диаметр около полутора метров, они выступали почти на половину своей высоты от уровня дна повозки. Этим повозка сильно отличается от ямого стандарта с колесами диаметром около 1 м, располагавшимися ниже уровня дна повозки (Пустовалов 2000. С. 309–317; Гей 2000. С. 175–191), и соответствует находкам из Закавказья. Исходя из находок чемурчешского каменного сосуда со свинцовой заплаткой в Алтайском крае (Киришин 2002. С. 58–59) свинцовых украшений в могильнике Ягшийн ходоо, вероятно именно чемурчешское происхождение аналогичных свинцовых височных колец из елунинских памятников Алтая. Как уже указывалось, традиция использования свинца для изготовления украшений могла иметь кавказские истоки (Киришин, Тишкин 2000), однако необходимо обратить

внимание на широкое использование свинца в бронзовом веке в Южном Туркменистане (Сайко, Терехова 1981. С. 110), а также на древние разработки свинцовых руд в горах Куруктаг (Синьцзян) (Литвинский, Лубо-Лесниченко 1995. С. 11).

Находки в исследованных нами комплексах двух целых баночных сосудов, аналогичных елунинской (см.: Кирюшин 2002. С. 48–51) керамике (Булгартаботы 1, Ягшийн ходоо 3) и фрагментов таких сосудов в курганах Айна-Булак I, 1, 3, а также результаты раскопок кургана Шидерты 10 в Павлодарском Прииртышье, где был исследован, судя по описанию, такой же курган со смещенной к востоку могильной ямой, как и те, что раскопаны нами в Восточном Казахстане, содержащий елунинскую керамику (Мерц 2003. С. 134–139. Рис. 1), говорят о тесных связях носителей «европейского» чемурчекского компонента с аборигенным населением более северных областей. Возможно, теми европеоидами, которые приняли участие в формировании елунинской культуры (Кирюшин, Грушин, Тишкин 2003. С. 117; Куликов, Кирюшин, Серегин, Тишкин, Полтараус 2005), были именно чемурчекские мигранты. Каменный бисер из кургана Булгартаботы 2 и фрагменты баночного сосуда из кургана Кара-Тумсик, дно и стенки которого были орнаментированы отпечатками гребенчатого штампа, имеют аналогии в «окуневском» материале. Типично окуневскими можно назвать и два белых «шарика» с центральным отверстием, обнаруженные в чемурчекских комплексах Баян-Ульги (в Кулала ула – меловой, в Кумди гови – мраморный), датируемых не позднее третьей четверти 3 тысячелетия до н. э. Исходя из того что к появлению окуневской керамики привело, скорее всего, именно развитие елунинской керамической традиции, в этих находках нужно видеть свидетельство древнейших контактов елунинцев, чемурчекцев и предков окуневского населения на стадии сложения окуневской культуры.

Взаиморасположение курганов Кургак-говь 1 и 2, первый из которых относится к афанасьевской культуре, а второй – к чемурчекской традиции, говорит об их возможной связи и одновременности на позднем этапе афанасьева, тем более что в инвентарь афанасьевского кургана входил костяной четырехгранный наконечник стрелы, подобный обнаруженным в соседних чемурчекских комплексах (см.: Ковалев, Варенов, Эрдэнэбаатар в печати). Совпадают также и полученные в лаборатории ИИМК радиоуглеродные датировки афанасьевского кургана и раннего этапа существования соседнего чемурчекского.

Именно через посредничество чемурчекского населения в лесостепную зону могли передаваться западные и ближневосточные приемы ведения хозяйства, технологии, традиции изготовления украшений (в частности, можно привести в пример наборные браслеты, височные кольца и пронизки более поздней кротовской культуры: Молодин 1985. С. 64–68).

Как мною было указано в статье 2000 г., к чемурчекской традиции относятся изображения быков с вытянутой мордой, S-видными направленными вперед рогами, кисточкой на хвосте и непременно изображением двух (а не четырех) ног, распространенные на севере Синьцзяна и Восточном Казахстане (Kovalev. 2000. S. 152–157). Следует отметить, что подобные изображения, маркирующие территорию распространения чемурчекского населения, теперь известны и в Баян-Ульги (Цэвээндорж, Кубарев, Якобсон, Очирхуяг 2003. Рис. 4), а ранее были обнаружены и в Горном Алтае (Окладников, Окладникова, Запорожская, Скорынина 1979. Табл. 8, 5, 27, 5). Находки костей крупного рогатого скота в исследованных нами погребениях, а также изображения быков, везущих повозку, на статуе Кайнарл 1, № 3 и на наскальном рисунке из Утубулака, Алтай, Синьцзян-Уйгурский автономный район (Kovalev 2000. S. 152), могут указывать на ведущую роль разведения крупного рогатого скота в чемурчекском хозяйстве. Казалось бы, об этом говорит и привязанность чемурчекских памятников к относительно низменным долинам рек, и сегодня позволяющим проводить эффективную заготовку кормов на зиму. Приведенные данные вкпе с информацией о приемах изобразительного искусства чемурчекского населения позволяют поставить на повестку дня вопросы о роли чемурчекского феномена в формировании «окуневского» культа быка, а также вообще о сложении окуневской и каракольской изобразительных традиций.

Нуждается в изучении и роль чемурчекского населения в сложении сейминско-турбинской традиции. В пределах ограды Чемурчек М17 был обнаружен комплекс литейных принадлежностей, включающий, в частности, литейную форму для кельта-лопатки с характерными сейминско-турбинскими признаками (Варенов 1998. С. 63; Kovalev 2000. S. 170). Чемурчекские быки изображены на сейминско-турбинском ноже с реки Джумба из Курчумского района Казахстана (Kovalev 2000. S. 157).

[Опубликовано в сб.: *Западная и Южная Сибирь в древности. Барнаул, 2005. С. 178–184*]

ЛИТЕРАТУРА

- Абдулганеев 1982 – Абдулганеев М. Т., Кирюшин Ю. Ф., Кадиков Б. Х. Материалы эпохи бронзы из Горного Алтая // Археология и этнография Алтая. Барнаул, 1982. С. 52–77.
- Абдулганеев, Ларин 1994 – Абдулганеев М. Т., Ларин О. В. Могильник Бойтыгем 2 // Altaica. Вып. 4. Новосибирск, 1994. С. 30–40.
- Арсланова, Чариков, 1974 – Арсланова Ф. Х., Чариков А. А. Каменные изваяния Верхнего Прииртышья // СА. 1974. № 3. С. 220–235.
- Вадецкая 1981 – Вадецкая Э. Б. Афанасьевский могильник Красный Яр // Проблемы западносибирской археологии. Эпоха камня и бронзы. Новосибирск, 1981. С. 33–62.
- Вадецкая 1986 – Вадецкая Э. Б. Археологические памятники в степях Среднего Енисея. Л., 1986.
- Вадецкая 1986а – Вадецкая Э. Б. Сибирские курьельницы // КСИА. 1986. Вып. 185. С. 50–59.
- Варенов 1997 – Варенов А. В. О скифо-сакском компоненте в могильнике Кээрмуци // Гуманитарные исследования: итоги последних лет: Сб. тез. докл. конф., посв. 35-летию гуманитарного факультета НГУ. Новосибирск, 1997. С. 40–44.

- Варенов 1998 – Варенов А. В. Южносибирские культуры эпохи ранней и поздней бронзы в Восточном Туркестане // Гуманитарные науки в Сибири. 1998. № 3. С. 60–72. (Археология и этнография).
- Васильев 1981 – Васильев И. Б. Энеолит Поволжья. Степь и лесостепь. Куйбышев, 1981.
- Васильев, Синюк 1985 – Васильев И. Б., Синюк А. Т. Энеолит Восточно-Европейской лесостепи. Куйбышев, 1985.
- Владимиров, Цыб 1982 – Владимиров В. Н., Цыб С. В. Афанасьевское культовое место у с. Кара-Коба // Археология Северной Азии. Новосибирск, 1982. С. 55–62.
- Войтов 1987 – Войтов В. Е. Каменные изваяния из Унгету // Центральная Азия. Новые памятники письменности и искусства. М., 1987. С. 92–109.
- Волков 2002 – Волков В. В. Оленные камни Монголии. М., 2002.
- Галанина 1983 – Галанина Л. К. Раннескифские уздечные наборы (по материалам Келермесских курганов) // АСГЭ. 1983. Вып. 24. С. 32–55.
- Гей 2000 – Гей А. Н. Новотиторовская культура. М., 2000.
- Грач 1961 – Грач А. Д. Древнетюркские изваяния Тувы. М., 1961.
- Гришин 1981 – Гришин Ю. С. Памятники неолита, бронзового и раннего железного веков лесостепного Забайкалья. М., 1981.
- Грязнов 1980 – Грязнов М. П. Аржан – царский курган раннескифского времени. Л., 1980.
- Даниленко 1974 – Даниленко В. Н. Энеолит Украины. Этноисторическое исследование. Киев, 1974.
- Державин 1991 – Державин В. Л. Степное Ставрополье в эпоху ранней и средней бронзы. М., 1991.
- Дэвлет 1990 – Дэвлет М. А. Новые материалы о древнем культе быка в Центральной Азии // КСИА. [Вып.] 199. М., 1990. С. 55–60.
- Дэвлет 1997 – Дэвлет М. А. Окуневские антропоморфные личины в ряду наскальных изображений Северной и Центральной Азии // Окуневский сборник. СПб., 1997. С. 240–250.
- Дэвлет 1998 – Дэвлет М. А. Петроглифы на дне Саянского моря (гора Алды-Мозага). М., 1998.
- Евтюхова 1952 – Евтюхова Л. А. Каменные изваяния Южной Сибири и Монголии // Материалы и исследования по истории Сибири. Т. I. М., 1952. С. 72–120 (МИА СССР. № 24).
- Заднепровский 1993 – Заднепровский Ю. А. Культурные связи населения эпохи бронзы и раннего железа Южной Сибири и Синьцзяна // Проблемы культурогенеза и культурное наследие. Ч. II: Археология и изучение культурных процессов и явлений. СПб., 1993.
- Зайберт, Мартынюк 1984 – Зайберт В. Ф., Мартынюк О. И. Керамические комплексы энеолитического поселения Ботай // КСИА. [Вып.] 177. М., 1984. С. 81–90.
- Кирюшин 2002 – Кирюшин Ю. Ф. Энеолит и ранняя бронза Западной Сибири. Барнаул, 2002.
- Кирюшин и др. 1986 – Кирюшин Ю. Ф., Абдулганеев М. Т., Цыб С. В. Раскопки могильника Первый Межелик – I // Памятники древних культур Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск, 1986. С. 58–65.
- Кирюшин, Симонов 1997 – Кирюшин Ю. Ф., Симонов Е. В. Каменный сосуд из Угловского района // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края: Материалы науч.-практ. конф. Вып. VIII. Барнаул, 1997. С. 167–171.
- Кирюшин, Тишкин 1997 – Кирюшин Ю. Ф., Тишкин А. А. Скифская эпоха Горного Алтая. Ч. I: Культура населения в раннескифское время. Барнаул, 1997.
- Кирюшин, Тишкин 2000 – Кирюшин Ю. Ф., Тишкин А. А. Находки свинца при исследованиях памятников эпохи ранней бронзы и свидетельства их производства в предгорно-равнинной части Алтайского края // 300 лет горно-геологической службе России: история горнорудного дела, геологическое строение и полезные ископаемые Алтая. Барнаул, 2000. С. 8–12.
- Киселев 1951 – Киселев С. В. Древняя история Южной Сибири. М., 1951.
- Кияшко 1994 – Кияшко В. Я. Между камнем и бронзой (Нижнее Подонье в V–III тысячелетиях до н. э.). Азов, 1994. (Донские древности. Вып. 3).
- Кияшко 2002 – Кияшко А. В. Культурогенез на востоке катакомбного мира. Волгоград, 2002.
- Ковалев 1987 – Ковалев А. А. О захоронениях лошадей в Келермесских курганах (К вопросу об одной гипотезе М. П. Грязнова) // Первые исторические чтения памяти М. П. Грязнова: Тез. докл. Омск, 1987. С. 176–177.
- Ковалев 1996 – Ковалев А. А. Происхождение скифов согласно данным археологии // Между Азией и Европой. Кавказ в IV–I тыс. до н. э.: Материалы конф., посв. 100-летию со дня рождения А. А. Иессена. СПб., 1996. С. 121–127.
- Ковалев 1998 – Ковалев А. А. Каменные изваяния Черного Иртыша (еще раз о джунгарской прародине скифов) // Скифы. Хазары. Славяне. Древняя Русь: Международная науч. конф., посв. 100-летию со дня рожд. проф. М. И. Артамонова. СПб., 9–12 декабря 1998 г.: Тез. докл. СПб., 1998. С. 24–29.
- Ковалев 1998а – Ковалев А. А. Древнейшие датированные памятники скифо-сибирского звериного стиля (тип Наньшань-гэнь) // Древние культуры Центральной Азии и Санкт-Петербург: Материалы всерос. науч. конф., посв. 70-летию со дня рожд. А. Д. Грача. Декабрь 1998 г. СПб., 1998. С. 122–131.
- Ковалев, Варенов, Эрдэнэбаатар в печати – Ковалев А. А., Варенов А. В., Эрдэнэбаатар Д. Раскопки кургана афанасьевской культуры Кургак-гови 1 // Материалы Международной Центральноазиатской археологической экспедиции. Т. 1: Чемурачский культурный феномен (в печати).
- Ковалев, Самашев, Сунгатайулы в печати – Ковалев А. А., Самашев З. С., Сунгатайулы С. Исследование чемурачских курганов в долине реки Алкабек // Материалы Международной Центральноазиатской археологической экспедиции. Т. 1: Чемурачский культурный феномен (в печати).
- Ковалев, Эрдэнэбаатар в печати – Ковалев А. А., Эрдэнэбаатар Д. Раскопки чемурачских курганов в Булган сомоне Ховд ай-мака в 2004 году // Материалы Международной Центральноазиатской археологической экспедиции. Т. 1: Чемурачский культурный феномен (в печати).

- Ковалев, Эрдэнэбаатар в печати – Ковалев А. А., Эрдэнэбаатар Д. Раскопки чемурчекских курганов в Уланхус сомоне Баян-Ульги аймака в 2004 году // *Материалы Международной Центральноазиатской археологической экспедиции*. Т. 1: Чемурчекский культурный феномен (в печати).
- Ковалев, Эрдэнэбаатар в печати – Ковалев А. А., Эрдэнэбаатар Д. Раскопки кургана 3 могильника Ягшийн ходоо в Булган сомоне Ховд аймака в 2003 году // *Материалы Международной Центральноазиатской археологической экспедиции*. Т. 1: Чемурчекский культурный феномен (в печати).
- Ковалев, Эрдэнэбаатар, Варенов в печати – Ковалев А. А., Эрдэнэбаатар Д., Варенов А. В. Раскопки курганов 1 и 2 могильника Ягшийн ходоо в Булган сомоне Ховд аймака в 2003 году // *Материалы Международной Центральноазиатской археологической экспедиции*. Т. 1: Чемурчекский культурный феномен (в печати).
- Колтухов, Кислый, Тошев 1994 – Колтухов С. Г., Кислый А. Е., Тошев Г. Н. Курганные древности Крыма. Запорожье, 1994.
- Конопацкий 1982 – Конопацкий А. К. Древние культуры Байкала (о. Ольхон). Новосибирск, 1982.
- Крылова 1976 – Крылова Л. П. Керносовский идол (стела) // *Энеолит и бронзовый век Украины. Исследования и материалы*. Киев, 1976. С. 36–45.
- Кубарев 1979 – Кубарев В. Д. Древние изваяния Алтая. Оленные камни. Новосибирск, 1979.
- Кубарев 1984 – Кубарев В. Д. Древнетюркские изваяния Алтая. Новосибирск, 1984.
- Кубарев 1986 – Кубарев В. Д. Чашечные камни Алтая // *Материалы по археологии Алтая*. Горно-Алтайск, 1986. С. 68–80.
- Кубарев 1988 – Кубарев В. Д. Древние росписи Каракола. Новосибирск, 1988.
- Кубарев 1998 – Кубарев В. Д. Древние росписи Бешозека // *Гуманитарные науки в Сибири*. 1998. № 3. С. 51–56. (Археология и этнография).
- Кубарев и др. 1990 – Кубарев В. Д., Киреев С. М., Черемисин Д. В. Курганы урочища Бике // *Археологические исследования на Катунь*. Новосибирск, 1990. С. 43–95.
- Кубарев, Цэвээндорж 1995 – Кубарев В. Д., Цэвээндорж Д. Новые каменные изваяния Монгольского Алтая // *Известия лаборатории археологии*. Горно-Алтайск, 1995. № 1. С. 149–163.
- Куликов и др. 2005 – Куликов Е. Е., Кирюшин Ю. Ф., Серегин Ю. А., Тишкин А. А., Полтараус А. Б. Результаты палеогенетических исследований (по материалам погребений младенцев на памятнике Березовая Лука) // *Кирюшин Ю. Ф., Малолетко А. М., Тишкин А. А. Березовая Лука – поселение эпохи бронзы в Алейской степи*. Т. 1. Барнаул, 2005.
- Кульбака, Качур 2000 – Кульбака В., Качур В. Индоевропейські племена України епохи палеометалу. Маріуполь, 2000.
- Кызласов 1979 – Кызласов Л. Р. Древняя Тува (от палеолита до IX века). М., 1979.
- Кызласов 1986 – Кызласов Л. Р. Древнейшая Хакасия. М., 1986.
- Лагодовська и др. 1962 – Лагодовська О. Ф., Шапошникова О. Г., Макаревич М. Л. Михайлівське поселення. Київ, 1962.
- Леонтьев 1975 – Леонтьев Н. В. Каменные фигурные жезлы Сибири // *Первобытная археология Сибири*. Л., 1975. С. 63–67.
- Леонтьев 1980 – Леонтьев Н. В. Гравированные изображения животных в могильнике Черновая VIII // *Вадецкая Э. Б., Леонтьев Н. В., Максименков Г. А. Памятники окуневской культуры*. Л., 1980. С. 27–34.
- Леонтьев 1997 – Леонтьев Н. В. Стела с реки Аскиз (образ мужского божества в окуневском изобразительном искусстве) // *Окуневский сборник*. СПб., 1997. С. 222–236.
- Литвинский 1995 – Литвинский Б. А. Могильники Или-Казахского автономного округа. Каменные изваяния // *Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье. Хозяйство, материальная культура*. М., 1995. Гл. 4: Погребальные памятники. С. 297–302.
- Литвинский, Лубо-Лесниченко 1995 – Литвинский Б. А., Лубо-Лесниченко Е. И. Горное дело. Ремесло // *Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье. Хозяйство. Материальная культура*. М., 1995. С. 7–105.
- Максимова и др. 1985 – Максимова А. Г., Ермолаева А. С., Марьяшев А. Н. Наскальные изображения урочища Тамгалы. Алмата, 1985.
- Мандельштам 1973 – Мандельштам А. М. Раскопки могильника Аймырлыг // *АО 1972 года*. М., 1973. С. 228.
- Мартынюк 1985 – Мартынюк О. И. Керамика поселения Ботай // *Энеолит и бронзовый век Урало-Иртышского междуречья*. Челябинск, 1985. С. 59–72.
- Мерц 2003 – Мерц В. К. О новых памятниках эпохи ранней бронзы Казахстана // *Исторический опыт хозяйственного и культурного освоения Западной Сибири: Сб. науч. трудов*. Кн. I. Барнаул, 2003. С. 132–141.
- Мирзабаев 1990 – Мирзабаев А. С. Наскальные изображения Актерека (Семиречье) // *Проблемы изучения наскальных изображений в СССР*. М., 1990. С. 137–140.
- Могильников 1981 – Могильников В. А. Тюрки // *Археология СССР. Степи Евразии в эпоху средневековья*. М., 1981. С. 29–43.
- Молодин 1985 – Молодин В. И. Бараба в эпоху бронзы. Новосибирск, 1985.
- Молодин, Алкин 1997 – Молодин В. И., Алкин С. В. Могильник Гумугоу (Синьцзян) в контексте афанасьевской проблемы // *Гуманитарные исследования: итоги последних лет: Сб. тез. науч. конф., посв. 35-летию гуманитарного факультета НГУ*. Новосибирск, 1997. С. 35–39.
- Моргунова, Кравцов 1994 – Моргунова Н. Л., Кравцов А. Ю. Памятники древнейшей культуры на Илеке. Екатеринбург, 1994.
- Новицкий 1986 – Новицкий Е. Ю. Каменные изваяния эпохи энеолита и бронзы в Северо-Западном Причерноморье. Дисс. канд. ист. наук. Л., 1986.
- Новицкий 1990 – Новицкий Е. Ю. Монументальная скульптура древнейших земледельцев и скотоводов Северо-Западного Причерноморья. Одесса, 1990 (*Вестник Одесского археологического центра*. Вып. II).
- Новоженков 1990 – Новоженков В. А. О взаимосвязях населения Казахского мелкосопочника в древности (по материалам памятников наскального искусства) // *Проблемы изучения наскальных изображений в СССР*. М., 1990. С. 130–136.

- Новожинов 1994 – Новожинов В. А. Наскальные изображения повозок средней и Центральной Азии (к проблеме миграции населения степной Евразии в эпоху энеолита и бронзы). Алматы, 1994.
- Окладников 1955 – Окладников А. П. Неолит и бронзовый век Прибайкалья. М., 1955. (= МИА. [Вып.] 43).
- Окладников, Окладникова, Запорожская, Скорынина 1979 – Окладников А. П., Окладникова Е. А., Запорожская В. Д., Скорынина Э. А. Петроглифы долины реки Елангаш (юг Горного Алтая). М., 1979.
- Ольховский, Евдокимов 1994 – Ольховский В. С., Евдокимов Г. Л. Скифские изваяния VII–III вв. до н. э. М., 1994.
- Погожева, Кадиков 1979 – Погожева А. П., Кадиков Б. Х. Могильник эпохи бронзы у поселка Озерное на Алтае // Новое в археологии Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск, 1979. С. 80–84.
- Пустовалов 2000 – Пустовалов С. Ж. Курган «Тягунова могила» и проблемы колесного транспорта ямно-катакомбной эпохи в Восточной Европе // *Stratum plus*. 2000. № 2. С. 296–321.
- Пшеницына, Пяткин 1993 – Пшеницына М. Н., Пяткин Б. Н. Памятники окуневского искусства из кургана Разлив X // КСИА. М., 1993. [Вып.] 209. С. 58–67.
- Пяткин, Миклашевич 1990 – Пяткин Б. Н., Миклашевич Е. А. Сейминско-турбинская изобразительная традиция: пластика и петроглифы // Проблемы изучения наскальных изображений в СССР. М., 1990. С. 146–153.
- Резепкин 1987 – Резепкин А. Д. К интерпретации росписи из гробницы Майкопской культуры близ станицы Новосвободная // КСИА. М., 1987. [Вып.] 192. С. 26–33.
- Савинов 1975 – Савинов Д. Г. Осинкинский могильник эпохи бронзы на Северном Алтае // Первобытная археология Сибири. Л., 1975. С. 94–100.
- Савинов 1994 – Савинов Д. Г. Оленные камни в культуре кочевников Евразии. СПб., 1994.
- Савинов, 1994а – Савинов Д. Г. Могильник Бертек-33 // Древние культуры Бертековской долины. Новосибирск, 1994. С. 39–48.
- Савинов 1997 – Савинов Д. Г. К вопросу о формировании окуневской изобразительной традиции // Окуневский сборник. СПб., 1997. С. 202–213.
- Сайко, Терехова 1981 – Сайко Э. В., Терехова Н. Н. Становление керамического и металлообрабатывающего производства // Становление производства в эпоху энеолита и бронзы. По материалам Южного Туркменистана. М., 1981. С. 72–122.
- Самашев 1987 – Самашев З. С. Наскальные изображения // Археологические памятники в зоне затопления Шульбинской ГЭС. Алма-Ата, 1987. С. 247–273.
- Семенов 1982 – Семенов Вл. А. Памятники афанасьевской культуры в Саянах // СА. № 4. 1982. С. 219–222.
- Семенов 1983 – Семенов Вл. А. Многослойная стоянка Тоора-Даш на Енисее (к проблеме периодизации культур эпохи неолита и бронзы Тувы) // Древние культуры евразийских степей. По материалам археологических работ на новостройках. Л., 1983. С. 20–24.
- Семенов 1989 – Семенов Вл. А. Памятники эпохи бронзы в Туве // КСИА. М., 1989. [Вып.] 196. С. 52–58.
- Семенов 1992 – Семенов Вл. А. Неолит и бронзовый век Тувы. СПб., 1992.
- Семенов 1993 – Семенов Вл. А. Древнейшая миграция индоевропейцев на Восток (К столетию открытия тохарских рукописей) // ПАВ. СПб., 1993. Вып. 8. С. 25–30.
- Семенов, Монгуш 1995 – Семенов Вл. А., Монгуш В. Т. Новый памятник окуневского искусства из Тувы // Проблемы изучения окуневской культуры: Тез. докл. конф. СПб., 1995. С. 45–47.
- Суразаков 1987 – Суразаков А. С. Афанасьевские памятники Горного Алтая // Проблемы истории Горного Алтая. Горно-Алтайск, 1987. С. 3–22.
- Телегин 1971 – Телегин Д. Я. Енеолітичні стели і пам'ятки нижньомихайлівського типу // Археологія. 1971. № 4. С. 3–17.
- Телегин 1991 – Телегин Д. Я. Вартові тисячоліть. Київ, 1991.
- Телегин 1991 – Телегин Д. Я. Неолитические могильники мариупольского типа. Киев, 1991.
- Формозов 1965 – Формозов А. А. О древнейших антропоморфных стелах Северного Причерноморья // СЭ. 1965. № 6. С. 176–181.
- Формозов 1969 – Формозов А. А. Очерки по первоначальному искусству. Наскальные изображения и каменные изваяния эпохи камня и бронзы на территории СССР. М., 1969.
- Формозов 1969а – Формозов А. А. Очерки по первоначальному искусству. Наскальные изображения и каменные изваяния эпохи камня и бронзы на территории СССР. М., 1969. 255 с.
- Формозов 1980 – Формозов А. А. Памятники первоначальному искусству. М., 1980.
- Хлобыстин 1987 – Хлобыстин Л. П. Бронзовый век Восточной Сибири // Археология СССР. Эпоха бронзы лесной полосы СССР. М., 1987. С. 327–344.
- Хлобыстина 1970 – Хлобыстина М. Д. Южносибирская торевтика в карасукских бронзах // Древняя Сибирь. Новосибирск, 1970. Вып. 3. С. 271–279.
- Хлобыстина 1975 – Хлобыстина М. Д. Древнейшие могильники Горного Алтая // СА. 1975. № 1. С. 17–33.
- Худяков 1995 – Худяков Ю. С. Изображения воинов на петроглифах Синьцзяна // Известия лаборатории археологии. Горно-Алтайск, 1995. № 1. С. 119–132.
- Худяков 1998 – Худяков Ю. С. Древнетюркские изваяния из Восточного Туркестана // Древние культуры Центральной Азии и Санкт-Петербург: Материалы всерос. науч. конф., посв. 70-летию со дня рожд. А. Д. Грача. Декабрь 1998 г. СПб., 1998. С. 215–219.
- Хужаназаров 1990 – Хужаназаров М. Изучение наскальных изображений Узбекистана // Проблемы изучения наскальных изображений в СССР. М., 1990. С. 116–122.
- Цэвээндорж, Кубарев, Якобсон, Очирхуяг 2003 – Цэвээндорж Д., Кубарев В. Д., Якобсон Э., Очирхуяг Ц. Монгол Алтайн Цаган Салаа, Бага Ойгорын хадны зураг дахь ухрийн дурийн тухай // Археологийн судлал. 2003. Т. (I) XXI. Fasc. 1–16. Р. 16–42.

- Чариков 1979 – Чариков А. А. О локальных особенностях каменных изваяний Прииртышья // СА. 1979. № 2. С. 179–190.
- Чариков 1986 – Чариков А. А. Изобразительные особенности каменных изваяний Казахстана // СА. 1986. № 1. С. 87–102.
- Черных, Кузьминых 1989 – Черных Е. Н., Кузьминых С. В. Древняя металлургия Северной Евразии (сейминско-турбинский феномен). М., 1989.
- Чеченов 1973 – Чеченов И. М. Нальчикская подкурганная гробница (III тыс. до н. э.). Нальчик, 1973.
- Членова 1984 – Членова Н. Л. Оленные камни как исторический источник (на примере оленных камней Северного Кавказа). М., 1984.
- Чмыхов, Довженко 1987 – Чмыхов Н. А., Довженко Н. Д. О древнейшем индоиранском компоненте в сложении скифской монументальной скульптуры // Древнейшие скотоводы степей юга Украины. Киев, 1987. С. 130–140.
- Чугунов 1997 – Чугунов К. В. Новые находки личин в верховьях Енисея // Окуневский сборник. СПб., 1997. С. 237–239.
- Шер 1966 – Шер Я. А. Каменные изваяния Семиречья. М.; Л., 1966.
- Шер 1980 – Шер Я. А. Петроглифы Средней и Центральной Азии. М., 1980.
- Ширинов Т. Орудия производства и оружие эпохи бронзы Среднеазиатского Междуречья. Ташкент, 1986.
- Шульга 1993 – Шульга П. И. Раскопки афанасьевского кургана у села Чепош // Охрана и изучение культурного наследия Алтая: Тезисы. Ч. I. Барнаул, 1993. С. 86–89.
- Щепинский 1963 – Щепинский А. А. Памятники искусства эпохи раннего металла в Крыму // СА. 1963. № 3. С. 38–47.

На китайском языке:

- Ван Бо 1995 – Ван Бо. Синьцзян люши чжунши (Свод оленных камней Синьцзяна) // Каогу цзикань. Т. 9. Пекин, 1995. С. 239–260.
- Ван Бо 1996 – Ван Бо. Чемурчек вэньхуа чутань (Предварительное исследование культуры Чемурчек) // Каогу вэньхуа яньцзю. Сибэй дасюэ каогу чжуань чэнли сыши чжоу нянь вэньцзи (1956–1996) (Исследования по археологии и культурному наследию: Сб. ст., посв. 40-летию факультета археологии Северо-Западного университета (1956–1996)). Ланьчжоу, 1996. С. 274–285.
- Ван Бо, Ци Сяошань 1996 – Ван Бо, Ци Сяошань. Сычоу чжи лу цаюань шижэнь яньцзю (Исследование каменных антропоморфных изваяний степей на Шелковом пути). Урумчи, 1996. [Вып.] 7 (Сычоу чжи лу яньцзю цуншу (Серия по исследованиям шелкового пути)).
- Ван Линьшань, Ван Бо 1996 – Ван Линьшань, Ван Бо. Чжунго Алтай шань цаюань вэньхуа (Культурное наследие степей китайского Алтая). Шэньчжуань, 1996.
- Ван Минчжэ 1987 – Ван Минчжэ. Синьцзян гудай шидяо жэньсян люэ шо (Краткое сообщение о древних каменных изваяниях Синьцзяна) // Синьцзян шэхуй кэсюэ. 1987. № 3. С. 121–124.
- И Маньбай, Ван Минчжэ 1981 – И Маньбай, Ван Минчжэ. Синьцзян Кэрмуци гу муцунь фацзюэ цзяньбао (Краткое сообщение о древнем могильнике в Кэрмуци, Синьцзян) // Вэньхуа. 1981. № 1. С. 23–32.
- Ли Сяо 1997 – Ли Сяо. Синьцзян Юминь сянь Бардакуль шань яньхуа (Петроглифы гор Бардакуль в уезде Юминь, Синьцзян) // Сычоу чжи лу яньхуа ишу (Искусство наскальной живописи на Шелковом пути). Урумчи, 1997. [Вып.] 2. С. 180–187 (Сычоу чжи лу яньцзю цуншу (Серия по исследованиям Шелкового пути)).
- Ли Чжэн 1962 – Ли Чжэн. Алтай дицю шижэнь му дяоча цзяньбао (Краткое сообщение об исследованиях могил с каменными антропоморфными изваяниями в районе Алтай) // Вэньхуа. 1962. № 7/8. С. 103–108.
- Ли Чжэн 1983 – Ли Чжэн. Алтай дицю шижэнь му дяоча цзяньбао (Краткое сообщение об исследованиях могил с каменными антропоморфными изваяниями в районе Алтай) // Синьцзян каогу саньши нянь (Сорок лет археологии Синьцзяна). Пекин, 1983. С. 128–133.
- Ли Ючунь 1962 – Ли Ючунь. Бозэртала цзычжичжоу шижэнь му дяоча цзяньцзи (Предварительные записи о могилах с каменными антропоморфными изваяниями в автономном округе Бозэртала) // Вэньхуа. 1962. № 7/8. С. 109–111.
- Му Шуньин, Ван Минчжэ 1986 – Му Шуньин, Ван Минчжэ. Синьцзян гудай минцзу вэньхуа (Культурное наследие древних народов Синьцзяна). Пекин, 1986.
- Синьцзян каогу 1983 – Синьцзян каогу саньши нянь (Сорок лет археологии Синьцзяна). Пекин, 1983.
- Су Бэйхай 1994 – Су Бэйхай. Синьцзян яньхуа (Петроглифы Синьцзяна). Урумчи, 1994. Вып. 4 (Гоцзи Алтай сюэ яньцзю цуншу (Серия по международным исследованиям Алтая)).
- Су Бэйхай 1997 – Су Бэйхай, Синьцзян бэй бу муцю гудай дуньхуа фэньбу тэдянь (Особенности распространения животных в северных районах Синьцзяна в древности) // Сычоу чжи лу яньхуа ишу (Искусство наскальной живописи на шелковом пути). Урумчи, 1997. [Вып.] 2. С. 357–365 (Сычоу чжи лу яньцзю цуншу (Серия по исследованиям Шелкового пути)).
- Су Бэйхай, Чжан Ян 1997 – Су Бэйхай, Чжан Ян. Синьцзян Толи сянь Маилэ шань Калацзюэ мучан яньхуа со фаньин дэ гудай лиму вэньмин (Древняя культура охотников, отраженная в петроглифах пастбища Карачук в горах Маилэ уезда Толи, Синьцзян) // Сычоу чжи лу яньхуа ишу (Искусство наскальной живописи на Шелковом пути). Урумчи, 1997. [Вып.] 2. С. 216–234 (Сычоу чжи лу яньцзю цуншу (Серия по исследованиям Шелкового пути)).
- Сунь Бингэнь, Чэнь Гэ 1988 – Сунь Бингэнь, Чэнь Гэ. Синьцзян Хэцзин сянь Чаухугоу коу и хао муди (Могильник № 1 в горном проходе Чаухугоу в уезде Хэцзин, Синьцзян) // Каогу сюэбао. 1988. № 1. С. 75–99.
- У Жужо 1996 – У Жужо. Цинхай Цайдаму мэнь ди Номухун, Балун хэ Сянжидэ сань чу гудай вэньхуа ичжи дяоча цзяньбао (Краткое сообщение об исследовании памятников древних культур в пунктах Номухун, Балун и Сянжидэ аймака Цайдам, Цинхай) // Цинхай шэн каогу цзыляо хуйбянь (Сборник материалов по археологии провинции Цинхай). Вып. 1: 1925–1979 гг. Синин, 1996.

Чжао Янфэн 1987 – Чжао Янфэн. Чжунго Алтай шань яньхуа (Петроглифы Китайского Алтая). Сиань, 1987.

Чэнь Гэ 1995 – Чэнь Гэ. Синьцзян юаньгу вэньхуа чу лунь (Первоначальное рассмотрение культур Синьцзяна в глубокой древности) // Чжунья сюэкань. 1995. Т. 4. С. 6–72.

На западноевропейских языках:

Arnal, Bailloud, Riquet 1961 – Arnal J., Bailloud G., Riquet R. Les Styles Céramiques du Néolithique Français // Préhistoire. T. XIV (Fascicule unique). 1961.

Bailloud, Mieg de Boofzheim 1955 – Bailloud G., Mieg de Boofzheim P. Les Civilisations Néolithiques de la France dans leur Contexte Européen. Paris, 1955.

Bokovenko 1996 – Bokovenko N. A. Asian Influence on European Scythia // Ancient Civilisations from Scythia to Siberia. An International Journal of Comparative Studies in History and Archaeology. 1996. Vol. III, 1. P. 97–122.

Chlenova 1992 – Chlenova N. L. On the Degree of Similarity between Material Culture Components within the “Scythian World” // The Archaeology of the Steppes. Methods and Strategies. Papers from the International Symposium held in Naples 9–12 November 1992. Napoli, 1994. P. 499–540.

Debaine-Francfort 1989 – Debaine-Francfort C. Archeologie du Xinjiang des origines aux Han. P. II // Paleorient. 1989. Vol. 15/1. P. 183–213.

Ingraham, Summers 1980 – Ingraham M. L., Summers G. Stelae and Settlements in the Meshkin Shahr Plain, Northeastern Azerbaijan, Iran // Archaeologische Mitteilungen aus Iran. 1979. Bd 12. S. 67–101.

Kovalev 1992 – Kovalev A. “Karasuk-Dolche”, Hirschsteine und die Nomaden der chinesischen Annalen im Altertum // Maoqinggou. Ein eisenzeitliches Gräberfeld in der Ordos-Region (Innere Mongolei) / Nach der Veröffentlichung von Tian Guanjin und Guo Suxin beschr. und komm. T. O. Höllmann und G. W. Kossack u. Mitarb. Mainz am Rhein, 1992 (Materialien zur Allgemeine und Vergleichende Archäologie. Bd 50). S. 46–87.

Kovalev 1999 – Kovalev A. Überlegungen zur Herkunft der Skythen aufgrund archäologischer Daten // Eurasia Antiqua. Bd 4 (1998). 1999. S. 247–271.

Kovalev 2000 – Kovalev A. Die ältesten Stelen am Ertix. Das Kulturphänomen Xemirxek // Eurasia Antiqua. Bd 5 (1999). 2000. S. 135–178.

Landau 1977 – Landau J. Les representations anthropomorphes megalitiques de la region mediterraneenne (3e au 1er millenaire). Paris, 1977.

Littauer, Crowell 1979 – Littauer M. A., Crowell J. H. Wheeled Vehicles and Ridden Animals in the Ancient Near East. Leiden; Köln, 1979 (Handbuch der Orientalistik. Abt. 7. Bd 1. Abschn. 2, B. Lief. 1).

Matthiae 1962 – Matthiae P. Ars Syra (Arte figurina siriana nell'eta del medio e tarde Bronzo). Roma, 1962.

Samashev 1993 – Samashev Z. Petroglyphs of the East Kazakhstan as a Historical Sources. Almaty, 1993.

Tonceva, 1981 – Tonceva G. Monuments sculpturaux en Bulgarie du Nord-Est de l'age du bronze // Studia praehistorica. Sofia, 1981. Bd 5–6. S. 129–145.